

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Алексей ПЕХОВ

ПОД ЗНАКОМ
МАНТИКОРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Алексей Пехов

Под знаком мантикоры

«Автор»

«Автор»

2004

Пехов А. Ю.

Под знаком мантикоры / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор»,
2004

ISBN 978-5-9922-0174-1

Когда над страной нависла угроза, когда оживают страницы древних сказаний и трон королевства уже не так прочен, как раньше, — происходит загадочное убийство маршала кавалерии Таргеры. Это первое звено в головоломной цепи событий, в которые по воле судьбы оказывается, вовлечен капитан контрразведки маркиз Фернан де Суоза, на чью долю выпало расследовать это непростое дело. Как распутать клубок загадок и узнать тайну, приведшую в движение столь великие силы? Что поможет не оступиться с выбранного пути, а что можно отбросить — долг, веру, честь дворянина или, может быть, память о прошлом?

ISBN 978-5-9922-0174-1

© Пехов А. Ю., 2004

© Автор, 2004

© Автор, 2004

Содержание

Posta di coda lunga a distesa	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	65
Глава 6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Алексей Пехов

Под знаком мантикоры

Автор благодарит Алексея Покровского, Анастасию Парфенову, Веру Камишу, Елену Бычкову, Игоря Шауба, Михаила Федорова, Наталью Турчанинову и Ольгу Громыко. Без их неоценимого внимания и помощи эта книга никогда бы не появилась на свет

Posta di coda lunga a distesa

«... Дали Они нам Знание, и стали мы называть Их Учителями, а Они нас учениками. И было так. И в двадцать седьмой день месяца...»

Строчки текли легко и ровно. Ему было не привыкать писать, Себастьян занимался этим уже более сорока лет, еще до встречи с Учителями.

Закончив абзац, он отложил перо и, поморщившись, закрыл ладонями глаза. Неприятная резь и слезотечение – вот главная награда любого хрониста, особенно если работать приходится постоянно, да еще и при свете свечи. На сегодня хватит. Рукопись может подождать до завтрашнего утра, иначе пытка для глаз и спины станет попросту невыносимой и он не сможет взяться за перо еще несколько дней. А для человека, который взял на себя обязанность вести историю жизни двух Учителей, подобное недопустимо.

Себастьян, кряхтя, встал со стула и, выбравшись на маленький балкончик, полной грудью вдохнул пьянящий аромат ночи. Пахло остывающими после дневной жары камнями, персиковым ароматом кальяна и морем. Город Иштата погружался в сон, наслаждаясь ночной прохладой. Старый хронист посмотрел на горизонт, туда, где не было городских огней и царил мрак пешханской пустыни, глубины души. Он увидел то, чего попросту не могло быть. Это не укладывалось в голову, казалось неестественным, нелепым и неправильным. Всегда мудрые, всегда спокойные и уравновешенные Учителя спорили, словно двое самых что ни на есть обычных людей. Это происходило, как видно, уже давно, ибо говорили они резко и раздраженно, едва не срываясь на крик. Младший из них – высокий, темноволосый мужчина в белоснежном одеянии паломника – сидел на низком диванчике, скрестив ноги. Черные брови были нахмурены так, что сошлись у переносицы. Его старший собеседник – худощавый, длинноволосый и голубоглазый – мерил маленькую площадку широкими и нервными шагами. Глаза его лихорадочно блестели.

В запале ссоры двое не видели и не чувствовали затаившего дыхание человека. Старый хронист, холодея сердцем, вслушался в беседу двух братьев. Тех, кого он и Избранные привыкли именовать Учителями.

– Ты не понимаешь!

– Нет. Это ты не понимаешь! – воскликнул сидевший. – То, что ты предлагаешь, – безумие!

– Это обессмертит нас! Неужели ты не хочешь, чтобы о нас помнили в веках?!

– Хочу! Но не такой ценой! Тебе мало того, что ты имеешь? Ты мечтаешь слишком о многом!

– Я делаю это для людей! – Старший брат остановился.

– Нет, ты хочешь сделать это ради собственного тщеславия! Люди никогда не поймут и не простят тебя, если узнают правду.

– Люди слабы и беспомощны.

– О нет! Они достаточно сильны для того, чтобы принять знание.

Себастьяну мучительно захотелось отступить обратно в полумрак комнаты. Но предчувствие того, что этот разговор может закончиться бедой, удержало его на месте. Хронист вытер ладонью вспотевший лоб. Тихая иштакская ночь стала отчего-то слишком душной...

Часть I Reprise¹

Глава 1

*Si putas in proelio ictus a tergo solam esse vincendi rationem, eo utere.²
Ioannus Tecius. Artifex ferro pugnand*

– А, валаи! – выругался Вето, когда его лошадь в очередной раз поскользнулась, присела на задние ноги – и он едва не загремел с седла в особенно глубокую и мерзкую лужу. – Искусситель бы побрал эту клятую погоду, сеньор! И эту поганую клячу!

– Эта «кляча», мой дражайший лентяй, лучших нельпских кровей, – хмыкнул тот, кого Вето назвал сеньором.

– Простите мою дерзость, сеньор, но что-то это не очень заметно! Она упряма, как мул! – На заросшей щетиной физиономии промелькнуло истинное огорчение. – Как только мы вернемся в Эскарину, сдам ее мяснику!

– Между прочим, она стоит сорок пять этудо. – Кажется, желание слуги избавиться от столь хорошей лошади очень позабавило его спутника.

– Да? – Вето, явно не ожидавший такого поворота дел, нахмурился и с сомнением почесал огромный нос. – Ну и пусть!

– Дело твое. – Фернан едва заметно пожал плечами. – Можешь продать ее мяснику или подарить, можешь проиграть в кости. Я возражать не буду.

– Спасибо, сеньор! – Кажется, Вето был крайне удивлен такой покладистостью своего господина.

– Но учти. Впредь ты будешь ходить пешком, а сорок пять этудо я удержу из твоего жалованья, – все таким же безразличным тоном продолжил Фернан.

Услышав последнюю фразу, Вето погрузился, вновь почесал нос и задумался. Несколько минут прошли в молчании. Наконец слуга соизволил сделать выводы:

– Сеньор...

– Да? – Фернан отвлекся от своих мыслей и посмотрел на прохиндея.

– Я тут подумал и решил, что такая замечательная животино – слишком жирно для мясника. Валаи! Бедняжка не виновата, что дорога скользкая! Это все распроклятый дождь! Именно из-за него такая грязь! Я решил не продавать ее. Вот!

– Мудрое решение, Вето. – Фернан едва сдержал улыбку. – А теперь будь любезен помолчать. Прежде чем мы доедем до Арреды, мне надо подумать.

Слуга поспешно кивнул, сплюнул, едва слышно пробормотал себе под нос привычное «валаи» и замолчал. Теперь уже надолго. Иногда он вертел головой и с огорчением пятилетнего ребенка разглядывал местность, куда его забросила нелегкая судьба. От Эскарины – столицы Таргеры – до территории, по которой сейчас ехали двое всадников, было чуть больше пяти часов езды, но разница между расположенным у Сарейского моря городом и этой дырой была разительной. Сплошные холмы и леса. Ни открытого пространства, ни моря. Одно слово – провинция.

¹ Реприза – вздвоенная атака. (фр.)

² Если считаешь, что в бою удар в спину – это единственный способ победить, пользуйся! (Джованни Тече Мастер фехтования). – Здесь и далее перевод на латынь И. Ю. Шауба.

Ночью здесь прошел сильный дождь, и дорогу, выющуюся по склонам пологих холмов, которые до самых вершин заросли дебрями дикого винограда, развезло. Даже жаркое послеобеденное солнце так и не смогло высушить огромные лужи и привести тракт в надлежащий вид. Жирная рыжеватая грязь противно чавкала под копытами лошадей и заставляла всадников быть начеку. В любой момент животные могли поскользнуться, и люди, решившие отправиться в столь странную прогулку по ненадежной дороге, старались придерживать своих коней. Из-за этого Фернан уже опаздывал на час. Если не на два.

Спустя какое-то время холмы остались позади – и всадники въехали в небольшую долину. Быстрая речка, маленькая сонная деревушка. Ничего примечательного. Лишь шпили небольшого охотничьего замка, расположенного на дальней оконечности долины, немного оживляли пасторальный пейзаж. Фернан посмотрел на замок, удовлетворенно кивнул и ударил лошадь в бока каблуками сапог. Вето вновь пробормотал «валаи!».

Дорога была сухой, не то что во время путешествия через холмы, и скорость всадников заметно увеличилась. Через деревушку они пролетели, словно горячий августовский ураган, что иногда обрушивается на Таргеру, преодолев Сарейское море.

– И какой Искуситель дернул сеньора покойника, сохрани Спаситель его светлую душу, так далеко забраться от столицы? – пробормотал Вето и вновь сплюнул.

Фернан ему не ответил. Замок назывался Арреда и был построен лет двести тому назад тогдашним королем. Небольшой, аккуратный, почти игрушечный, Арреда не был приспособлен для обороны. Никто не собирался пережить нападение врагов за тонкими, невысокими стенами или в двух изящных, но совершенно не приспособленных для боя башенках. Охотничий замок – вот его второе название. Раньше тут очень любили останавливаться короли, благо здесь их всегда ожидала славная охота на ланей и лесных котов. Но короли имеют премерзкое свойство умирать или быть умерщвленными. Предку нынешнего короля не повезло. Как раз во время охоты в окрестностях этого замка он получил арбалетный болт в шею и приказал долго жить. Стрелка не нашли, а безутешная вдовствующая королева так невзлюбила место, возле которого погиб ее муж, что передала эту нелюбовь своим детям. Ни один король Таргеры больше ни разу не приезжал в Арреду, и, так как замок в общем-то стоял без дела, его быстро подарили за какие-то заслуги одному из военачальников рода де Туриссано.

Так что сейчас эта затерянная меж холмов провинции Нуорра игрушка принадлежала одному из потомков де Туриссано, а если быть точным, то Мигелю де Туриссано графу Майдельскому, командующему «Ураганными головами», маршалу кавалерии Таргеры, носителю ордена Святого Антония и прочая, прочая, прочая. И как это ни прискорбно звучит, граф Майдельский вот уже часов шестнадцать как был покойником. Именно это досадное обстоятельство и заставило Фернана ранним утром покинуть столицу и направиться в замок, чтобы лично убедиться в смерти столь известной в высших военных кругах Таргеры личности.

Они проехали мимо стен, сложенных из желтого камня, и оказались у распахнутых ворот.

– Это... – Вето выглядел настолько озадаченным, что даже забыл выругаться. – А где все, сеньор?

– Сейчас узнаем.

Они въехали во двор и сразу же увидели карету, запряженную четверкой ослепительно белых лошадей. На дверцах был изображен крест Спасителя, и набожный Вето не преминул перекреститься и прошептать быструю молитву. Крест был не белого, а бордового цвета. Фернан лишь едва заметно опустил уголки губ и даже не озаботился помянуть Спасителя. Сеньор де Суоза не очень-то любил Орден отцов-дознавателей Святой Церкви. У маркиза люди, облаченные в бордовые рясы и имеющие дело с магией, пускай она хоть – трижды является даром Спасителя, вызывали стойкую антипатию.

Нет, конечно, сеньор де Суоза понимал, что Орден крови Бриана нужен и стране и Церкви, понимал, что магия всего лишь инструмент, но вот только этот инструмент ока-

зался совсем не в тех руках... Попросту говоря, сеньор де Суоза не слишком одобрял догматы, коими Святая Церковь в лице отцов-дознавателей выжигала ересь, семя Искусителя и все то, что мешало клирикам жить на широкую ногу. По мнению Фернана, за последние два столетия Святая Церковь уж слишком часто стала лезть в дела мирские, а в особенности политические. Больше всего в этом усердствовал Орден крови Бриана. Священники в бордовых рясах совали свой нос во все дыры.

Кардинал Таргеры тоже был выходцем из Ордена крови Бриана. Ранее небывалый случай, чтобы отец-дознаватель принял на себя кардинальские регалии, а теперь пожалуйста, никого этим уже не удивишь. Фернану не было дела до внутренних склок церковников. Пускай «бордового» хоть Папой сделают, ему все равно. Куда больше маркиза тревожил другой Орден, который клирики называли не иначе как Карающим Клинком в руках Спасителя или «серыми» монахами, а народ – «гарпиями». Эти были настоящими фанатиками, и слава богу, что Орден был малочисленным. Но, похоже, последнее обстоятельство клириков нисколько не смущало. Своим фанатизмом «серые» иногда пугали даже «бордовых» братьев, не говоря уже о других многочисленных церковных орденах Таргеры. «Гарпии» были готовы сжечь любого, кто не поминал Спасителя по сто раз на дню и не чтит церковных постов. Но это так, мелочи. Ну подумаешь, сожгли на костре пару еретиков. Делов-то! Авось Таргера еретиками не оскудеет – и отцам-дознавателям еще найдется работа.

Куда страшней было совсем другое – шестьдесят лет назад возникшая в Ордене крови Бриана Таргеры палата «гарпий» очень напористо и грамотно начала рваться к власти. Святые отцы уже умудрились основать свой Орден. Что будет дальше? Пока „бордовые“ еще владеют ситуацией, но кто поручится, что года через два „серые“ не займут главенствующее положение в таргерской Церкви? В отличие от братьев других церковных орденов все входящие в Орден „гарпий“ обладали Даром. Магией. Спаситель к ним явно благоволил.

Они могли посоперничать со своими «бордовыми» братьями и были раза в три сильнее клириков из других орденов. Чего в этом мире до сих пор не хватало, так это святош-фанатиков, у которых руки так и чешутся, дабы применить Дар отнюдь не в мирных целях! Слуцись так, что «умные» головы решат бросить «гарпий» в бой... если в битвах начнут использовать магию, подаренную Церкви Спасителем... Нет! Положительно лучше об этом не думать! Что будет с единой Церковью, если святоши вражеских стран начнут бросать в головы друг друга сияющие копья истинного света? Раскол и столько крови, что любая война – даже великие походы предков на восток во славу Спасителя покажутся незначительными стычками. Папа не мог не знать, какую опасность представляют «серые», но пока ничего не предпринимал. Выжидал. На взгляд сеньора де Суоза, убивать дракона надо, пока он маленький и не умеет плевать огнем, иначе тварь вырастет и будет поздно.

Все эти мысли за долю секунды пронеслись в голове Фернана.

– Валаи! Видать, дело плохо, если «бордовые» приехали, а, сеньор?

– Скоро увидим, насколько все плохо.

Как и следовало ожидать, карета была пуста. Зато у входа в дом стояли люди. Двое. Кирасы, короткие алебарды стражников. По расцветке мундиров он заключил, что эти двое из гарнизона Эскарины. К тому же стражники были не простые, а из жандармерии. Далеко же их занесло! Увидев вновь прибывших, люди прервали разговор. Не доезжая до них ярдов десять, Фернан спешил, передал поводья слуге и медленно пошел в сторону стражников. Те с интересом и явным любопытством изучали идущего к ним дворянина.

Сеньора Фернана вряд ли кто осмелился бы назвать красавцем. Слишком резкие, угловатые черты лица. Тонкие губы, высокие, будто вырубленные палашом скулы, холодные голубые глаза, бледная кожа. Волосы, брови, прямые усы и маленькая аккуратная светлая борода. В Таргере, где основная масса населения смугла и черноволоса, блондины встречались достаточно редко. Фернан был худощав, жилист, гибок. Но отнюдь не слаб. Двигался он легко

и непринужденно, с грацией танцовщика зажигательной ральеды или опытного фехтовальщика.

Его невысокий рост служил причиной едких, а порой и ядовитых замечаний при дворе. Впрочем, замечания как-то разом прекратились, когда прогремели четыре дуэли с излишне резкими насмешниками. После трех поединков злопыхателей уносили с поляны под отходную молитву священника вперед ногами. В последнем бою не в меру говорливый бретер просил прощения у сеньора Фернана, стоя на коленях. Впрочем, ему ничего другого не оставалось – с приставленной к горлу шпагой не поспоришь. С тех пор с невысоким блондином предпочитали не связываться, а если и злословили по поводу его маленького роста, то тихо и тайно.

Всегда подтянутый, опрятно одетый, прекрасно умеющий скрывать свои эмоции от окружающих под маской спокойствия, а иногда и высокомерия, сеньор Фернан был нелюбим двором. Он не очень-то из-за этого расстраивался и платил разодетому скопищу придворных лизоблюдов тем же.

– Я приехал по делу графа Майдельского.

– Сеньор, к сожалению, граф сейчас не может никого принять. – С дворянином стражник старался быть вежливым. – Нам сказано никого не пропускать, сеньор. Простите.

– Мне не нужен граф. Сейчас мне будет достаточно увидеться с тем, кто здесь распоряжается. Не могли бы вы быть столь любезны и освободить дорогу? – Фернан позволил себе едва заметную улыбку.

– Сеньор... – начал было стражник, но его товарищ, который до этого момента молчал, наконец-то догадался повнимательней рассмотреть одежду подошедшего к ним дворянина и теперь отчаянно пихал своего напарника локтем в бок.

Дорожный костюм мышинового цвета, шляпа и перо серой расцветки, витая серебряная цепь очень тонкого, тройного плетения. Короткий серый плащ удерживался на плечах с помощью застёжки. Широкий пояс, отличная шпага со сложной витой гардой. Картину довершала серьга в левом ухе сеньора. Как видно, именно продолговатый изумруд привлек первоначальное внимание стражей, и они не сразу обратили внимание на маленький серебряный значок, приколотый к костюму. А обратить на него внимание следовало в первую очередь.

Значок изображал маленькую ящерицу с шестью лапами и головой петуха. Василиск.

Говоривший стражник осекся на полуслове, вытаращил глаза, как будто опасаясь, что василиск сейчас оживет. В разговор пришлось вступать второму жандарму:

– Простите, сеньор! – Алебарды разошлись как по мановению руки.

– Возьмите лошадей у моего слуги, – бросил Фернан, проходя мимо.

– Конечно, сеньор.

– Вето, присмотрись.

Слуга кивнул, и Фернан, удовлетворенно кивнув в ответ, вошел в замок. Быть может, Вето Нос чересчур любит ныть и ругаться, быть может, он слишком часто играет в кости и вообще прохиндей, каких свет не видывал, но, когда надо, слуга становился незаменимым помощником в делах самого разного рода. В том числе таких, где надо подмечать то, что обычный человек никогда при всем желании не заметил бы.

Фернан уже прошел половину широкой, увешанной головами оленей галереи, когда его догнал один из жандармов:

– Сеньор!

Он обернулся:

– Не беспокойся, твоя помощь мне не понадобится. Я найду дорогу. Лучше присмотри за моими лошадьми.

Стражник поспешил назад.

Маркиз лишь усмехнулся, покачал головой и направился своей дорогой, поочередно заглядывая в каждую комнату первого этажа. В шестой по счету комнате он обнаружил людей.

Один смотрел в окно, другой перебирал книги, стоящие в большом шкафу. Заслышав шаги, оба обернулись.

– Господа. – Фернан отвесил едва заметный поклон.

– Что вы здесь делаете, сеньор?! – резко бросил тот, что стоял у окна. – Я приказал страже никого не пускать!

Мундир и нашивка старшего следователя жандармерии делали этого пузатого субъекта излишне самоуверенным. Возмущенно раздувая щеки, человек направился к Фернану. Второй вновь занялся изучением книг. Следователь заметил серебряного василиска. Вся самоуверенность и праведный гнев мигом исчезли. Он поспешно и несколько нервно стал застегивать верхнюю, расстегнутую из-за жары пуговицу мундира и постарался вытянуться по стойке «смирно» (что благодаря внушительному животу выглядело довольно забавно).

– Оставьте. Это ни к чему, – поморщился Фернан. – Вы здесь главный?

– Да, сеньор! Старший следователь жандармерии третьего участка Эскарины Хорте. – Толстяк несколько расслабился и перестал потеть.

– Хорошо, господин Хорте. Вы проведете меня к покойному?

– Всенепременно, сеньор...

Его невысказанный вопрос повис в воздухе.

– Де Суоза. Фернан Руис де Суоза маркиз де Нарриа, капитан «василисков», – милостиво соизволил назваться Фернан.

– О! Мы ждали вас, но не думали, что так скоро. После грозы дороги просто ужасны. Прощу вас.

«Василиск» направился за господином Хорте. Тот вывел его в галерею, увешанную оленьими головами. Следуя за жандармом, вот уже в который раз в жизни маркиз не переставал удивляться, какой эффект оказывал знак «василиска» на некоторых людях, носящих военную форму.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Контрразведка среди военных была весьма... нелюбима. Их иногда... как бы это помягче сказать?... боялись. Боялись до дрожи в коленках, до потных мундиров и мокрых штанов.

Слава у «василисков» была самая дурная. И вполне заслуженная. Методами своей работы в розыске шпионов, затесавшихся в ряды славной армии Таргеры, контрразведчики иногда переплевывали даже отцов-дознавателей Ордена крови Бриана. А это о чем-то говорило. Застенки, в коих держали подозреваемых, были ничуть не хуже застенков Церкви.

Впрочем, контрразведчики занимались не только тем, что ловили тех, кто выводывал государственные тайны для врагов государства. Люди, носившие на одежде серебряных ящериц, выводили на чистую воду врагов Таргеры, паршивых овец, затесавшихся в ряды армии. Начиная с мелкого капрала, продавшего продукты гарнизона торговцу, и заканчивая генералами, задумавшими предать родину. Тех, кто искал врагов среди своих, боялись, ненавидели и... терпели. Потому что методы, которые иногда использовались, полностью себя оправдывали. Шпионы выявлялись, продажные вояки отправлялись на рудники, заговоры раскрывались, и целостность армии и страны оставалась неприкосновенной.

Хорте свернул с галереи на широкую, покрытую дорогим пешханским ковром лестницу. Они поднялись на второй этаж, прошли мимо настежь распахнутых дубовых дверей и оказались в большой, ярко освещенной комнате. Фернан увидел, что одно из трех окон было разбито и легкий сквозняк играл с краем белой занавески. Камин, медвежья шкура на полу. На стене головы кабана, оленя и, судя по размеру, птенца грифона. Часть стены возле камина отчего-то была закрыта широким куском красного атласа. Фернан бросил на тряпку удивленный взгляд. Скатерть? Но что она делает на стене?

Между головой оленя и кабана – герб рода де Туриссано (лошадиная подкова под яблочным деревом), сложенный из кусочков оленьих рогов. Напротив чучела медведя – доспехи.

Все остальное место в комнате было занято точно такими же книжными шкафами, как и в комнате, где Фернан обнаружил следователя военной жандармерии. В помещении находились трое. Судя по неброской, ничем не выделяющейся одежде и шляпам без перьев – младшие следователи.

– Оставьте нас, господа, – сказал маркиз. Взгляд его уже был прикован к столу, стоящему недалеко от окна кабинета.

Следователи с удивлением посмотрели на Хорте, но тот сделал страшные глаза и кивнул.

Мигель де Туриссано лежал на полу рядом со столом, тут же валялось перевернутое кресло, разбитый бокал и разбросанные бумаги. Как и сообщили утром Фернану, сеньор де Туриссано действительно был мертв. Ибо не жилец тот, у кого в спине торчит кинжал. Де Суоза поджал губы. Кажется, в некоторых государственных кругах начнется большая буря.

Он присел рядом с телом и, не дотрагиваясь до него, внимательно осмотрел. Судя по всему, покойник явно не ожидал удара в спину. Впрочем, о чем это он? Удара в спину никогда не ожидаешь. Тем он и прекрасен. Глаза графа Майдельского были открыты. Из угла рта, как видно, текла кровь, теперь она запеклась в черной бороде. Маршал лежал на левом боку. Как ни странно, на бархатном халате почти не было крови, правая рука прижата к боку. В ней кинжал. Судя по всему, перед смертью покойный достал клинок из-под халата, но воспользоваться им, увы, не успел. Фернан вгляделся в лицо убитого. Он встречался с сеньором де Туриссано пару раз на королевских приемах, но, естественно, не общался. Не тот вес.

– Хорте, – Фернан встал, – вы ведете расследование?

– Да.

– Вы трогали тело?

– Нет, сеньор. Его так и нашли.

– Кто нашел? – Фернан внимательно осматривал комнату.

– Слуга.

– Давайте по порядку, Хорте, – вздохнул сеньор де Суоза, снял перчатки, затем расстегнул застежку, удерживающую плащ. – Торопиться нам некуда.

– Покойного обнаружил слуга около пяти часов утра сегодняшнего дня, – послушно стал докладывать следователь. – Он забеспокоился, что в окне хозяина горит свет, обычно граф очень рано ложился спать, и пришел проверить, не случилось ли чего. Когда увидел, что сеньор де Туриссано мертв, вскочил на коня и погнал в столицу. Сообщили нам, сообщили вашему начальству. Когда мы приехали, все было в точности как вы видите.

– Понятно, – процедил Фернан, хотя ему ничего не было понятно. Какого Искусителя понадобилось кому-то убивать знаменитого маршала? – Что сказал лекарь?

– Первый же удар оказался смертельным. Думаю, Спаситель забрал его душу сразу же. Сеньор де Туриссано не мучился.

«Не мучился? – подумал Фернан. – Тот, кто умирает сразу, не опрокидывает стул, не сгребает со стола бумаги и бокал с вином и даже, упав, не старается дотянуться до убийцы кинжалом. Похоже, маршал опасался того, кто пришел к нему в гости, и решил заранее подготовиться».

– Крови мало.

– Лекарь сказал, что кровотечение было внутренним.

«Быстрая смерть»! – Фернан позволил себе тихонько фыркнуть. – Наверняка задела легкое – и граф попросту захлебнулся собственной кровью».

– Слуга в замке?

– Да, но, по его словам, он ничего не слышал. Хотите допросить?

– Это успеется. А что другие слуги?

– Больше никого.

Фернан удивленно изогнул бровь:

– Вот как? А кто же следит за замком? Кто убирает, готовит?

– Граф здесь редко бывал. Когда он приезжал из столицы, обычно слуг нанимали в ближайшей деревне, да и то не всегда. Покойный любил уединение. Что до того парня, то он человек графа. Прибыл с ним из столицы.

– Пригласите его.

Хорте отдал приказ, и спустя минуту один из младших следователей ввел в комнату слугу. Им оказался высокий и уже немолодой детина в мундире сержанта «Ураганных голов», что, впрочем, и неудивительно. Граф, как и многие другие военные, набирал личных доверенных из своих же солдат. На лежащего под столом покойника слуга старался не смотреть.

– Расскажи сеньору то, что ты поведал мне, – приказал Хорте.

– А чего рассказывать-то, господа хорошие? – забубнил слуга. – Вышел посс... прогуляться, гляжу – у графа в окошке свет горит. Ну, я тогда и почуюл неладное. Зашел, а он уже холодный. Ну я на лошадь – и в Эскарину, к графине, значит. А уж потом... вот.

Сержант развел руками.

– Ночью что-нибудь слышал?

– Нет, господин. Я спал. Да и далеко. Меня еще с вечера граф во флигель отослал и сказал, чтобы до утра я его не беспокоил.

– Вот как? Граф ждал гостей?

– Не могу знать, сеньор. Я никого не видал.

– Ладно, ступай.

Сеньор де Суоза вновь остался наедине со следователем.

– Господин Хорте. Кто, по-вашему, убийца?

– Я не знаю, сеньор.

– Вот как? – Фернан посмотрел на усатого толстяка с уважением. Редко кто из следователей жандармерии отваживается признаться в том, что он ничего не знает.

– Я могу высказать две версии.

– Рискните...

– Слуга... – Следователь неуверенно умолк.

«Спихнуть на него ты бы и рад, да вот только убитый слишком большая фигура в армии, чтобы его окружение поверило в такого козла отпущения, как слуга», – подумал Фернан и продолжил слушать господина Хорте.

– ... Ну и конечно, не стоит исключать банальное ограбление. Этот детина-сержант сказал, что пропало несколько заметных и дорогих вещей. Но по мне, так это совершенно неуклюжая инсценировка.

– Вот как?

– Смотрите, сеньор. – Хорте подошел к разбитому окну. – Конечно, можно предположить, что убийца забрался вот по этой обвитой плющом декоративной решетке, разбил окно и убил графа, если бы не два обстоятельства. Во-первых, сеньор де Туриссано не был глухим, на шум разбитого стекла он бы обернулся, и убийца не смог бы нанести ему удар в спину. А во-вторых, на полу почти нет осколков. Все внизу, на улице. Могу предположить, что стекло разбивали не снаружи, а изнутри. Ну и конечно, бокалы. Один стоит на столе, видите? Тот, что с вином. А второй – разбитый, лежит рядом с телом. Похоже, у графа этой ночью был гость. А быть может, и несколько, только пили лишь двое.

– С чего вы взяли, Хорте?

– Можно предположить, сеньор, что, пока граф разговаривал с одним, именно с тем, кто пил вино, кто-то другой, не пивший, зашел сзади и ударил свою жертву кинжалом.

– Если учесть, что пил именно граф.

– Бутылку уже унесли. Лекари хотят проверить вино на наличие яда.

– Остается только узнать, почему убийцы не забрали оружие убийства? – хмыкнул Фернан.

– Это кинжал графа. Его сняли со стены в оружейной комнате.

– Понятно. – Зацепка с оружием убийцы ушла на дно. Кто бы ни всадил клинок в спину графа, он был достаточно умен, чтобы не пользоваться своим кинжалом. А жаль, оружие заметное. Пешханская сталь. – Что говорят отцы-дознаватели?

– Ничего.

– Вот как? – Теперь Фернан действительно удивился. Порой клирики-дознаватели с помощью Дара могли почувствовать отголоски произошедшего убийства, увидеть какие-то намеки. А тут совсем ничего.

– Они не склонны были со мной разговаривать по этому вопросу, сеньор.

– Понимаю. Где они сейчас?

– На первом этаже, в библиотеке. И... они очень недовольны.

«М-да, довольные физиономии не являются характерными особенностями „бордовых“.

– Хорошо. Спасибо, Хорте. Я сам с ними поговорю. Он в последний раз осмотрел тело графа. По лицу покойного ползала большая зеленая муха, и Фернан отогнал ее.

– Господин Хорте, пусть ваши люди позаботятся о мертвом.

Сейчас у Фернана не было ни одного разумного объяснения, почему убили графа. Ограбление? Глупости. Есть гораздо более простые способы выкопать себе могилу и обратить на себя внимание «василисков». Разве что это был глупец или какой-то залетный парень. Борьба за наследство? Но, насколько знал сеньор де Суоза, у графа не было детей. Что еще? Большая политика? Вполне возможно. Кто-то метил на место сеньора де Туриссано? Он кому-то перешел дорогу? Лишил заслуженного звания или награды? Интересно, что скажут король и маршал армии?

– А что у вас на стене? – Фернан кивнул на кусок красной ткани, закрывающей стену.

– Рисунок, – неожиданно тоненько пискнул следователь. Сеньор де Суоза нахмурился:

– Так покажите его мне, раз уж упомянули!

– Не могу, сеньор. Отцы-дознаватели закрыли его сразу же, как вошли в комнату.

Понятно. Очередной каприз Церкви. А жандарм конечно же не рискнет класть голову на плаху гнева Ордена крови Бриана.

– Я открою, раз вы опасаетесь.

– Но...

– Думаю, Церковь не будет возражать, если один из ее верных сынов заглянет под эту тряпку.

Во всяком случае, сеньор де Суоза очень на это надеялся. Он подошел к стене, сорвал ткань, удивленно хмыкнул и отошел в противоположный конец комнаты, чтобы оценить рисунок. На белой стене четкими красными линиями была нарисована окружность. В ней всего лишь несколькими отдельными и не очень-то ровными штрихами оказалось намалевано нечто напоминающее льва с крыльями и скорпионьим хвостом. Незвестный художник рисовал даже хуже, чем Вето, но Фернан вполне смог разобрать, что изображено на стене. Мантикора. Тварь, обитающая в пустынных скалах далекого Пешханства.

– М-м-м... Не знал, что сеньор де Туриссано имел склонность к подобного рода рисункам.

– Мы предполагаем, что это нарисовал убийца. Во всяком случае, как говорит слуга, до этой ночи здесь ничего подобного не было.

– Только сумасшедших и фанатиков во всем этом деле мне и не хватало, – зло бросил Фернан, продолжая изучать рисунок. – Рисовали кровью?

– Что? А, нет, сеньор. Это краска.

– То есть после убийства этот человек решил посвятить себя искусству и не нашел ничего лучше, как расписать комнату маршала? Краску он принес с собой? – Последние слова сеньора де Суоза прозвучали явно издевательски.

– Нет, сеньор. Краска была в замке.

– Этот некто был очень хорошо осведомлен о замке. Где лежит краска, где лежит кинжал. Мне остается только предположить, что он бывал здесь раньше.

Фернан сразу же вспомнил слугу. Да, вполне возможно... Он должен знать замок. Почему убил? Быть может, граф задержал ему жалование или не отпустил на какой-нибудь праздник. Искуситель поймет этих слуг!

– Мы приглядываем за слугой. – Хорте, кажется, читал мысли сеньора де Суоза. – Но это мог быть и кто-то из очень хороших знакомых графа.

– Осталось найти этого знакомого и отправить на плаху, – нехорошо усмехнулся Фернан. – Боюсь, что вам предстоит сложное дело, господин Хорте.

– Так... ваша организация не будет проводить расследование, сеньор? – Господин Хорте явно расстроился, что не может спихнуть эту очень щекотливую ношу на других.

– Боюсь, что нет. Мы будем наблюдать за расследованием, но не более того. Во всяком случае, у меня на этот счет нет никаких распоряжений. Начальство лишь просило оценить обстановку. Всего хорошего, господин Хорте.

Он едва заметно поклонился, подхватил плащ и вышел из комнаты.

«Оценить обстановку!» – Фернан недовольно скривил губы. Он понимал, почему граф де Брагаре направил сюда именно его. Не будь убит маршал кавалерии, прислали бы кого-нибудь помельче, чем капитан. А так де Брагаре пришлось отправлять своего личного помощника туда, где бы справился обычный следователь жандармерии. И, несмотря на это, сеньор де Суоза был несколько зол и обижен на своего начальника. Не дело Фернана ехать за столько лиг от столицы лишь для того, чтобы увидеть покойника.

Он спустился на первый этаж, вновь прошел по просторной замковой галерее. Де Туриссано были отменными охотниками. Во всяком случае, судя по висящим на стенах головам, паре сотен оленей явно не повезло. Сам Фернан не любил охоту. Мотаться с арбалетом или мушкетом по лесу, вылавливая осторожную лань, или бросаться с пикой на кабана сеньор де Суоза считал не очень большим удовольствием. Нет, конечно, он охотился, но, на его взгляд, охота была глупым времяпрепровождением многочисленных миньонов Карлоса III, а Фернан, находясь рядом с большинством этих расфуфыренных павлинов, хотел лишь одного – побыстрее покинуть столь яркое и слащавое общество. Так что хорошей охоте низкорослый «василиск» предпочитал не менее хорошую тренировочную схватку на рапирах.

В поисках библиотеки Фернан не переставал думать о произошедшем убийстве, но в мыслях царил хаос. Убийство столь высокопоставленного человека на первый взгляд выглядело полной бессмыслицей. Да еще и этот рисунок. Явно рисовали специально. Что хотел сказать художник? Что скрывалось под знаком мантикоры? Быть может, это такой странный способ сбить расследование с истинного пути? И отчего это святые отцы-дознаватели так скоренько прикрыли столь живописную картину тряпкой? Вопросов было слишком много, а вот ответов... Ответов у Фернана Руиса пока что не было.

Глава 2

Si ante tempus ferram denudavis contra Lamiam, vel sacerdotem vel ignotum, scias eorum primum velocitate, secundum sermone atque Salvatoris donis, tertium confidentia tua te vincere posse.³

Ioannus Tecius. Artifex ferro pugnandi

Библиотеку графа Фернан нашел в противоположном крыле замка. Трижды он встречал следователей жандармерии, изучающих комнаты на предмет улики. На него косились, но, увидев эмблему «василиска», глупых и несвоевременных вопросов не задавали и препятствий не чинили.

Размерами библиотека не уступала бальному залу средней величины. Помещение неприятно поразило сеньора де Суоза учиненным в нем разгромом. Исходя из того что Фернан видел в других комнатах замка, маршал кавалерии любил книги и относился к ним бережно. Здесь же... Будь граф жив, он бы точно поубивал тех, что сейчас вытаскивали драгоценные фолианты из шкафов и не глядя бросали на пол, где уже высилось несколько горок. Фернан поморщился и презрительно скривил тонкие губы.

В библиотеке находились шестеро. Четверо – отцы-дознаватели одной из низших ступеней, облаченные в грубые шерстяные рясы. Орденцы даже не были «озаренными»⁴.

Именно они занимались так называемой сортировкой книг. Работали клирики споро и грубо и на вошедшего Фернана не обратили никакого внимания. Зато святые отцы, сидящие за столом, заметили гостя. Один из них, увидев застывшего в дверях сеньора де Суоза, нахмурился и поманил Фернана пальцем. Тот с досады скрипнул зубами, выругался себе под нос не хуже Вето и направился к поджидающим его церковникам. Если бы Фернан знал, кого он встретит в библиотеке графа, то трижды бы подумал, стоит ли сюда приходить.

Епископ Эскарины, Мигель Алессандро де Лерро, глава Ордена крови Бриана, был вторым человеком в Церкви Таргеры после Его Высокопреосвященства кардинала Хосе Пабло де Стануззи. Вторым по власти, но первым по опасности. С Его Святейшеством старались не связываться, ибо не было в рядах Святой матери Церкви (исключая «гарпий» конечно же) человека более фанатично любящего Спасителя и преследующего врагов его в лице предавшихся Искушению.

Мигель де Лерро любил Церковь и был любим ею. Жестокий с врагами, он никогда не давал пощады тем, кто встал на пути Веры. Его боялись, и... его уважали. Потому что, несмотря на жестокость, этот человек сделал многое для своей страны. И если уж говорить честно, то жестокость не была для него удовольствием, а являлась необходимостью, инструментом в укреплении власти Церкви и славы Спасителя.

А еще де Лерро, выходец из одного из самых старейших родов Таргеры, был человеком неординарного ума. Выбрав в молодости служение Спасителю, к своим неполным сорока годам епископ успел достичь многого. Очень многого. Поговаривали, что он вполне может получить кардинальскую шапочку и посох Таргеры, ибо Его Высокопреосвященство де Стануззи был слишком стар и ему предрекали скорую встречу со Спасителем, хотя на этот счет Фернан готов был поспорить. По мнению «василиска», Старый Гриф Хосе Пабло де Стануззи при желании переживет всех ныне живущих. Молва уже несколько раз хоронила Его Высокопреосвященство, но тот жил и здравствовал, лишь усмехаясь курсирующим по Эскарине слухам о его

³ Если ты поспешил обнажить шпагу против лами, клирика и незнакомца, помни: первый победит тебя скоростью, второй – речами и даром Спасителя, третий – твоей же самоуверенностью.

⁴ «Озаренные» – клирики, обладающие Даром – способностью к магии. Обычно носили знак золотой длани на рясе и являлись церковниками среднего и высшего ранга.

скорой смерти, и неизменно приезжал на похороны тех, кто совсем недавно во всеуслышание «хоронил» тщедушного кардинала. Впрочем, сейчас речь была не о желчном старике. Епископ де Лерро, высокий, широкоплечий, черноглазый и смуглый, нравился женщинам и являлся предметом несбыточных желаний многих благородных дам и простолюдинок, которые не переставали недоумевать, почему такой красавец выбрал служение Церкви и загубил свою жизнь. Но к вниманию, оказываемому ему женщинами, де Лерро оставался холоден. И даже «василиски», однажды (конечно же только ради «обычного интереса») решившие сунуть нос совсем не в свою вотчину и попытавшиеся аккуратно перекопать грязное белье епископа, не смогли ничего найти. В том числе и этого самого грязного белья. Безупречно чист. Если не сказать – идеален. Чуть ли не святой. Того и гляди, запишут в соратники к Спасителю. Истинный сын Церкви со всеми вытекающими.

Его Святейшество обладал Даром. В магии Спасителя Мигель Алессандро де Лерро был одним из сильнейших клириков Таргеры, уступая лишь кардиналу.

Фернан, идя к наблюдающему за ним церковнику, превратил лицо в маску спокойствия и полной невозмутимости, хотя в его душе бушевала буря. Все объяснялось тем, что сеньор де Суоза и Его Преосвященство не любили друг друга. Причем не любили крепко. Конечно же ни на людях, ни оставаясь лицом к лицу ни один из них не позволял себе проявить своих истинных чувств. Фернан старался не связываться с Церковью, а епископ старался не злить «василисков» без крайней на то нужды. Оба были слишком умны для того, чтобы показывать зубы и лезть в совершенно ненужную драку. Они старались ограничиваться холодно-вежливыми разговорами.

Правда, несколько раз Фернан и епископ сталкивались лбами на почве интересов Церкви и «василисков», и здесь, как правило, приходилось отступать маркизу. Так как влияние Фернана не шло ни в какое сравнение с весом влияния епископа. Если Церковь чего-то очень хотела, то она этого добивалась.

Незнакомый маркизу клирик оказался одним из так называемых клинков в руках Спасителя – плотный субъект с толстым, добродушным лицом, пухлыми руками, преждевременными залысинами и серыми, словно бы под цвет дорогой рясы, сонными глазами. Смотрел он на капитана без неприязни, даже с каким-то затаенным интересом. Левая рука клирика безостановочно перебирала янтарные четки.

«Вот только „гарпии“ мне здесь для полного счастья и не хватало», – обескуражено подумал Фернан. Пожалуй, можно было сказать, что он был несколько ошеломлен тем, что встретил в замке столь влиятельных лиц Церкви. Если сам епископ Эскарины и один из немногочисленных (слава Спасителю!) «гарпий» вдруг оказались так далеко от столицы, пускай из-за убийства высокопоставленного лица, – это событие. Событие, которое заставляло задуматься, что такие люди делают в столь далеком от сферы их интересов месте? В голове Фернана ударил набат. Ударил и смолк, ибо Его Преосвященство встал со стула и с самой что ни есть благожелательной миной протянул Фернану руку для поцелуя епископского перстня. Сеньор де Суоза с непроницаемым лицом совершил ритуал.

Быть может, со стороны это выглядело очень благообразно – почтительный дворянин приветствует духовное лицо. Быть может, им удалось обмануть наблюдающего за этой сценой «гарпию», но не друг друга.

– Ваше Преосвященство, польщен встречей с вами.

– Рад видеть вас в добром здравии, сын мой. Аббат Жозе, позвольте представить вам истинного сына Святой матери Церкви сеньора Фернана Руиса де Суоза маркиза де Нарриа. Сеньор, позвольте представить вам аббата монастыря Благочестия – Жозе Наярру, епископа⁵ «серых» монахов.

⁵ Глава церковного ордена, например, аббат, автоматически получал звание епископа, но это было не более чем формаль-

Слова об «истинном сыне Святой матери Церкви» в устах епископа позвучали с явной насмешкой. Де Лерро был осведомлен, как Фернан относится к Ордену крови Бриана. Но де Суоза не обратил на намек Его Преосвященства никакого внимания. Он снял шляпу, склонился в идеальном придворном поклоне, стараясь скрыть весь букет своих истинных чувств.

Сам аббат Жозе Наярра! Епископ «гарпий»! Здесь! Паук впервые на его памяти выбрался из своей дремучей паутины. За последний год маркиз много слышал об этом человеке. В основном плохое и очень плохое. Народная молва превратила вечно сидящего в цитадели «гарпий» церковника в совершенно мифическую фигуру. В интригана, который все обо всех знает, и, стоит ему лишь пальцем шевельнуть, и грешника, не чтящего Святую Церковь, тут же ждет жаркое пламя искупления. Столько страшных историй не рассказывали даже о самом Искусителе. Говорили, что в магии Наярра ничуть не уступал епископу Эскарины. Так что, увидев добродушного толстяка вместо угрюмого палача с демоническим лицом, Фернан в который уже раз отметил про себя, что слухи и реальность – совершенно разные вещи. Встретить он такого человека на улице, и ни за что бы не подумал, что перед ним один из влиятельнейших и опаснейших людей Церкви.

Насколько знал Фернан, в последнее время в отношениях между де Лерро и Наяррой пробежала большая черная кошка. «Серый» с каждым днем набирал очки и уже во многих вопросах начинал подминать честолобивого епископа Эскарины. Говорили, что Наярра мечтает о кардинальской шапке и посохе. Это конечно же совершенно не устраивало ни Его Преосвященство, ни нынешнего кардинала Таргеры – Хосе Пабло де Стануззи. Ни тот, ни другой не хотели передавать Наярре власть над таргерской Церковью. Но, похоже, «серому» было плевать на мнения и епископа и кардинала. Он шел своим путем.

Ловко орудуя страхом и властью, аббату удалось склонить на свою сторону едва ли не половину Церковного совета Таргеры. Похоже, только теперь «бордовые» начали понимать, какую змею (а точнее, дракона) они пригрили на своей груди. Отцы-дознаватели уже отнюдь не так, как раньше, радовались появлению «серых» в этом грешном мире. Конечно же все это дела церковные, стороннему наблюдателю не заметные, к тому же «бордовые» и «гарпии» о своих трениях не распространялись и на людях вели себя так, что ни у кого и мысли не возникало об их очень натянутых отношениях.

На поклон Фернана Жозе Наярра ответил едва заметным, но благосклонным кивком.

– Сеньор, вы видели тело? – Епископ вновь сел на стул и без лишних хождений вокруг да около приступил к делу.

– Да, Ваше Преосвященство.

– Что думаете?

– Это убийство. – Фернан сохранял самое серьезное выражение лица.

Де Лерро поморщился, зато Наярра бросил на «василиска» быстрый одобрителный взгляд. Кажется, «гарпия» оценил тычок, доставшийся его сопернику.

– Сеньор, сейчас не время для шуток. Мы и так знаем, что это убийство. Самоубийцы, прости их Спаситель, не имеют привычки втыкать нож себе в спину. – Голос Его Преосвященства оставался все так же спокоен.

– Это действительно убийство, Ваше Преосвященство, и, насколько я видел, убийство жестокое, быть может заранее спланированное. Граф вряд ли успел оказать сопротивление.

– Сохрани Спаситель его душу, – пробормотал Наярра и вновь занялся своими четками.

– У вас есть предположение о причинах, толкнувших убийцу на столь мерзкий и греховный поступок?

– Нет, Ваше Преосвященство, – совершенно честно ответил Фернан. – Пока никаких предположений у меня нет.

– Расследование будут проводить «василиски»?

Наярра бросил на Фернана быстрый и цепкий взгляд. Словно дремлющая на солнце змея вдруг совершила решительный бросок в сторону того, кто посмел нарушить ее покой.

– Пока у меня таких сведений нет. Этим делом занимается жандармерия. Я всего лишь прислан как наблюдатель.

Епископ скривился, словно ему предложили исповедовать самого Искусителя, но промолчал. Фернан вполне понимал де Лерро. Вряд ли жандармерия сможет найти хоть что-то.

– Сын мой, надеюсь, вы понимаете, насколько тяжела сложившаяся ситуация?

Фернан это знал безо всяких напоминаний, его больше заботил вопрос, какой интерес у Церкви во всех этих делах?

– Могу пообещать, Ваше Преосвященство, что мы сделаем все возможное и невозможное для того, чтобы в кратчайшие сроки найти убийцу графа.

– Все в руках Спасителя, – пробормотал епископ. – Не буду вас больше задерживать. Раз вы не можете пролить свет на это дело...

Он не закончил, явно намекая на то, что и до этого момента знал, что Фернан ни на что не способен и зря занимает должность капитана «василисков». Епископ отвернулся, показывая, что разговор окончен, и вновь занялся грудой бумаг, лежащих у него на столе, но Фернан и не думал уходить. Теперь настала его очередь задавать вопросы.

– Ваше Преосвященство...

Де Лерро обернулся и приподнял брови. Похоже, он очень удивился, что маркиз все еще находится здесь.

– Да?

– Будет ли мне позволено спросить вас?..

– Спросить? Ну попробуйте. – В голосе епископа Эскарины явно слышалась издевка.

– Ваше Преосвященство, – Фернан старался подобрать приличествующие случаю слова, – я был несколько удивлен, увидев вас и уважаемого епископа Наярру так далеко от Эскарины. Какой интерес у Святой Церкви в этом мирском деле?

– Убили одного из верных сыновей Церкви, сын мой! – вместо де Лерро заговорил «серый». – Мы не могли не прийти.

Фернан молчал, но его молчание говорило куда больше всяких слов. По всему виду невысокого «василиска» даже ослу стало бы понятно, что сеньор де Суоза не верит тому, что из-за смерти графа двое отнюдь не самых последних в церковной иерархии клириков вдруг взяли да и приехали в Арреду лишь для того, чтобы разобраться, кто пронзил кинжалом графа де Туриссано. Фернан быстрее поверит в доброту душегуба, чем в то, что сказал ему Наярра.

– Полноте, брат, – вздохнул де Лерро, когда молчание уж очень затянулось. – Думаю, ведомство сеньора де Суоза должно знать, почему Церковь обратила столь пристальное внимание на смерть маршала Таргеры. Да, нас страшит и печалит немыслимая утрата такого славного и храброго человека. Да, сеньор, Святая мать Церковь и кардинал очень обеспокоены случившимся, ибо неизвестно, к каким последствиям приведет смерть графа. Не мне вам говорить, что стервятники есть везде – и теперь за этот пост развернется борьба нескольких влиятельных родов. Его Высокопреосвященство заинтересован в том, чтобы последствия сегодняшней трагедии прошли как можно более гладко для всех. Церковь заботится о своих детях. Но есть еще одна причина нашего здесь присутствия. Граф де Туриссано хранил у себя запрещенные книги.

– Вот как? – Это откровение ошеломило Фернана.

Дело начинало пахнуть гнильцой и ладаном. Если епископ говорит правду, то выходит, что маршал не был таким уж верным сыном Святой матери Церкви, как о нем только что

распространялся Найрра. Хранить запрещенные книги очень рискованно и глупо. От старого фолианта, на страницах которого кто-то нечаянно упомянул Искусителя, до великолепного костерка и усердно подбрасывающих в огонь хворост отцов-дознавателей было всего два очень маленьких и коротеньких шажка. Впрочем, де Туриссано в ближайшее время вряд ли грозило попасть в застенки Ордена крови Бриана. Маршал был на коне, маршал был нужен стране и королю, а это удерживало церковников от поспешных действий. Хранить парочку запрещенных книг для графа было не так уж и опасно. Пока. А вот найди «бордовые» такие книжки у кого-нибудь помельче и понезначительнее, и такому «букинисту» не избежать множества неприятных вопросов в церковных подземельях.

– Вот как? – вновь повторил Фернан. – Откуда у Вашего Преосвященства столь... м-м-м важные сведения?

– У Церкви множество верных детей, сеньор, – холодно бросил Найрра.

«У Святой матери Церкви полно шпионов, которым вы платите полновесным золотом», – мысленно парировал Фернан.

– Вы нашли эти... книги?

– Да. Их некоторую часть. – Епископ кивнул на два небольших фолианта, особняком лежащих на столе. – Мы не хотели бы губить репутацию столь славного, но, увы, заблуждавшегося сына. Так что было принято решение изъять эти мерзкие книги, пока их не нашел кто-то другой.

– Очень мудрое решение, Ваше Преосвященство.

На самом деле мудрое. Мертвый великий герой гораздо лучше мертвого героя-еретика. Символ, который обязательно сделают из погибшего графа, еще может послужить своей стране. А вот отступник – вряд ли.

– Надеюсь, я ответил на ваши вопросы, сын мой?

– Не совсем.

Найрра хмыкнул, епископ потемнел лицом.

– Что еще? – В голосе главы Ордена крови Бриана послышались первые нотки раздражения.

– Ваше Преосвященство, в комнате, где лежал убитый, был рисунок...

– И?..

– Почему вы приказали спрятать его?

– Я ничего не приказывал. – Епископ бросил недовольный взгляд на аббата Найрру. Тот, казалось, этого не заметил. – Его Святейшество руководствовался лишь своими соображениями.

– Я руководствовался интересами Церкви и ее детей, Ваше Преосвященство. – Найрра едва ли не цедил слова. – Завтра об убийстве будет говорить вся Эскарина... если уже не говорит. Недостаёт еще, чтобы просочились слухи о нелепом рисунке. Даже боюсь предположить, что молва сможет раздуть из такой вот ерунды...

– Боюсь, Ваше Святейшество, в столице все равно узнают о нарисованном на стене знаке мантикоры. Жандармы тоже люди. Один из них вполне может проговориться.

– Нет, чадо. – Сонный взгляд аббата Найрры стал неожиданно цепким и острым. Теперь «серый» уже не казался Фернану добродушным толстяком. – Я лично поговорю с каждым из этих людей.

Сеньор де Суоза задумчиво кивнул. Теперь он не сомневался, что больше никто не будет упоминать про странный рисунок, обнаруженный в комнате маршала. После разговора с «гарпией» свидетели напрочь забудут о том, что они видели в замке, ибо никто не захочет оказаться из-за своего болтливого языка в застенках монастыря Благочестия.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, Ваше Святейшество. И все же непонятно, что это за рисунок и для чего его нарисовали?

– У вас на этот счет нет никаких соображений, капитан?

– Увы, – развел де Суоза руками. – Ваше Преосвященство, Ваше Святейшество, спасибо за потраченное на меня время.

Он поклонился. Де Лерро холодно отвернулся, Наярра кивнул.

Фернан покинул библиотеку. Разговор с клириками еще сильнее запутал дело. Даже тот факт, что граф де Туриссано якобы хранил запрещенные книги, не оправдывал присутствия в Арреде глав двух могущественных орденов. С таким несложным делом могли справиться люди и помельче епископов. Фернан понимал, что клирики многое недоговаривают и знают гораздо больше. Но тут уж ничего не поделаешь, Церковь очень неохотно расстается со своими секретами. Впрочем, к Искусителю церковников и их секреты! Фернан выполнил свою задачу, узнал все, что от него требовали, а с остальным пусть разбирается его непосредственный начальник – граф де Брагаре.

Покинув библиотеку, маркиз де Нарриа заглянул в оружейную комнату. Зальчик оказался небольшим, но оружия здесь было предостаточно. На взгляд сеньора де Суоза, с помощью этого арсенала можно было вооружить небольшую армию. Фернан прошел мимо тяжелых доспехов прошлых веков, рыцарских мечей, палиц, секир, двуручных топоров и прочего оружия, заслужившего в боях неотъемлемое право находиться на почетных местах в оружейной комнате. Остановился возле висящих на стене алебард, шеп, годендаг, протазанов, гизарм и рансек⁶. Провел рукой по черному древку укороченной рансеки, подошел к противоположной стене и замер, с восхищением рассматривая шпаги, полушпаги, рапиры, чивоны, палаши и эстокады. Оружие было превосходным. Каждый клинок оказался выкован из пешханской стали. Как бы Церковь ни ругала восточных язычников, нельзя было не признать одно – оружие пешханцы делали великолепное. Правда, стоила одна такая шпага как три-четыре породистые лошади. Сеньор де Туриссано знал, на что потратить деньги. Шпага самого Фернана обошлась в сумму, о которой де Суоза предпочитал не вспоминать. Впрочем, о покупке оружия он еще ни разу не пожалел. Клинок был великолепен.

Фернан не удержался, снял со стены одну из рапир, подержал в руках, сделал выпад в воображаемого противника и с сожалением вернул клинок на место. Рядом со шпагами находились кинжалы и даги. Фернан скупающе поглядел на оружие. Застыл. Удивленно хмыкнул и поспешно выскочил в коридор.

– Эй! – окликнул он одного из жандармов. – Да, сеньор?

– Найди мне господина Хорте. Пусть придет в оружейную комнату и захватит с собой слугу покойного.

Жандарм отправился исполнять поручение, а Фернан вернулся в оружейную и, потирая подбородок, стал внимательно изучать стену с оружием. За этим занятием его и застал Хорте.

– Сеньор? – Господин Хорте топтался в дверях. За его спиной маячили два следователя и испуганный слуга.

– А, господин Хорте. Входите, не стойте на пороге, – очнулся от раздумий Фернан. – Вы видели это? – Де Суоза кивнул на стену.

– Вы об отсутствующем оружии?

– Да. – «Василиск» поманил слугу пальцем: – Подойди-ка сюда, любезнейший. Вчера здесь было оружие?

– Нет, сеньор.

– Да? И куда же оно делось?

– Граф его продал. Еще два месяца назад.

Фернан нахмурился. Де Туриссано был известным коллекционером дорогих клинков... и вот так продать...

⁶ Виды длиннодревкового оружия.

– С чего это маршалу распродавать коллекцию? – пробормотал «василиск». – Маршал нуждался в деньгах?

Слуга помялся и неуверенно посмотрел на маркиза. Затем все же решился:

– Немного, сеньор.

А вот это уже интересно. Следовало обязательно проверить, что там с финансами де Туриссано. Если коллекционер начинает распродавать свое любимое детище, то его дела могли быть действительно тяжелыми. Уж не вляпался ли покойный маршал в какую-нибудь пренеприятнейшую историю с долгами? Это вполне могло стать мотивом для убийства.

– Так-так... – Низкорослому Фернану приходилось задирать голову, чтобы смотреть в глаза слуги. – Значит немного...

По его прикидкам, это «немного» выливалось в приличную сумму. Конечно, де Суоза не знал, какое оружие было продано, так что точную цену он мог только предполагать, но даже самые скромные подсчеты говорили о сказочной сумме.

– Кому он продал клинки?

– Пять герцогу Лосскому...

«Василиск» задумчиво кивнул. Что-то в этом роде он и предполагал. Двоюродный брат короля тоже коллекционировал дорогое оружие.

– И один маркизу де Армунгу.

– Королевскому шуту? – удивился Фернан.

– Да, сеньор.

– Хорошо, – хмыкнул «василиск», делая себе пометку поговорить при случае с шутом о столь странной для него покупке. – А последний?

– Сеньор?

– Кому граф продал последний клинок?

– Последний клинок? Вы что-то путаете, сеньор. Больше граф ничего не продавал, я бы знал.

Фернан нахмурился, быстро пересчитал пустые скобы, служащие для удержания оружия. Выходило восемь. Пять герцогу, один шуту. Итого шесть. Один у графа в спине. Итого семь. Где восьмой?

– Хорте?

– Вижу, сеньор. – Старший следователь был сообразительным малым.

– Ты помнишь, что продал герцог?

Слуга наморщил лоб, крякнул. Фернан терпеливо ждал.

– Герцог Лосский взял три кинжала, полушпагу и мечелом. Маркиз... маркиз купил дагу с головой змеи на рукоятке. Да, сеньор. Именно дагу.

– Хорошо. И еще здесь отсутствует кинжал, который теперь в спине твоего господина. А ну-ка напряги память, любезнейший, и скажи мне, какого оружия здесь нет.

Слуга нахмурился, прошелся вдоль стены, касаясь то одного, то другого клинка.

– Сеньор, думаете это зацепка? – осторожно поинтересовался Хорте.

– Вполне возможно, господин Хорте. Даже очень возможно.

Кажется, появилось хоть что-то. Если пропал клинок, то это и зацепка, и мотив, и шанс найти убийцу.

– Вспомнил! – Слуга довольно заулыбался. – Нет кривого пешханского кинжала с рукояткой из слоновой кости.

– Ты уверен?

– Да. Этот клинок был заметным. На рукояти буква «Т». Граф бы его ни за что не продал, хотя герцог очень просил.

– Молодец! Вот тебе за труды. – Фернан на радостях бросил отличившемуся сержанту ригес⁷.

Слуга рассыпался в благодарностях, Фернан, не слушая его, повернулся к жандарму:

– Господин Хорте, надеюсь, не мне вам говорить, в каком направлении следует работать жандармерии?

– Мы немедленно начнем поиск кинжала.

– Отлично, – удовлетворенно кивнул Фернан и, попрощавшись со следователем, покинул оружейную комнату.

Епископа Жозе Наярру Фернан встретил уже возле самого выхода из охотничьего замка. «Серый» стоял у большой картины, заключенной в мощную и, на вкус Фернана, излишне вычурную позолоченную раму. Заслышав шаги сеньора де Суоза, аббат обернулся.

– А, чадо, – протянул клирик. – Я думал, вы уже ушли. Что скажете?

Фернан посмотрел на картину. Серое угрюмое море катило огромные валы волн прямо к высокому береговому утесу. Художник был мастером. «Василиск» почти ощущал дуновение крепкого соленого ветра, чувствовал запах соли и слышал рев беснующихся волн, что в бес- сильной белопенной злобе бились о прибрежный утес, на котором находились двое. Злой ветер трепал их одежды и длинные волосы. Лиц Фернан не видел, изображенные художником мужчины стояли спиной к зрителю. Двое смотрели на море и... дальше. Куда-то за скрытый свинцовыми тучами горизонт. Картина была потрясающей, талантливой, глубокой. Казалось, что еще несколько мгновений – и изображение оживет.

– У меня нет слов, – наконец сказал Фернан. – Это...

– Это работа Федерико Лонереддо, жившего в Ирении больше трехсот лет назад. Гени- альный художник, сам Спаситель вложил в руки этого иренийца кисть. Вы слышали о нем?

– Нет, Ваше Святейшество. – Фернан не очень-то интересовался живописью.

– Неудивительно. Он умер, так и не успев стать знаменитым. Чума Искусителя в те годы забирала много людей, и лишь Церковь магией Спасителя смогла остановить мор. До наших дней дошло лишь шесть картин Лонереддо. Все, кроме этой, в Ирении, во дворце у Папы.

– Я не знал, что вы любитель живописи.

– Немного, сын мой. – Наярра добродушно улыбнулся. – Я не так страшен, как говорят обо мне многие заблудшие овцы.

Фернан промолчал.

– Не знаю, как к де Туриссано попала эта картина... – между тем продолжил «серый». – Она называется «Два брата». Спаситель и Искуситель перед своим легендарным путешествием через море, сын мой. Они еще вместе, еще дружны, оба хотят спасти человечество и пода- рить ему магию. Нет еще ни ссоры, ни Кровавой ночи, ни дороги через пешханскую пустыню, ни смерти на горе Искупления. Перед нами самое начало их пути.

Фернан слушал неспешный рассказ аббата Наярры и смотрел на картину. В эти минуты легенда стала для него явью, и Фернану стоило больших трудов вернуться назад, в реальный мир.

– Ваше Святейшество, – произнес капитан, – старший следователь... Он сказал, что никто из отцов-дознавателей не смог почувствовать, как произошло это убийство.

– В этом нет ничего удивительного, сын мой. Только Спаситель всемогущ. Бывают слу- чаи, когда дети его бессильны.

«Случаи, быть может, и бывают, – решил про себя Фернан. – Но крайне редко, если не сказать, что почти никогда. Ой не просто так святые отцы себя ведут, словно воды в рот набрали!»

– Отчего вы нахмурились, сеньор?

⁷ Ригес – серебряная монета. Двенадцать ригесов равняются одному золотому этудо.

– Думаю, что может означать эта нарисованная на стене мантикора, Ваше Святейшество, – соврал Фернан.

– Право, не знаю. Трактовок может быть много. Например, в Святой книге есть упоминание об этом звере. Спаситель шел через каменистую пустыню Пешханства, а его преследовали мерзкие слуги Искусителя. И вот когда они уже готовы были пролить святую кровь Спасителя, с неба на них упала мантикора и растерзала. Мантикора – это возмездие, она несет свет истинным детям Церкви и борется с теми, кто задерживает Спасителя в его победном шествии.

Фернан внимательно выслушал, вежливо распрощался с Наяррой и покинул замок, оставив «серого» и дальше любоваться картиной Лонереддо.

Вето сидел возле лошадей и левой рукой подбрасывал в воздух наваху. Раскладной нож делал два оборота, тускло блестел в лучах заходящего солнца и падал на раскрытую ладонь лишь для того, чтобы спустя мгновение вновь взмыться к небу. На наваху Вето не смотрел. В правой руке он держал невесть как добытое и уже наполовину обгрызенное красное яблоко.

– Сеньор... – Заметив Фернана, прохиндей перестал жонглировать ножом, ловко поймал, закрыл и едва уловимым движением спрятал под одежду.

– Поехали. Путь до Эскарины неблизкий.

Они покинули Арреду и следующие минут двадцать проехали молча. Фернан думал, Вето доел яблоко, запустил огрызок в придорожную канаву и достал из кармана второе. Когда и с этим было покончено, слуга решился нарушить молчание:

– Сеньор...

– Да?

– Не могли бы вы мне выдать этудо на новые сапоги? Фернан прищурился и бросил быстрый взгляд на Вето.

– Не слишком ли дорого для сапог? Или они из кожи водяного ящера?

– Нет, сеньор. Обычные сапоги.

– Лучше я устрою тебе хорошую порку, когда мы вернемся в столицу, лентяй, – проворчал для проформы Фернан.

«Василиск» знал, что слуга редко вот так нагло осмеливался просить денег. А раз просит, значит, знает, что он обязательно их получит.

– Почему я должен давать тебе этудо? – спустя минуту соизволил спросить Фернан.

– Эх, сеньор, – вздохнул Вето. – Пока вы были в замке, я все ходил, бродил. Смотрел, слушал. Ну вот и подумал: а вдруг хозяин будет настолько добр, что даст мне денег на новые сапоги?

– Ну и что ты «находил», негодяй? – хмыкнул Фернан.

– Следов много, – вздохнул Вето. – Валаи! Возле замка как будто целый полк маршировал! Да и с утра там порядком натоптали. Очень, очень сложно хоть что-то понять – он притворно вздохнул, явно набивая себе цену.

– Ну раз ничего нельзя понять, значит, обойдешься без сапог.

– Правда, – поспешно затараторил Вето, – я могу точно сказать, что ночью в замок приезжала карета.

– Эта информация не стоит этудо. Она не стоит даже медяка, мой дражайший проныра. Если бы ты мне сказал, кто приезжал в этой карете или хотя бы что за герб был изображен на ее дверях, то, быть может, я и подумал бы...

– Это еще не все, сеньор. – Вето построил хитрую рожу. – Я кое-что услышал.

– Правда? – без всякого интереса спросил Фернан.

– Истинно так! Я как раз обходил замок и услышал один разговор...

– Да? И кто разговаривал?

– «Бордовые», сеньор.

– Продолжай.

– Так вот, – затараторил Вето, явно прибодренный проснувшимся интересом хозяина. – Там у них окно было настезь распахнуто, а я как раз под ним и оказался.

– Разумеется, случайно, – хмыкнул Фернан.

– Конечно, сеньор!

– И о чем же говорили эти достойные служители Церкви?

Вето явно повезло оказаться под открытым окном библиотеки и услышать беседу двух епископов.

– Они много говорили.

– И о чем же?

– Очень много говорили, – продолжил Вето, словно не слыша повторного вопроса хозяина. – Как я понял, они искали какие-то бумаги.

– Знаю. Запрещенные Церковью книги, – разочарованно произнес Фернан. – Твоя информация не стоит и подошвы от сапог свинопаса.

– Нет, сеньор. Они искали не книги, они искали какие-то бумаги...

– Книги, бумаги? Какая разница, что хранилось в библиотеке де Туриссано?

– Есть разница. Отцы-дознаватели чуть ли не кипели.

– Ты уверен? Ничего не перепутал? – нахмурился де Суоза.

– Уверен, хозяин. Я стоял... лежал прямо под окном и все прекрасно слышал. Они искали бумаги. А один, тот, который с таким мерзким хриплым голосом...

– Де Лерро... – машинально сказал Фернан.

– Так вот, он сказал, что устои Церкви зависят от того, найдут они эти бумаги или нет. А еще этот де Лерро обвинил другого, что это из-за его некомп... некомп... тентности. Вот так прямо и сказал.

– Продолжай.

– Это все, сеньор. Потом они лишь шипели друг на друга.

– Они не говорили, каким образом документы попали к графу и что в них было?

– Нет.

– Хорошо. Завтра можешь купить себе сапоги.

– Спасибо, сеньор!

Что же это за бумаги, раз от них зависит будущее Церкви? Что это за документы, если ради них епископы торопятся в провинцию? Уж явно не пара еретических книжек из библиотеки мертвого маршала.

Путь до Эскарины занял почти всю ночь. В столицу Таргеры они въехали, когда до рассвета оставалось не больше двух часов. Город, раскинувшийся по берегам огромной подковообразной бухты, спал. Большую часть пути Фернан и Вето преодолели по совершенно пустым, сонным, измученным летней жарой, освещенным масляными фонарями улицам. Трижды они встречали патрули городской стражи, что разъезжали на лошадях. К дворянину и его слуге стражники не проявили никакого интереса. Мало ли откуда едет благородный господин? Он не вор и не преступник, чтобы отвечать на их вопросы. Лишь лейтенант одного из патрулей вежливо поздоровался с припозднившимся сеньором. Фернан в ответ коснулся шляпы.

Вето, ехавший позади Фернана, время от времени бормотал «валаи» и отчаянно зевал. Они ехали по центральным улицам Эскарины, застроенным особняками знати, к дому Фернана, который располагался на набережной Панты – реки, впадающей в Сарейское море. Сеньор де Суоза часто ездил по этой дороге, и лошадь, уже выучившая маршрут, совершенно не нуждалась в понуканиях своего хозяина. Она, как видно, мечтала поскорее оказаться в конюшне, где с нее снимут тяжелое седло и накормят чем-нибудь вкусным.

За прошедший день Фернан устал не меньше своей животины. Долгая дорога давала о себе знать. А еще сеньор де Суоза был голоден и жутко зол на идиота, убившего графа.

Всю обратную дорогу «василиск» думал о произошедшем убийстве, но в итоге у него родилась всего лишь одна разумная мысль.

Он не будет лезть в дела Церкви, отцов-дознавателей и «гарпий». Покойный каким-то образом оказался замешан в церковные дразги, и в этом не возникало никаких сомнений. А от подобного за лигу несло неприятностями, и вполне понятно, что де Суоза совершенно не хотел ввязываться в такие дела.

До дома капитана «василисков» оставалось всего ничего. Сонные белостенные особняки с красными черепичными крышами и высокой оградой тянулись слева и справа. Затем шли обычные дома горожан. Маркиз предпочитал жить на набережной, в менее престижном, но куда более приятном районе.

Они свернули на узкую и короткую улочку Святого Шеро, упиравшуюся в набережную реки, возле которой находился дом Фернана. Улочка была так же тиха и пуста. Лишь бесчисленные ночные мотыльки танцевали вокруг стеклянных колпаков фонарей стремительную ральеду.

Всадники уже почти добрались до дома, когда дорогу им перегородили четверо пеших. Фернан, не ожидавший ничего подобного, натянул поводья. В голове с быстротой молнии мелькнула мысль о грабителях. Мелькнула и тут же пропала. Если это и грабители, то излишне наглые. Они не могут не знать, что здесь не городские трущобы, а чуть ли не центр столицы, где полно стражников. К тому же и одежда, и то спокойствие, с которым они стояли, говорили о многом. Сеньора де Суоза смущало очень странное для всякого уважающего себя грабителя обстоятельство – оружие незнакомцы держали в ножнах.

Ближе всего к маркизу находились двое. Один был настоящим великаном, Фернан вряд ли достал бы ему до середины груди. Небритая простоватая рожа, шляпа горшком, рапира. Второй, в отличие от своего товарища, облаченного в обычное платье горожанина, явно был дворянином. Одет парень неброско и не слишком уж богато, но аккуратно.

Именно этот высокий, поджарый субъект, по мнению Фернана, был самым опасным из всей четверки. Он стоял как раз у фонаря, и «василиск» смог изучить благородное лицо. Черные глаза, нос с горбинкой, густые брови и вежливая усмешка на тонких губах. Бороду незнакомец не носил, лишь черные, едва подкрученные усы.

Третий человек застыл у стены в тени, и как он выглядит, Фернан рассмотреть не мог – ему был виден лишь неподвижный силуэт. Четвертый, стоявший дальше всех, на мгновение привлек внимание «василиска». Но всего лишь на мгновение. Этот человечек оказался пожилым и очень сутулым. Из оружия – кинжал. Такие было разрешено носить горожанам. Судя по всему, этот представлял наименьшую опасность.

За спиной у Фернана тихо щелкнула наваха, раскрываемая Вето.

– Валаи, сеньор! – тихо проговорил слуга. – Плохо дело.

Обычно плаксивый голос Вето сейчас был необычайно серьезен. Фернан позволил себе неспешный и ленивый взгляд через плечо. Еще двое. Банальная ловушка. Капитан «василисков» вновь перевел взгляд на тех, кто закрывал ему путь.

– Чудесная ночь, сеньор де Суоза, – неожиданно сказал дворянин.

– Не имею чести, – холодно процедил Фернан.

– Да не очень-то и большая честь, сеньор, – усмехнулся незнакомец. – Мое имя не так уж высоко по сравнению с именем маркизов де Нарриа. Позвольте мне остаться неизвестным.

– Воля ваша, сеньор. – Спокойствие Фернана было напускным. Сейчас «василиск» походил на натянутую арбалетную тетиву. – Да, ночь действительно чудесна, здесь я с вами совершенно согласен. А теперь, когда с любезностями покончено, позвольте откланяться. Я тороплюсь.

Он тронул лошадь каблуками сапог.

– Минуту, сеньор. – Дворянин и не думал уходить с дороги.

– В чем дело? – нахмурился Фернан.

– Мне поручили передать вам послание.

Едва заметное движение бровями.

– У вас ведь есть имение в Нарриа?

– Это допрос? – холодно бросил Фернан, положив руку на шпагу.

– Простите. Я забыл о вежливых манерах. – Едва заметный поклон, все та же ироничная полуулыбка. – Меня просили передать, чтобы вы на время оставили столицу и отправились в провинцию. Ночной воздух Эскарины иногда опасен для здоровья.

А вот теперь Фернан успокоился. Этих людей послали не его личные враги и не враги рода, затаившие кровную месть. Кто-то другой, со стороны, не знающий род де Суоза и лично Фернана. Иначе бы этот некто знал, что таким образом Фернана не напугать. Скорее всего, наоборот – подобные угрозы превращали невысокого блондина в упрямого, свирепого иренийского пса.

– Это угроза?

– Что вы! – Дворянин явно издевался. – Конечно же нет!

– И кто же попросил вас передать мне подобное предупреждение?

– Предупреждение? Вы меня не так поняли...

– Я вас понял так, как мне было угодно! – отрезал Фернан. Он был уверен, что живыми их вряд ли отпустят и после разговоров дело дойдет до клинков. Для предупреждений не посылают столь хорошо обученных людей. – Если вашему хозяину угодно поговорить, он знает, где меня найти. С его псами я бесед вести не намерен! С дороги, любезнейший, или моя лошадь станцует на ваших костях ральеду!

Это было намеренное оскорбление.

– Клянусь Искусителем, вы выслушаете меня до конца, сеньор невежа! – Лицо дворянина оставалось спокойным, лишь голос стал выше.

Великан, стоявший рядом с собеседником маркиза, обнажил клинок. Те, что находились позади Вето, поступили точно так же.

– Иначе... – между тем продолжил незнакомец.

Фернан слушать не стал. Он вполне мог догадаться, что последует за этим «иначе», и что есть силы всадил шпоры в лошадиные бока. Еще была возможность прорваться и избежать схватки, в которой у них с Вето против шестерых было очень немного шансов. А дальше все произошло за несколько ударов сердца. Не ожидавшая ничего подобного лошадь прыгнула вперед, и преграждавшие дорогу едва успели отскочить в стороны.

Из полумрака выскочил третий. Совна⁸, зажатая в его руках, описала полукруг и ударила лошадь по ногам. Фернан успел выскочить из седла, прежде чем визжащее от боли животное рухнуло на мостовую.

Во время приземления сеньор де Суоза сильно приложился о землю левым боком. Не обращая внимания на разливающуюся по ребрам боль, вскочил, сорвал с себя плащ. Изящная серебряная застежка, упав на камни, жалобно звякнула. Фернан был зол – и прежде всего на себя. Он должен был предположить, что кто-то мог быть вооружен чем-то более грозным, чем шпаги и рапиры. За глупость пришлось расплачиваться лошадью. Несчастное животное с перерубленными ногами визжало на одной нескончаемой ноте и билось на камнях мостовой. Вооруженный совной воин подскочил к лошади и двумя отточенными ударами прекратил ее мучения.

– Хоть на том спасибо, – пробормотал Фернан, обнажая шпагу. В левую руку он взял дагу, все это время находившуюся в заспинных ножнах, под плащом. – Эта лошадь была мне дорога!

⁸ Совна – алебарда, напоминающая выпрямленную косу.

– И она погибла по вашей глупости! – Дворянин, стоявший шагах в пятнадцати от Фернана, тоже извлек оружие.

В воздухе сверкнула брошенная наваха, и человек, вооруженный совной, упал на колени. Нож торчал у него под лопаткой. Вето извлек из ножен чивону⁹ и, спрыгнув с лошади, принялся поджидать, когда к нему подойдут те двое, что ранее перекрывали дорогу к отступлению. Слуга мастерски выбрал позицию, встав у стены и спрятавшись за животным, тем самым защитив себе спину и левый бок, и Фернан пока был за него спокоен. Нужно было позаботиться о себе.

Громила, дворянин и горожанин с кинжалом. Трое против одного. Хотя нет. Двое. Горожанину, как видно, совершенно не улыбалось выходить с зубочисткой против шпаги, поэтому он отступил в глубь улицы еще шагов на пятнадцать.

«Ну и Искуситель с ним!» – облегченно подумал Фернан.

– Этот недомерок мой! – Громила с рапирой наперевес бросился к де Суоза, опередив неспешно подходящего дворянина.

Здоровяк отсалютовал клинком, и в этот момент Фернан нанес быстрый укол. Он не собирався соблюдать приличия. Это был бой, а не дуэль, и отвечать на салют противника – значило упустить прекрасный шанс отправить врага на встречу с Искусителем. Маркиз де Нарриа никогда подобных шансов не упускал и был сторонником одного удара и короткого боя. Он не понимал, для чего некоторые играют со своими врагами словно кошки с мышью и тратят силы, рискуя получить рану, когда бой можно закончить, нанеся всего лишь один быстрый укол.

Руку пришлось вытянуть что есть силы – роста парень был отменного. Шпага пробила шею так и не окончившего салют громилы. Фернан быстро отскочил в сторону и повернулся к дворянину, краем глаза отмечая, что поверженный противник выронил рапиру и, схватившись за рану двумя руками, оседает на землю.

«Нашел когда играть в благородные игры!» – презрительно подумал Фернан.

– Это тебе за недомерка.

– Хороший удар, сеньор! – Дворянин уже держал в левой руке кинжал.

Фернан не ответил. За его спиной раздавался звон оружия и ругательства. Кажется, Вето пока вполне успешно сдерживал натиск врагов.

– И шпага отличная и несколько... оригинальная. Дворянин стал в безупречную стойку и, вытянув правую руку, развернул ладонь так, чтобы острие его клинка смотрело Фернану прямо в лицо.

Фернан опять не ответил. Если этому господину не нравится, что у его шпаги волнистый клинок¹⁰, – это его проблемы. Сидел бы дома и не лез в разговоры. Де Суоза церемониться с противником не собирался.

Несколько секунд кончики их шпаг едва касались друг друга. Никто не решался начать атаку. Наконец дворянин попытался отбить клинок «василиска» вверх и вбок и нанести укол. Фернан отшагнул назад, оказался вне досягаемости укола и парировал оружие дагой. Настала очередь «василиска» опробовать защиту дворянина. Все еще блокируя дагой шпагу противника, капитан нанес укол. Дворянин не двинулся с места, отбил кинжалом шпагу Фернана, отразив укол «наружу», и что есть сил пихнул Фернана ногой в живот. Нечто подобное де Суоза и ожидал, а потому проворно отскочил назад. Во время этого прыжка дворянин, не мешкая, нанес сильнейший рубящий удар Фернану в голову. Удар был «тяжелым», и де Суоза вновь

⁹ Чивона – разновидность рапиры с широким клинком и корзино-образной гардой.

¹⁰ В определенный исторический период шпага с волнистым клинком в Европе считалась запрещенным оружием, недостойным чести дворянина, ибо в схватках волнистый (пламевидный) клинок во время рубящих ударов или подрезов наносил очень страшные, плохо заживающие раны (эффект пилы). В некоторых войнах пленников, оказавшихся вооруженными таким оружием, казнили без суда и следствия, невзирая на звания и благородное происхождение.

пришлось отступить, используя для отражения падающего клинка скрещенные над головой шпагу и дагу.

Поймал, повернулся, опуская руки с оружием, и резко отмахнулся шпагой, разрывая дистанцию.

– Хорошо фехтуете, сеньор.

– И вы, сеньор. Продолжим?

Дворянин был хорош. Действительно хорош! На любой выпад Фернана он отвечал великолепной защитой и сразу же, не мешкая, переходил в стремительную атаку. Фернан полностью отдался фехтованию, на все остальное просто не хватало времени. Он не знал, из какой берлоги выполз этот парень, но его обучал мастер. Противники смотрели друг другу в глаза, и лишь их тяжелое дыхание и отчаянный звон оружия говорили о том, что сошлись они не на жизнь, а на смерть. Атака, защита, ударить в голову, закрыться, подставить дагу под несущийся в живот клинок, вытянуть руку, до боли выкрутив запястье, чтобы нанести укол в горло и тут же превратить его в финт и ударить в грудь с одновременным уколом дагой в плечо. И вновь неудача!

Ответная атака дворянина была стремительной. Он кинжалом отвел клинок Фернана вниз, и, прежде чем «василиск» успел поднять дагу, шпага противника сверкнула, прорываясь через мизерную брешь. Враг отскочил в сторону. Поначалу Фернан подумал, что его не задела, но спустя секунду почувствовал, что левую половину лица жжет огнем. Провел по щеке и с удивлением отметил, что перчатка потемнела от крови.

– Цените мое благородство, сеньор. – Дворянин, как и Фернан, тяжело дышал. – Я оставил ваш глаз целым! Как вам моя роспись? Думаю, для полного совершенства следует оставить точно такую же на вашей правой щеке. Этим мы сейчас и займемся!

– Хватит пустых разговоров, сеньор Никто! – прорычал Фернан.

Опять мелькание и звон клинков. На этот раз де Суоза успел увидеть удар, нацеленный ему в правую щеку, отразил шпагу дагой и быстро уколол дворянина в живот. Казалось, что в этом человеке сидит сам Искуситель. Враг шагнул вправо, заблокировал клинок кинжалом и сильно ударил своей шпагой Фернана по левому плечу. Де Суоза пришлось «войти» в противника и одновременно нажать на скрытую кнопку, находящуюся на рукояти даги. Сработала пружина, дага щелкнула, и ее лезвие раскрылось на три части. Именно на этот «трезубец» Фернан и поймал падающий клинок. Со всей поспешностью, дабы избежать тычка кинжалом, нанес горизонтальный удар шпагой поперек живота. Дворянин находился слишком близко, чтобы поставить блок, да и шпага его потеряла всякую подвижность из-за даги-ловушки. Сеньору Никто не оставалось ничего другого, как отскочить назад и, чтобы освободить клинок, поднять и развести руки в стороны. Кончик шпаги Фернана лишь распорол камзол противника.

Как только дворянин приземлился и застыл в высокой стойке, больше приличествующей опытному тореадору, чем фехтовальщику, Фернан, воспользовавшись своим невысоким ростом, нырнул вниз и, превратившись в струну, нанес шпагой свой коронный укол. Если бы капитана «василисков» увидел его первый учитель фехтования, он бы как истинный ирениец восхищенно цокнул языком и воскликнул: «Bravo, mio chico! Perfectum ferite di prima! Perfectum!»¹¹. Старый мастер редко хвалил своих учеников, но этот удар действительно был совершенным. Быстрым. Опасным. Снизу вверх. И из того положения, в котором сейчас находился сеньор Никто, практически неотразимым. Шпага Фернана с быстротой молнии метнулась вперед и на два пальца вошла противнику в правую половину груди. Сеньор Никто вскрикнул, выронил кинжал и отскочил назад, зажимая рану левой рукой.

– Квиты! – усмехнулся Фернан.

¹¹ Браво, мой мальчик! Великолепный восходящий укол из нижней позиции! Великолепный! (ит.)

Усмешка принесла с собой резкую боль. Кажется, рана, нанесенная «василиску» этим дворянчиком, оказалась достаточно серьезной. Пламя боли начинало бесноваться у виска и успокаивалось только где-то у нижней челюсти. Фернан представлял, какой у него, должно быть, ужасный вид. Вся левая половина лица в крови, которая капала на воротник и стекала по шее под рубашку.

– Ерунда! Это просто царапина! – Дворянин сплюнул кровью. – Я готов продолжать, сеньор!

Фернан, несмотря на боль, опять усмехнулся. У противника, вне всякого сомнения, задето легкое. Ну минута, ну две... больше он не продержится.

– Как вам угодно, сеньор. Ничто не доставит мне такой радости, как отправить вас на свидание с Искусителем.

Он активировал пружину, и три клинка даги вновь стали одним. Вдалеке слышались встревоженные крики и топот ног.

«Стража, как всегда, приходит поздно!» – подумал Фернан и быстрыми шагами направился к дворянину, чтобы теперь уж наверняка добить раненого. Но у того были другие планы.

– Боюсь, нам собираются помешать, сеньор. – Несмотря на ранение и сочащуюся сквозь прижатые к ране пальцы кровь, противник де Суоза все еще мог иронизировать. – Так что позвольте откланяться. Мы продолжим нашу занимательную беседу в следующий раз, и, уверяю вас, более плодотворно.

Дворянин толкнул оказавшуюся незапертой дверь ближайшего дома и с силой захлопнул ее в тот самый момент, когда «василиск» метнул дагу. Клинок застрял в дереве, и Фернан едва слышно выругался сквозь стиснутые зубы. Подобное стоило предугадать. Раз на улице не видно лошадей, – значит, у этих ребят есть совершенно иной путь для отступления. Ломать дверь дома, где скрылся сеньор Никто, не было ни сил, ни смысла. Сеньор де Суоза знал, что в подобных домах обязательно имеется выход на задний двор, с которого можно попасть в нескончаемый лабиринт узких городских улочек. Теперь врага не догнать.

Ну и Искуситель с ним! Фернан злорадно подумал, что сейчас разговорчивому сеньору-насмешнику гораздо хуже, чем ему. Жаль, что рана в легкое не оказалась смертельной, но шанс, что дворянин умрет, не успев найти хорошего лекаря, высок. Фернан искренне пожелал сеньору Никто до лекаря не добежать.

Звона клинков Вето и двух его противников больше не было слышно. Де Суоза обернулся. Слуга стоял, опираясь спиной о стену. Левая рука повисла безвольной плетью, правая зажимала рану в плече. У ног валялось двое покойников.

Фернан хмыкнул. Не повезло ребятам. Откуда же им было знать, что, когда маэстро Пито не мог прийти в дом маркиза, капитан «василисков» проводил тренировочные бои на рапирах со слугой и за прошедшие годы натаскал Вето в умении обращаться с клинком.

– Жив, бездельник?! – Фернан прижал ладонь к щеке, пытаясь остановить кровь.

– Да, сеньор! Руку задели, валаи!

Де Суоза направился к нему, перешагнул через мертвеца, в спине которого застряла наваха, и только тут вспомнил о человеке с кинжалом. Резко обернулся, вскидывая так и не убранный в ножны шпагу. Сутулый человек медленно пятился от него по улице. Крики приближающейся стражи раздавались за углом.

– Ну уж у тебя-то я спрошу, кто так хотел передать мне послание, – пробормотал Фернан и во весь голос заорал: – Стой, мерзавец!

Человек дернулся и резко взмахнул рукой. Фернан подумал, что в него хотят метнуть кинжал. Сработал инстинкт, и он отскочил в сторону. Это его и спасло. Убийца метнул не кинжал. «Василиск» скорее почувствовал, чем увидел, как нечто пронеслось мимо него и с грохотом ударило в дом, разнеся его вдребезги. Во все стороны полетели камни и ошметки того,

что ранее было Вето и лошадьё. Затем сеньора де Суоза накрыло теплой волной воздуха – и он потерял сознание.

Traverse¹²

Ули открыл глаза и несколько минут лежал не шевелясь, привыкая к темноте и вслушиваясь в дыхание спящих. Рядом тихонько сопела младшая сестренка. Мальчик аккуратно соскользнул со старой невысокой кровати и осторожно, стараясь не шуметь, направился к двери. Половицы под босыми ногами предательски скрипели и грозились перебудить весь дом. На каждый протяжный скрип Ули болезненно морщился и замирал. Если из-за его ночного баловства проснется отец, то в лучшем случае он отделается подзатыльником, а в худшем – его ждет порка. Жители деревни, затерянной меж лесов Ведьминой гряды, что находилась возле самой границы с Андрадой, работали от рассвета до заката и краткие часы сна ценили на вес золота.

Возле двери спал большой старый кот. Он приоткрыл глаза, неодобрительно покосился на мальчика, раздраженно дернул кончиком хвоста и вновь задремал. Ули перешагнул через Разбойника, добрался до двери избы и тихонько выбрался во двор.

Несмотря на позднее и в общем-то достаточно теплое, если не сказать жаркое лето, на улице было свежо. Ежась от ночной прохлады, Ули натянул рубаху и направился к калитке. Возле нее, от нетерпения переминаясь с ноги на ногу, стоял Ери. Земля была холодной, но обувь Ули оставил в доме, и теперь до реки придется бежать босиком.

В курятнике кудахтнула сонная курица. Недалек тот час, когда пропоют первые петухи, начнет светать – и деревня проснется. Первой конечно же встанет мать. Она выгонит коров из хлева, чтобы те присоединились к общему стаду деревни, за которым присматривает старый Джо-пастух. До этого времени надо вернуться, если Ули не хочет получить нагоняй и провести весь день, убирая хлев или таская воду, чтобы наполнить огромную дубовую бочку, что стоит на заднем дворе.

– Чего так долго? – прошипел Ери, когда Ули прикрыл за собой калитку и оказался на улице. – Я замерз!

– Отца боялся разбудить, – шепотом ответил Ули. – Пошли, что ли?

Черноволосый Ери поспешно кивнул, и двое мальчишек побежали по пустой деревенской улице. Звезды уже поблекли и горели не в полную силу, месяц побледнел, опустился к темным вершинам могучих елей, которые угрюмой стеной огораживали деревню от всего остального мира. Оставалось чуть больше часа до того, как ночного неба коснутся первые солнечные лучи. Они превратят темный бархат небосвода в алеющий шелк, и к этому времени стоит покончить с делами и оказаться в кровати.

Ери свернул с центральной деревенской улочки направо, побежал вдоль забора Карлоса-плотника. Разбойник – грозный пес Карлоса, всегда с лаем бросавшийся на любого чужака, сейчас лишь приподнял одно ухо и проводил детей сонным взглядом. Ули и Ери вот уже месяц прикармливали старого пса, чтобы тот не брехал.

За домом плотника начиналось заросшее широкими лопухами и высокой крапивой поле. Карлос был слишком большим лентяем, чтобы приводить свой участок земли в надлежащий вид. Узкая тропка вела прямо на невысокий холм. Шипя, когда особенно настырный лист крапивы жалил кожу, дети направились по заросшей тропинке. Один раз Ули громко ойкнул – острый камешек уколол ногу. Весь оставшийся путь до вершины холма мальчик прихрамывал и корчил болезненные гримасы. Достигнув цели, они остановились, посмотрели назад. Огонь горел лишь в доме, располагавшемся на самом дальнем краю деревни – у кузнеца.

¹² Траверс (фр.) – термин, используемый в фехтовании. Необходимый уход с линии атаки или же необходимое отступление.

Тропка с холма вела к спокойной и медленной реке, берега которой буйно заросли осокой и высоким, почти в человеческий рост, камышом. Над гладкой, точно зеркало, водой появились первые, едва видимые клочья тумана. Он стелился над рекой, путался в прибрежной траве, застревал среди камышей и пузатых гнезд вьюрков, поднимался вверх, пытаясь заполнить на берег. Дети сошли с тропинки и побежали, не разбирая дороги, прямо по траве, на которой уже успели выступить мелкие и очень холодные капли росы.

– Давай пошевеливайся, пока Карлос не проснулся, – буркнул Ери и поежился.

– Не проснется, – хихикнул Ули. – Он встанет не раньше полудня!

– Ты-то откуда знаешь?

– Знаю, и все. – Ули скорчил загадочную рожицу. – Я его этим вечером вдрызг пьяным видел. Даже Разбойник спрятался в конуру от греха подальше.

– Так то вечер... – сомневающимся голосом протянул Ери. – А сейчас почти утро. Небось уже успел проспать. Вот как встанет и пойдет на речку... А тут мы.

– Вот чего только Карлосу в такое время на речке делать?

– А я откуда знаю? Но если он нас на этот раз поймает, то уши точно оторвет!

– Не оторвет, – беспечно отмахнулся Ули. В отличие от своего приятеля, он старался не думать о том, что будет, если Карлос действительно застанет их рядом с тем местом, где он поставил сети.

Камыши возвышались перед ними сплошной стеной. Но мальчиков это нисколько не смущало. За прошедшее лето они научились ходить по зарослям с закрытыми глазами. Высокая трава шелестела, подчиняясь любому капризу легкого ветерка, что гулял сейчас над рекой и разгонял ленивый туман. Пахло тиной и рыбой. Влажная, пропитанная водой земля хлюпала под ногами, и Ери, как всегда, начал ныть, что противно вот так каждое утро ходить по этому вонючему болоту. Ули привычно цыкнул на него, и друг, обиженно засопев, умолк. Перепугав мальчиков, из камышей взлетела разбуженная утка. Заросли кончились, и началась река. Ребята зашли в нее по пояс и двинулись вдоль берега к торчащей из воды палке. Речная вода сейчас казалась теплее парного молока, и Ери наконец-то перестал ныть, что ему холодно. Дойдя до палки, дети опустили руки в воду и стали проверять поставленные Карлосом сети. Спустя несколько секунд им улыбнулась удача – в сеть попался крупный окунь.

– Ого! – восхищенно хихикнул Ери и нервно огляделся по сторонам. – Нам везет!

– Угу. – Ули пытался извлечь из сети бьющуюся добычу. – Снимай рубашку!

– А почему я? – Хорошее настроение Ери разом испортилось. – Я снимал в прошлый раз! Теперь твоя очередь!

– Слушай, я держу эту рыбину за жабры. Если отпущу и начну раздеваться, она уплывет.

Ери недовольно набычился, но рубаху снял и связал рукава. Ули тут же бросил окуня в этот импровизированный садок и вновь занялся сетью.

В воде они пробыли чуть больше сорока минут. На проверку сетей ушла уйма времени. Да и оголодавшее комарье устроило на воруемых рыбу мальчишках грандиозный пир. То и дело приходилось останавливаться и воевать с настырными кровопийцами. Когда дети выбрались на берег, дрожащие и стучащие зубами от холода, но жутко довольные своим успехом, рубаха Ери была полностью набита рыбой.

– К-как т-ты дум-маешь, – мальчик взвесил улов в руках, – с-сколько д-даст Педро?

– М-медная монета точ-чно! Если не две.

– Ух, ну и разоз-злится же Карлос, когда обнаружит, что кто-то вновь обчистил сеть и оставил его с носом!

– Угу. Он два дня назад гроз-зился, что, если поймает того, кто ворует, голову оторвет. – Ули старательно выжал намокшую рубаху.

– Он может. – Ери так некстати вспомнил огромную фигуру угрюмого плотника.

– Пошл-ли, уже светает.

Ери, кряхтя, забросил рубашку с тяжелой добычей себе на спину, и мальчики поспешили в деревню. Если все пройдет удачно, то задарма доставшуюся рыбу можно очень хорошо продать в маленькую таверну Педро и выручить за это дело денег. На ближайшей ярмарке они объедятся сладостей и купят себе все что заблагорассудится. Вплоть до самой настоящей игрушечной шпаги в бордовых ножнах или деревянного коня! Ули даже зажмурился от удовольствия. Все деревенские мальчишки лопнут от зависти! И всего-то для этого требуется встать пораньше и проверить сеть старого пропойцы.

Дорога от реки до холма показалась жутко длинной. Особенно для Ери. Нытье и сопение не прекращалось ни на минуту. Лишь когда мальчики оказались на вершине, Ери заткнулся. Было от чего замолчать. Над деревней багровым демоном распускалось зарево пожара. Вся северная часть оказалась объята пламенем. Тревожно забил колокол на старенькой часовне. Забил и смолк, словно звонарь вдруг решил, что у него нашлись куда более важные дела. Даже отсюда были слышны крики сельчан, пытающихся справиться с огнем. В предрассветной пелене метались силуэты людей.

– Как же... – ахнул Ери, и тяжелый куль с рыбой с противным шлепком упал на землю.

Ули уже не слышал своего друга. Он неся к деревне. Дом, где он жил, полыхал, словно стог сена. Ери удалось догнать приятеля только в поле, дети бежали, не обращая внимания на крапиву. Жгучие, злые стебли стегали руки, ноги и шеи не разбирающих дороги ребят. Потянуло дымом. Огненное зарево было уже близко.

Они находились на самом краю поля, когда услышали злой, хриплый лай Разбойника и крики. Дети выскочили на объятую пламенем улицу, и тут раздался отчаянный и полный боли визг старого пса. Этот почти человеческий крик заставил Ули и Ери остановиться и испуганно отшатнуться к забору. Мальчики не могли поверить в увиденное. Такого просто не могло быть! Лохматый Разбойник лежал возле конуры, а в его боку торчала короткая стрела! Пес был мертв.

Все, что увидел ребенок дальше, показалось ему кошмаром. Кричащего плотника выволокли из дома двое людей. В предрассветных сумерках кирасы незнакомцев казались серыми, будто сотканными из хлопьев осеннего тумана. В легких кабассетах¹³ отражалось пламя пожара. Карлос пытался вырваться, но неизвестные держали крепко. Они волоком протащили его по двору и бросили умоляющего о пощаде на землю. Четверо всадников, в тот момент показавшихся Ули выходцами из бездны, о которой так часто рассказывал деревенский священник, засмеялись. По улице пронеслось еще несколько неизвестных, вооруженных короткими кавалерийскими пиками, – демоны, принявшие человеческое обличье. Один из них широко размахнулся и бросил факел на крышу ближайшего дома. Вдали послышались выстрелы мушкетеров. Тем временем Карлос испуганно посмотрел на возвышающихся над ним людей, увидел, что они заняты тем, что наблюдают, как разгулявшийся от брошенного факела огонь пожирает крышу, встал на четвереньки, затем на ноги и с воплем бросился бежать.

Его сшибли лошадью. Несчастный, все еще причитая, закрыл голову руками, стараясь спастись от страшных копыт. Но солдат придержал черное чудовище и что-то сказал. Ули слов не расслышал. Их заглушили раздававшиеся по всей деревне крики о помощи и плач. Этот вселенский стон перекрывал все другие звуки.

Плотник поднял голову. На его небритой физиономии промелькнуло неподдельное изумление. Он начал вставать, и в этот момент кавалерист, наклонившись, ударил человека тяжелым палахом. Даже не ударил, а лениво отмахнулся, словно отгонял от себя надоедливую и очень наглую муху. Мгновенная и едва заметная вспышка стали, в которой отразилось зарево разверзнувшегося на земле ада, – и голова Карлоса лопнула, словно это была перезревшая привезенная с юга Таргеры дыня. Обливаясь кровью, несчастный рухнул под копыта лошади.

¹³ Кабассет – шлем, по форме похожий на шляпу с плоскими горизонтальными полями и гребнем.

Ери, наконец понявший, что все увиденное им происходит отнюдь не во сне, закричал. Мальчиков, прятавшихся у забора, заметили. На миг Ули увидел лицо убийцы Карлоса. Один из незнакомцев что-то сказал стрелкам. Щелкнул арбалет, и тяжелый болт с глухим звуком ударился в доски забора всего лишь в трех пальцах от головы Ули. Это привело мальчика в чувство. Он перестал таращиться на тело убитого плотника, толкнул в плечо Ери и заорал:

– Быстро! Бежим! К реке!

Мальчишки что есть силы припустили в сторону холма. Ули еще никогда в жизни так не бегал. Он был выше и сильнее Ери, так что неудивительно, что на половине дороги успел вырваться вперед. Несся по маленьким острым камешкам, сдирая кожу с подошв и глотая слезы. Он готов был бежать весь день, лишь бы оказаться как можно дальше от того, что сейчас происходило в деревне. Ули уже начал думать, что те страшные люди, которые так просто и буднично убили Карлоса, забыли о них, но за спиной раздался грохот копыт. Постанывая от ужаса, мальчик побежал еще быстрее. Он буквально взлетел на холм. Споткнулся. Упал в траву. Вскочил. И опять побежал. Ери, порядком отставший от своего друга, обернулся и всхлипнул. Двое слуг Искусителя были уже совсем близко. Мальчик приложил все усилия, чтобы страшные всадники его не догнали, но силы были неравны. Солдат, скакавший первым, оказался за спиной Ери и метнул свою короткую пику. Сила броска была такова, что оружие ударило Ери между лопаток, пробило насквозь и пригвоздило к земле. Кавалеристы пронеслись мимо тела и, натянув поводья, остановили коней. Впереди маячила фигурка бегущего к реке Ули. Один из воинов взял прикрепленный к луке седла легкий арбалет, поднял, прицелился в почти достигшего спасительных камышей мальчика. Внезапно второй сказал:

– Не стоит. Он должен уйти.

Стрелок едва заметно пожал плечами, убрал оружие и, развернув коня, направился обратно. За пикой. Напарник проводил его взглядом, вновь посмотрел в сторону реки. Мальчик уже успел скрыться в камышах. Человек усмехнулся, снял с головы шлем, отбросил его в сторону, прямо в траву. Провел рукой по слипшимся от пота волосам. Затем приподнялся на стременах и громко крикнул:

– Это наша земля! Наша!

Его крик разнесся над дремлющей рекой и стеной камышей. Кавалерист бросил последний взгляд на реку, еще раз скривил губы в ухмылке и направился туда, где пылала деревня и разносились крики людей, просящих пощады.

Глава 3

*Si oculis velatis pugnas, scias te adversarii gladium non visurum¹⁴.
Ioannus Tecius. Artifex ferro pugnandi*

– Сегодня мы собрались, чтобы проводить в последний путь Мигеля де Туриссано, графа Майдельского, маршала кавалерии Таргеры, верного сына Святой матери Церкви, и помолиться за его светлую душу, дабы Спаситель принял дитя свое в объятия благодетельные и провел в райские кущи, где найдется место для всякого праведника. Ибо тот, кто отдал всю свою жизнь на служение стране своей и Спасителю нашему, – праведник. Истинно говорю я вам, чада мои, так помолимся же...

Сидевший в высоком кресле кардинал говорил тихо, едва шевеля губами, но его многократно усиленный магией голос разносился по собору Святого Антония и достигал ушей каждого, кто пришел в этот день проститься с маршалом. Огромный сводчатый зал самого большого в стране собора вместил более семисот человек. Капля в море.

На панихиду съезжались со всей страны. Каждый благородный род считал своим долгом прислать хотя бы одного представителя, дабы почтить память прославленного героя. Тем, кому не удалось попасть в собор, приходилось ждать на улице и в течение нескольких часов мокнуть под проливным дождем. Мелкое провинциальное дворянство, торговцы и славные жители Эскарины безропотно терпели водопады воды, желая лишь одним глазком взглянуть, как Королевские гвардейцы будут выносить гроб.

Несмотря на то что на улице хлестал ливень и было не по-летнему холодно, в соборе царил ужасная духота и давка. К концу трехчасовой службы несколько десятков благородных дам упали в обморок. Их выносили на свежий воздух через боковые двери. Фернан скользнул безучастным взглядом по очередной придворной красотке, которую выводил под руку пожилой дворянин. От дамы явственно разило дорогими и удушающее приторными духами. Ясное дело, от такой вони и капрал кирасиров рухнет в обморок, чего уж говорить о фрейлинах?

Де Суоза подумал, что, будь здесь Рийна, она бы ни за что не упала в обморок. Жена Фернана была сделана из несколько иного теста, чем придворные красотишки и фрейлины Ее Величества, и духота для нее была не страшнее весенних штормов в проливе Луниты. Отчего-то именно сейчас «василиску» очень захотелось, чтобы Рийна находилась рядом...

В самом начале церковной службы Фернан специально выбрал себе место возле одной из колонн собора. На нее можно было опереться спиной. К тому же здесь намного прохладнее, чем там, у алтаря. Де Суоза вновь поднял взгляд на куполообразный потолок, расписанный историями из Святой книги. Смотреть вперед не было никакого смысла и возможности. Людей перед маркизом было слишком много, и почти все выше ростом. Так что для изучения оставались лишь порядком наскучившие церковные рисунки или же ближайший проход, по которому то и дело выносили не выдержавших чересчур долгой службы людей.

Фернан считал возможным усмехнуться. Пожалуй, кардинал Хосе Пабло де Стануцци был единственным человеком в Церкви, кого он уважал. Не любил, ибо любить выходцев из Ордена крови Бриана не входило в число достоинств Фернана, но уважал. Уважал за ясные для девятилетия с лишним лет мысли и за сочащиеся через каждое второе слово ехидство и желчь, которыми кардинал любил потчевать своих приближенных. Де Суоза ни на секунду не сомневался, что Старый Гриф нарочно затянул эту погребальную мессу на столь неподобающе длительный срок. Кардинал в который раз показывал всем (начиная с короля и его двора и заканчивая церковным Советом), что его рано собрались хоронить. Де Стануцци еще может самостоятельно

¹⁴ Если тебя вынудили сражаться с повязкой на глазах, готовься к тому, что не увидишь противника и его шпагу.

осуществить столь простую вещь, как трехчасовое выступление перед уважаемыми и влиятельными людьми королевства. И Его Высокопреосвященство будет разглагольствовать о дарах Спасителя еще как минимум час. Назло всем. Так что королю, королеве и всем, кто сейчас находился в соборе, придется набраться терпения, ибо даже им не подобает перебивать кардиналов и прерывать церковные службы. Старый Гриф продолжал вещать, но Фернан слушал краем уха.

– ... И дал Спаситель детям своим магию, ибо кроме веры в Него лишь магия дарует нам право на чудо и защиту от Искусителя и слуг его мерзких. И лишь тем, кто всей душой и сердцем верит в Него и идет служить Ему и прославлять Его, забывая о жизни мирской, являет Спаситель свое искреннее чудо и дарует благодать, имя которой – Дар. Дабы защищал он детей Его от ночного зла...

Да. Вот она, правда жизни. Только церковники могут владеть Даром, всем остальным он недоступен. Почему так, а никак иначе, задумывались многие на протяжении последних полутора тысяч лет, но ответа, кроме того, что написан в Святой книге и только что произнесен кардиналом, найти не смогли.

Никто, кроме выбравших служение Церкви, не мог творить волшебство. Пытались многие, не получалось ни у кого. Магия – этот вечно сладкий и запретный плод – всегда была рядом, на виду. Но чтобы его попробовать, следовало навсегда отречься от мирской жизни и совершить постриг. Но и после того, как люди вступали в святое лоно матери Церкви, не у всех из них просыпался Дар. Попыток подчинить магию в обход клириков было множество, но все они закончились полным фиаско. Ни один из пытавшихся не смог совершить самого простого чуда. Некоторые особенно упорные и отчаявшиеся отрекались от Спасителя и искали счастья у Искусителя, изучая запрещенные книги. У единиц что-то получалось, у большинства же – нет. И тех и других отцы-дознаватели упорно искали, вылавливали и на виду у всех сжигали в очистительном пламени, дабы другим неповадно было стремиться к запретному. Так что основная часть магии оставалась прерогативой Святой Церкви – вместе с властью, богатством и влиянием на дела мирские. Конечно же кроме Дара были другие, более темные и древние науки, но в Лории их не чтили и, в общем-то, по большому счету, не знали. А вот в Пешханстве и на Черном континенте, как поговаривали, древняя магия была еще жива, и плевать там хотели на Спасителя и Церковь. Конечно же последней это не очень-то нравилось, но времена Святых походов против язычников вот уже лет триста как канули в Лету. Церковь в лице Папы не стремилась вновь отправлять своих детей в пески, воевать за мощи Спасителя и насаждать истинную веру среди горячих и жестоких иноверцев. Последний Святой поход едва не привел к катастрофе, и теперь, смотря на восток, клирики лишь грозно хмурились, но воевать не стремились.

Дама, стоявшая рядом с Фернаном и вот уже минут десять отчаянно махавшая веером, с тихим охом повисла на муже. Тому не оставалось ничего другого, как вывести ее на улицу. Фернан тут же встал на освободившееся место и оказался у самого прохода. Отсюда можно было прекрасно видеть то, что происходит у алтаря.

Кардинал, маленький, сухонький старичок с гладко выбритым, морщинистым лицом, огромным крючковатым носом и лысой головой, действительно был похож на старого и едва живого грифа. Хосе Пабло де Стануззи, не замолкая ни на минуту, продолжал читать Святую книгу. За его спиной каменным, неподвижным изваянием застыл епископ Эскарини – де Лерро. Еще дальше стояли облаченные в белое, бордовое и серое епископы рангом пониже. Среди них Фернан узнал Жозе Наярру. Там же находились король и все высшее дворянство вместе с послами некоторых сопредельных государств. Возле алтаря в две шеренги стояли сорок высоченных королевских гвардейцев. Между шеренгами располагался гроб, где покоилось тело графа. Крышка гроба была закрыта – со времени смерти маршала прошло уже пять дней.

С похоронами тянули до последнего. Ждали, когда соберутся все, кто только мог прийти. Даже из смерти де Туриссано Таргера хотела извлечь как можно больше выгоды. Немного патриотизма и воспоминаний о былом величии и победах маршала – великолепный способ попытаться хоть как-то утихомирить вечно грызущиеся между собой дворянские коалиции.

На взгляд де Суоза, все было как раз наоборот. Смерть графа не сплотит, а скорее еще сильнее оттолкнет знать друг от друга. К примеру, теперь верные королю и дворяне, поддерживающие его брата герцога Лосского, будут интриговать друг против друга за получение лакомого поста маршала кавалерии.

Фернан почувствовал пристальный взгляд и резко обернулся. Одна из дам тут же перестала смотреть в его сторону. Де Суоза хмыкнул и поморщился. Он еще не привык ловить на себе сочувственно-любопытные взгляды. Рана, оставленная ему сеньором Никто, привлекала всеобщее внимание. Что и неудивительно. Очень сложно не заметить такое.

После того памятного поединка Фернан два дня провалялся в постели. Домой его принесли подоспевшие стражники. Лекарь, пришедший ранним утром, оказался мастером своего дела. Кривая игла так и мелькала, стежки швов были аккуратными, а края раны плотно прилегали друг к другу. Сеньор де Суоза выдержал экзекуцию безропотно и не издал ни звука. Но мастер – это, увы, не волшебник. Он не сможет сделать так, чтобы не было шрама. Теперь по бледной коже Фернана начиная от виска, заходя на скулу, через всю щеку и заканчиваясь на нижней челюсти, змеилась широкая красная линия. После того как лекарь снимет швы и пройдет какое-то время, шрам станет бледным, но, к сожалению, никуда не исчезнет. Но это произойдет еще не скоро, а пока рана доставляла Фернану массу хлопот – и не тем, что привлекала к себе любопытные взгляды, словно тугой кошелек уличных воришек, а тем, что жутко чесалась. Старая Лючита – служанка Фернана, увидев, что стало с ее господином, заламывала руки и просила, чтобы Спаситель покарал того негодяя, что испортил лицо ее хозяину. Де Суоза себя испорченным не считал и не очень уж сильно страдал от столь заметной отметины. В случае если сеньор Никто выжил, капитан надеялся не на Спасителя, а на свою шпагу.

На третий день, наконец встав и ощущая едва заметную слабость, Фернан занялся делами. В первую очередь похоронил останки бедняги Вето, попавшего под удар, который предназначался Фернану. «Василиск» ни минуты не сомневался, что сутулый человек применил магию. Удивительно, но к де Суоза не пришел ни один из отцов-дознавателей, дабы расспросить о случившемся. Городская стража тоже вопросов не задавала. Казалось, что все были заняты более важными делами, чем ночная стычка на улице Святого Шеро. Что, впрочем, понятно. Известие о гибели маршала кавалерии взбудоражило Эскарина, и все остальные темы были забыты. Никто и не вспомнил о так называемом взрыве порохового погреба на прибрежной улочке и разрушении целого дома. Подумаешь, новость! Интересно, что бы было, если бы Церковь не поспешила распустить столь своевременную ложную информацию и просочился слух о том, что некто использовал магию, которой попросту не могло и не должно было быть?

Церковь в лице Ордена пока игнорировала сеньора де Суоза, но он чувствовал, что это ненадолго и после похорон графа придется выслушать много вопросов и дать много ответов.

Рану вновь пронзило болью, и Фернан, не удержавшись, аккуратно провел по ней рукой, обтянутой перчаткой. Поморщился. Кажется, это становилось дурной привычкой.

Наконец кардинал сжалился над своими прихожанами и замолчал. Закованные в доспехи шеренги гвардейцев чеканным шагом двинулись вперед. К гробу подошли еще восемь королевских солдат, подняли его на плечи и направились к выходу из собора. Где-то на улице оглушительно гроыхнули пушки, отдавая маршалу кавалерии последние почести. Гроб пронесли мимо Фернана, но уходить было еще рано. Пришлось ждать, пока мимо пройдет король и все те, кому по положению надлежало стоять ближе всех к алтарю. Фернан поймал на себе мимо-

летный взгляд проходящего мимо сына герцога Лосского. Де Суоза, хоть и не любил этого человека, отвесил легкий поклон. Виконту не оставалось ничего другого, как ответить тем же.

Он встретился взглядом с графом де Брагаре. Тот кивнул, и его губы едва шевельнулись. Фернан понял. Кивнул в ответ. Если глава «василисков» просит о срочной аудиенции, то эту просьбу следует удовлетворить. Сеньор де Брагаре и так был излишне терпелив целых пять дней. Не стоило злоупотреблять его расположением больше обычного.

После погребальной мессы Фернан успел заехать домой и переодеться в менее дорогую и вычурную одежду. На похороны он не поехал. И без него народу было предостаточно, так что присутствие Фернана никакой роли не играло. Он уже выполнил все приличествующие его положению обязанности и теперь мог заняться более насущными делами. Например, доложить своему непосредственному начальнику о том, что он увидел в Арреде.

Здание, где располагались «василиски», находилось в самом центре столицы, недалеко от королевского дворца. Фернан поднялся по длинной, мокрой от дождя лестнице и, не обращая никакого внимания на гвардейцев, охраняющих вход, прошел внутрь «логова „василисков“, как называли этот дом многочисленные недоброжелатели.

Он поднялся на второй этаж, толкнул знакомую дверь и оказался в приемной начальника службы контрразведки. Сидящий за столом высокий пожилой мужчина отвлекся от бумаг и встал:

– Сеньор, мое почтение.

– Здравствуйте, господин Жорже, – поприветствовал Фернан личного секретаря графа. – Сеньор де Брагаре должен ожидать меня.

– Так и есть. Будьте любезны подождать одну минуту. Я доложу о вашем приходе.

Фернан кивнул, подошел к окну, нахмурился. Сквозь пелену вновь усилившегося дождя он увидел знакомую карету с бордовым крестом на двери. Отцы-дознаватели. Де Суоза хмыкнул, прошелся по приемной, остановился возле герба «василисков». В первый раз он увидел его здесь тринадцать лет назад, когда оказался в приемной графа де Брагаре. Как давно это было! Сеньор де Суоза с детства мечтал стать военным, но, после того как семнадцатилетнего Фернана по причине его невысокого роста отказались зачислить в полк и лишили мечты и военного мундира, выбора не осталось. Этот герб – шестипалая ящерица с головой петуха – стал для него последней надеждой попасть в армию. Если бы и «василиски» отказались от блондина, то Фернану, единственному, кто выжил в ночь, когда роду маркизов де Нарриа предъявили кровавую плату, оставалось лишь два пути – или пойти служить Спасителю, или дожидаться того момента, когда враги рода возьмут с него кровью, ибо за спиной его воспитательницы, графини де Турсеко, нельзя было прятаться вечно.

Ни первое, ни второе юного дворянина не устраивало. Он не хотел уходить в Церковь, ибо не очень-то надеялся на Спасителя. Где был Спаситель, когда надо было защитить его род? А насчет кровавой платы... Фернан не был трусом и в семнадцать лет уже прекрасно владел и шпагой и рапирой, но он понимал, что против могущественных родов де Дорес и де Муора, находящихся под вассальной присягой у рода де Фонсека, герцогов Лосских, ему одному не выстоять. Так что сеньор де Суоза предпочитал обезопасить себя и потребовать плату кровью за ту страшную ночь... После.

Бессменный глава разведки – граф де Брагаре – внимательно выслушал тогда еще пылкого, ожесточенного на весь свет, не умеющего скрывать свои эмоции под каменной маской холодности молодого человека. Выслушал и решил рискнуть, взяв Фернана под свое крыло и закрыв от ударов де Доресов и де Муора, ибо с «василисками» предпочитали не связываться.

Граф ни на минуту не пожалел о своем решении, ибо не было в его ведомстве сотрудника более упорного и благодарного, чем Фернан. Маркизы де Нарриа всегда платили свои долги. Это знали все, включая сеньоров де Муора, род которых в одну из прекрасных ноябрьских

ночей потерял трех человек. Кое-кто догадывался, чья шпага устроила бойню, но доказать так ничего и не смогли.

За тринадцать лет службы маркиз прошел путь от рядового до капитана, получил несколько благодарностей от самого фельдмаршала де Оливейра.

Дверь кабинета графа открылась, и оттуда вышел не ожидаемый Фернаном секретарь, а совсем еще молодой черноволосый мужчина, облаченный в черный костюм для верховой езды и черный короткий плащ с бордовым подбоем. Серебряный знак «василиска» на груди, тяжелая и несколько длинноватая рапира на широкой перевязи. Заметив Фернана, «василиск» приветливо улыбнулся, сверкнул зелеными глазами, и его кошачьи зрачки на миг стали вертикальными.

Покинувшего кабинет сеньора де Брагаре звали Шейр, и он не был человеком. Этот «юноша» (а выглядел он гораздо моложе тридцатилетнего Фернана) разменял уже девятый десяток и принадлежал к малочисленной расе ламий, чье племя жило в горах Северной Таргеры.

Внешне ламии были похожи на людей, но только если не обращать внимания на их зеленые, кошачьи глаза, нереальную грацию, пластику движений и нечеловеческую быстроту. А если уж говорить о том, что Спаситель отпустил этой расе в три раза более длинный срок жизни, чем людям, то между ламией и человеком, выростала огромная пропасть. Самым удивительным было то, что между людьми и их ближайшими соседями не было никаких серьезных конфликтов. Зеленоглазых горцев считали за своих ближайших, пускай и несколько странных родичей. Кого за это надо было благодарить – внезапно проснувшуюся у людей терпимость к чужакам, столетия жизни бок о бок или принятие ламий в лоно Церкви? За последние двести лет между гордыми кланами горцев и людьми не было войн на почве расовой ненависти или недовольства друг другом. Таргерцы и ламии жили мирно, и это, пожалуй, до сих пор удивляло и тех и других. Да, иногда они рычали друг на друга, перемывали косточки, но лишь в своем, узком кругу. Если какой-нибудь житель Ирении (или того хуже – Андрады) в присутствии таргерца начинал рассуждать о зеленоглазых ублюдках или же в присутствии ламий говорил о вспыльчивых черноволосых идиотах, реакция и у «ублюдков» и у «идиотов» была одна – невеже чистили рыло. Мол, если мы и ругаемся, то это наше дело, а вам в наши дела лезть нечего. Это можно было назвать взаимовыгодным союзом. Клань ламий охраняли северную, горную границу между Таргерой и Бритонью, а люди снабжали зеленоглазых всем тем, что нельзя было найти в пустынных горах.

– Фернан, – «ф» Шейр произносил несколько шипяще, – рад, что ты в добром здравии. Тут за последние два дня о тебе такого порассказали, что я не знал, чему верить.

– Все ложь, – рассмеялся Фернан и пожал руку приятелю.

– Как вижу, не все. – Глаза цвета ранней весенней листвы на секунду замерли на щеке Фернана. – Не думал я, что найдется в столице шпага, способная на такое, если только...

Шейр замолчал, но де Суоза вполне понял, как должен звучать невысказанный вопрос ламии.

– Нет, дружище, этот парень был не из вашего племени.

– Ну и хвала Спасителю, – облегченно выдохнул ламия. – Моему народу не хотелось бы осложнений. Но твой противник был быстр как сам Искуситель. Раз ты жив, я смею надеяться, что этот ловкач мертв?

– Я тоже надеюсь на это, – нехорошо усмехнулся де Суоза. – Но когда я видел его в последний раз, он был живехонек, хоть и порядком продырявлен.

– Жаль, – искренне огорчился Шейр. – Кто-то из все еще никак не успокоившихся де Муора? У него было что-то личное к тебе?

– Ко мне или к моему роду. А быть может, еще что-то. Не знаю, Шейр. Это не де Муора и не де Доресы. Они предпочитают какое-то время меня не замечать, впрочем, как и я их. У нас

враждебный нейтралитет. – Он криво усмехнулся. Будь воля маркиза – он бы отомстил всем, но приходилось считаться с кучей политических факторов и забыть о мести на неопределенный срок. – Кто был? Я уже ломал над этим голову, но этот человек мне неизвестен.

– Жаль, – вновь повторил ламия. – Если найдешь его, не забудь пригласить меня. Я хочу посмотреть на ваш разговор.

– Всенепременно, – хохотнул Фернан, зная, что Шейр больше предпочитает не смотреть, а участвовать в «разговорах» подобного рода. – Если что, я знаю, где тебя найти.

Маркиз знал нрав Шейра. В принципе он был похож на нрав любого мужчины-ламии. Вспыльчивый, порой бесшабашный, всегда рискующий, если не сказать ходящий по грани. Если женщины ламии могли перебороть свое врожденное «кошачье» бешенство и скрыть его где-то глубоко внутри, отгородившись от него этикетом и людскими законами, то мужчины в большинстве своем были куда менее сдержанными. Особенно когда находились в кругу себе подобных, ибо в окружении людей им приходилось взнуздывать свой мерзкий характер, не принимать дружескую шутку за оскорбление и не провоцировать конфликты.

– Как поживает Рийна? – Ламия был не прочь затеять светскую беседу.

– Все еще в плаванье. Должна быть через неделю.

– Теперь я понимаю твое пасмурное настроение. – Шейр сочувственно подмигнул де Суоза и принялся надевать перчатки. – Что же, передавай сеньоре мои приветствия.

– Заглядывай в гости, когда она приедет, мы сто лет тебя не видели. И кстати, не называй ее сеньора, ведь знаешь же, как она к этому относится.

– Раз ваш брак скреплен узами Церкви, – значит, быть ей сеньорой. – Шейр радостно хохотнул. – Нет большего удовольствия, чем дразнить львицу, дружище! Кстати, я только сейчас представил, что наша дражайшая Рийна сделает с твоим фехтовальщиком, если наткнется на него раньше тебя.

Фернан улыбнулся. Зеленоглазый «василиск» набросил на плечи плащ:

– Хочу тебя предупредить, что граф передал расследование смерти маршала мне. Я знаю, что начинал это дело ты, и надеюсь, ничего против моей персоны не имеешь?

– Все в порядке, – совершенно искренне ответил Фернан. – Ты ознакомлен с ситуацией?

– Да, твой отчет уже у меня. – Шейр похлопал по одному из своих карманов.

– Что думаешь?

– Гнилье. Хотя есть кое-какие наметки.

– Вот как?

– Эта мантикора на стене... Есть предположения, но лучше я вначале все проверю.

– Держи в курсе. Это убийство меня заинтересовало.

– Не только тебя. Вся Эскарина бурлит. Да и «бордовые» словно с цепи сорвались. Кстати, они сейчас у старика. Приказали мне сообщать о каждом шаге расследования.

Шейр презрительно опустил уголки губ. Он, как и Фернан, не любил, когда отцы-дознатели начинали путаться под ногами.

– Сеньор де Суоза, – позвал Фернана вышедший из кабинета полковник «василисков» Жорже, – сеньор де Брагаре готов вас принять.

– Благодарю. Удачи, Шейр. Не пропадай.

– И тебе, Фернан, – протянул руку ламия. – Не забудь пригласить на ужин, когда вернется Рийна.

– Всенепременно.

Фернан пожал руку и последовал за секретарем в кабинет.

– Сеньор, к вам сеньор Фернан Руис де Суоза маркиз де Нарриа.

– Спасибо, Жорже. Заходите, сеньор!

Полковнику «василисков» Варгасу Фердинанду де Сантушу графу де Брагаре было за пятьдесят. Широкоплечая, чуть ли не квадратная фигура начальника наводила на мысль

о том, что сеньор де Брагаре ранее работал кузнецом. Причем без передыха в течение лет ста, если не больше. Говаривали, что в молодые годы граф без труда сгибал пальцами подковы. Лицо у Варгаса Фердинанда было красным, глазки маленькими и черными. А если к этому прибавить кустистые брови, густую черную бороду, тяжелую, выступающую вперед нижнюю челюсть, пронзительный взгляд исподлобья, то понятно, почему на тех, кто видел графа впервые, тот производил впечатление злобного и недалекого вояки (чего, собственно, тот и добивался). Человек, благодаря стараниям которого «василиски» упрочили свое и без того крепкое положение в рядах армии, предпочитал, чтобы враги при первой встрече считали его дураком и тупицей, нежели опасным противником.

Кроме сеньора де Брагаре в кабинете находилась уже знакомая Фернану по Арреде парочка епископов. Мигель Алессандро де Лерро, повернувшись к Фернану спиной, изучал висящую на стене картину, а Жозе Наярра, расположившись в удобном глубоком кресле, перебирал янтарные четки. Оба епископа были облачены в парадные церковные одежды. Похоже, клирики нагрянули к сеньору де Брагаре сразу же после панихиды. И снова вместе. При их горячей «любви» друг к другу это наводило на некоторые неприятные размышления. Когда скорпионы, засунутые в один горшок, перестают драться и начинают действовать сообща, следует быть осторожным.

– Ваше Преосвященство, Ваше Святейшество, сеньор. – Фернан отвесил три поклона. – Счастлив приветствовать вас.

– Думаю, скажу за нас троих, сеньор, что и мы счастливы видеть вас в добром здравии, – начал разговор «гарпия». – Воистину в ту ночь вас охранял Спаситель.

– Вне всякого сомнения, Ваше Святейшество. Спаситель был со мной, но я больше полагался на шпагу.

Жозе Наярра нахмурился, пытаясь решить, что это – богохульство или всего лишь невежество? Фернан, полный безмятежного спокойствия, выдержал пронзительный взгляд серых глаз. Молчание затягивалось, и граф де Брагаре прочистил горло.

– Не будете ли вы так любезны, сеньор де Суоза, как можно подробнее рассказать нам о том, что произошло ночью, когда вы возвратились из Охотничьего замка? – Епископ Эскарины наконец-то отвлекся от изучения живописи.

– Конечно, Ваше Преосвященство.

– Присаживайтесь.

Фернан проигнорировал предложение де Лерро и остался стоять. Епископ предпочел этого не заметить, зато аббат Наярра едва улыбнулся. Фернан начал рассказывать, стараясь ничего не упустить и вспомнить все подробности прошедшей ночи. Епископы внимательно слушали, сеньор де Брагаре, казалось, дремал. Сутулого человека де Лерро попросил описать дважды.

– У вас есть предположения, почему эти люди совершили на вас столь наглое нападение? – спросил де Лерро, когда Фернан закончил свой рассказ.

– Нет.

– Ходят слухи, что некоторые роды хотят потребовать с вас плату кровью. Насколько я знаю, противостояние между вашими домами длится уже второй век?

– Нет, Ваше Святейшество, это всего лишь слухи. Думаю, если бы это была плата кровью, они бы назвались. У меня нет предположений, чем было спровоцировано нападение.

– Вы задумывались, каким образом убили вашего слугу и уничтожили дом?

«Они меня за дурака держат», – с изрядной долей раздражения подумал Фернан.

– Уж точно это был не порох. Думаю, Ваше Преосвященство гораздо лучше меня сможет объяснить, как некоему человеку удалось использовать Дар. Ведь это была магия, не так ли? Магия Искусителя?

Де Лерро недовольно поджал губы:

– Вы ведь понимаете, что все, что я сейчас здесь скажу, не должно выйти за пределы этого кабинета?

– Вы можете положиться на эти стены, Ваше Преосвященство. – Де Брагаре наконец-то соизволил вступить в разговор.

Де Лерро выразительно посмотрел на личного секретаря графа, занявшего небольшой столик в углу комнаты.

– Можете доверять господину Жорже как и мне, епископ. Он служит у меня уже больше двадцати лет.

Де Лерро несколько помедлил, пожевал губами.

– Хорошо... Да, сеньор де Суоза, вы абсолютно правы, против вас была использована магия. И мой Орден очень интересуется тем еретиком, что решил преступить законы Святой матери Церкви. Даром имеют право пользоваться лишь святые отцы, все остальное – от Искусителя. Мы уже ищем преступника, он оставил достаточно осязаемый след, и при должной удаче, вместе с благосклонностью Спасителя разумеется, мои братья смогут предать этого человека очищению.

– Я очень буду этому рад, Ваше Преосвященство. – Фернан с радостью подбросил бы вязанку хвороста в костер, на котором предстоит жариться еретику. – Могу ли я помочь вам еще чем-то?

Де Лерро бросил на Фернана подозрительный взгляд. А не издеваются ли над ним? Но де Суоза был невозмутим.

– Мы с аббатом Наяррой узнали все что хотели, сеньор. Я буду надеяться, что о проведенном расследовании смерти маршала вы сообщите нам незамедлительно. Теперь же позвольте вас оставить. Граф... Маркиз...

Епископ Эскарини направился к двери, которую уже поспешно отворял выскочивший из-за стола господин Жорже. Аббат Наярра с трудом выбрался из кресла, пошел следом за де Лерро, но на полпути внезапно остановился и повернулся к Фернану. Прежде чем «василиск» успел понять, что происходит, «гарпия» оказался возле него и бесцеремонно положил пухлую ладонь на левую щеку Фернана.

– Сейчас будет горячо, – пробормотал аббат монастыря Благодетеля, и лицо Фернана на краткий миг обожгло огнем.

Спустя секунду «серый» убрал руку и посмотрел на сеньора де Суоза со скрытой насмешкой.

– Вот видите, сын мой. Лучше полагаться на силу и мудрость Спасителя, чем на шпагу. Первый дарует исцеление, зато вторая только боль. Всего доброго, сеньоры.

Он вышел прежде, чем Фернан нашел слова, чтобы ответить. Провел рукой по лицу. Не поверил. Подошел к высокому зеркалу в вычурной бронзовой раме. Едва сдержал ругательство. Швы исчезли. Шрам из широкой ярко-красной полосы превратился в едва видимую белую линию. Создавалось впечатление, что с момента ранения прошел как минимум год.

– Клянусь своей безгрешной душой! – пророкотал граф де Брагаре, когда дверь закрылась. – Иногда сила Паука начинает пугать даже меня!

– Да, – ошеломленно выдохнул Фернан, – лучший способ поверить во всемогущество Церкви – увидеть маленькое чудо.

– Думаю, если бы этот толстяк захотел, то не осталось бы никаких следов.

– Но он не захотел.

– Кто поймет «гарпию», мой мальчик? Проклятье! – Глава «василисков» в раздражении стукнул кулаком по столу, – Эти кровопийцы в течение часа гоняли меня... Меня!!! Словно я мальчишка! И не только они! Фельдмаршал хочет немедленных результатов! Король, представь себе, позабыл о фаворитках и тоже хочет результатов! Теперь и клирики! Хотел бы я знать, каков интерес Церкви в этом паршивом деле?

Фернан вздохнул и начал рассказывать все то, чего не было в его письменном отчете. История вышла достаточно долгой. Пришлось задержаться на самом убийстве, на пропаже кинжала и на рисунке мантикоры на стене.

– Кинжал уже ищут. Всех воров и скупщиков краденого взбаламутили, я лично пообещал награду. Быть может, клинок и всплывет, но не уверен.

– Сеньор, вы лучше меня знали графа де Туриссано. У него были проблемы с деньгами?

Граф де Брагаре помолчал, затем неохотно кивнул:

– Насколько я знаю, очень большие проблемы. Неумная игра на скачках и любовь к лошадям заставила маршала несколько э-э-э... поиздержаться.

– Настолько поиздержаться, что он начал продавать свое любимое оружие?

– И даже еще хуже. Он практически разорен. Да и этот дурацкий рисунок... Здесь больше вопросов, чем ответов. Зачем рисовали? Почему именно мантикора? Какие-нибудь религиозные фанатики?

– Вполне возможно, что и так, сеньор. После нападения на меня... тот... с Даром... Де Лерро как воды в рот набрал. Говорит, что его люди не смогли почувствовать следов убийцы.

– Понял, на что ты намекаешь и почему ничего не сказал нашему славному епископу. Думаешь, тот, кто владеет магией Искусителя, попросту стер все следы, и наши святоши ничего не могут почувствовать, а говорить, что их Спаситель оказался слабее Искусителя, не хотят? Вполне возможно... Значит, ты связываешь нападение на тебя и убийство маршала?..

– По всему видно, что и там и там замешаны магия и Искуситель, иначе Церковь никогда бы не ввязалась в наши дела. К тому же нападение произошло сразу после того, как я вернулся из Охотничьего замка. Почему напали – не знаю. Быть может, посчитали, что я узнал нечто такое, что опасно знать...

– М-да... – Де Брагаре потер виски. – Куча предположений – и больше ничего. Надеюсь, что Шейр сможет хоть как-то помочь.

– Единственное, о чем могу говорить с полной уверенностью: люди, устроившие мне ночную встречу, были военными.

– Что заставляет тебя так утверждать? Именно военными, а не обычными наемниками?

– Именно военными, сеньор. И хорошими военными. Быть может, из бывших. Вы бы меня поняли, если бы только их увидели. То, как они держали оружие, двигались, произносили слова... Могу даже предположить, что из пехоты. На кавалеристов не сильно похожи. С такой-то походкой...

– Не буду спорить, я привык доверять твоему чутью. Но тогда сразу назревает предположение, что они никак не связаны с историей, приключившейся в Арреде. Если парни из бывших, то они вполне могли иметь зуб на «василисков».

– Вряд ли бы они стали действовать сообща с человеком Искусителя. Тот, кто пользуется запрещенным Даром, опасен.

– Тоже верно. Мог бы и дослушать, что тебе хотел сказать тот дворянин, – ворчливо пробубнил граф. – Сядешь ты наконец?! И вина налей! Мне тоже.

– Если бы я стал его дослушивать, сеньор, – Фернан аккуратно разлил по высоким бокалам терпкое красное вино, – то, боюсь, сейчас не сидел бы здесь. Был шанс прорваться и избежать поединка. Увы, не получилось.

– В итоге гора трупов. Ладно, попробуем проверить среди военных, но, как сам понимаешь, шанс небольшой. Вот с твоим дворянином куда легче. Хороших врачей в Эскарине не так уж и много. Если он выжил, то обязательно обращался за помощью. Пускай жандармерия и порыщет, а то они от безделья уже мучаются... Еще что-нибудь?

Фернан рассказал о том, что слышал Вето под окном библиотеки.

– Не наше дело! Совсем не наше! Забудь об этом разговоре! – резко бросил де Брагаре. – Если они что-то ищут, то Спаситель им в помощь! Мы тут ни при чем и в их дела не лезем.

Ни при каких обстоятельствах! Посадить «бордовых» себе на шею я не хочу. Мы их потом вовек с себя не сбросим.

– Все равно стоит подумать, что это за бумаги и как они попали к маршалу.

– Вот и подумай. Про себя. И без шума. А делом будет заниматься Шейр. Пусть он ищет, кто выигрывает от смерти графа.

– Многие, сеньор. Я могу назвать только тех, кто точно проиграет – король и его люди.

– Король уже проиграл! – Граф построил самую кислейшую из всех возможных физиономий. – Вчерашним королевским указом маршалом кавалерии назначен сеньор де Герошто.

Сеньор де Суоза болезненно поморщился. Сводный брат герцога Лосского не с первого, так со второго раза смог забраться на ранее недостижимую для него вершину. Что же, в этой битве победили люди герцога. Стоит возблагодарить Спасителя, что победа прошла бескровно и роды, настроенные против де Герошто, не затеяли славную бучу.

– Чем руководствовался король в столь несвойственном для него поспешном решении?

– Своей глупостью, наивностью и вынужденным отсутствием де Оливейры и маркиза де Армунга.

– Король все еще прислушивается к шуту?

– Король ко всем прислушивается, побори его демоны! – Де Брагаре не стеснялся в выражениях. – Он слишком наивен, а когда рядом нет старикана де Оливейры или, на худой конец, шута, Его Величество склонен к опрометчивым поступкам! То есть одной рукой он лезет под юбку красоти, а другой подписывает государственные указы!

– А капитан фон Гроссберг уже не имеет влияния?

– Капитан Королевской гвардии – льдец, Фернан. Он, как и все льдцы, слишком рассудителен и умен. А еще верен, как старый пес, но дорогу сеньору Лосскому перебежать не будет. Не шут. Король принял решение, и точка. Обратно ничего не вернешь. Но мало того что Его Величество отдал маршальский жезл де Герошто, который, мягко говоря, симпатизирует тому, в ком течет более древняя кровь, так еще и сеньор де Нуньо, которому, в общем-то, и надлежало быть маршалом, крайне расстроен. Очень расстроен.

– Дело серьезное?

– Серьезное? – Де Брагаре покосился на открытую бутылку вина, и Фернан вновь наполнил фужеры. – Сеньор де Нуньо, оскорбленный тем, что жезл достался его кровному врагу, спешно покинул Эскарину и отбыл в свое загородное имение. Как говорят, он с крайним сожалением говорил о глупости Его Величества.

Вопреки ситуации Фернан усмехнулся. Зная вспыльчивый характер известного сквернословия столицы – сеньора де Нуньо, можно было только предполагать, какие слова тот произносил.

– Его Величество мастерски теряет своих сторонников.

Что правда, то правда. В последнее время Карлос III делает все, чтобы остаться без верных людей. Того и гляди, те пойдут на поклон к сеньору Лосскому.

– Жаль, что де Нуньо не стал маршалом, – продолжил разговор Фернан. – Я слышал, он неплохо показал себя под Тудено¹⁵.

– Неплохо... – пробурчал де Брагаре. – Все, кто был под Тудено, показали себя неплохо. Даже виконт Лосский... Официальная причина, по которой де Нуньо не стал маршалом, – слишком молод для такой ответственной должности! Ха! Когда он с сотней кирасиров брал батарею «Черных шапок», никто и не подумал назвать его слишком молодым!

– Сеньор де Герошто – тоже неплохой выбор... – осторожно прощупал почву Фернан.

¹⁵ Тудено – небольшой городок у границы Таргеры, возле которого произошел бой между регулярной кавалерией страны и вторгшимися из Ирении наемными отрядами.

– Неплохой... – эхом откликнулся полковник. – Да пусть он будет хоть самым Спасителем, Фернан! Де Герошто верен Лосскому, а впоследствии это обстоятельство может стать опасным для трона! Я, в отличие от тебя, мой мальчик, слишком долго играл в дворцовые интриги и плату кровью! Филипп Мариу де Фонсека герцог Лосский, несмотря на всю свою кажущуюся лояльность, человек амбициозный и гордый. Кровь его рода гораздо старше королевской, и герцог имеет все права на Львиный трон. Рано или поздно Его Светлость предъявит права на то, что его род так долго ждал. Но это еще не все плохие новости на сегодня.

На взгляд Фернана, плохих новостей было вполне достаточно. Он едва заметно приподнял бровь.

– Тулина, мой мальчик.

– Нет! – Фернан уже все понял.

– Да. Тулина отдана герцогу Лосскому, точнее, теперь он вице-король Тулины. Войска уже перебрасываются на северо-восток. У короля не было выбора, мне приходится это признать. Сеньор де Фонсека – один из немногих, кто сможет удержать провинцию для Таргеры.

Да, тут де Брагаре прав. Герцог и его армия смогут удержать для страны столь лакомый кусок. Тулина – самая молодая, но самая важная для Таргеры провинция. Именно из-за нее последние четыре года Таргера и Андрада находятся в крайне напряженных и отнюдь не дипломатических отношениях. Вот-вот пограничные стычки перерастут в большую войну. Это вопрос времени. И оно уже на исходе.

Все началось чуть более восьмидесяти лет назад. В то время Тулина, провинция Андрады, представляла собой спорный, не очень-то большой кусок земли. Непроходимые леса и гряда низких гор. Андрада и Таргера некогда ладили друг с другом. Но внезапно андрадскому королю втемяшилось в голову отдать свою дочь, некрасивую и неумную особу сорока лет, за шестилетнего таргерского короля. Благодаря взятке, сунутой андрадским папашей регенту Таргеры, тот дал на брак свое согласие. В итоге страну подняла на смех вся Лория. А в качестве приданого дочки в столь нелепом бракосочетании король Андрады всучил Таргере в ту пору самую ненужную из всех своих провинций – Тулину. Через год регент Таргеры внезапно, как это и случается со многими регентами, слишком глубоко запускающими руки в казну государства, умер. Новый регент был более умным и верным. Он нашел причину, по которой смог отправить уродливую дочурку обратно к папаше в Андраду. И даже Тулину вернул, но андрадский король до того расстроился из-за возвращения своей любимой доченьки, что в сердцах бросил: «Пусть Таргера подавится этими землями».

Регент, как уже было сказано, оказался человеком умным и настаивать не стал, здраво полагая, что и горам в Таргере найдется какое-нибудь применение. И нашлось. Правда, только через семь десятков лет. В Ведьминой гряде нашли залежи изумрудов. Судя по всему, это было самое богатое месторождение в Лории, разом обогатившее казну Таргеры до умопомрачительнейших размеров.

Тут-то андрадцы и опомнились. Эти ушлые, хитрые и ловкие любители тухлого сыра и змеиного мяса потребовали немедленно вернуть их исконные земли обратно. Таргерцы заявили, что это их земля и дареное обратно не возвращают.

И началось...

В итоге долгих споров, так и не придя к полюбовному соглашению, страны начали готовиться к войне. А пока активной кампании не велось, приходилось потихоньку обмениваться тычками и уколами во время все учащающихся пограничных стычек. Так что назначение герцога Лосского вице-королем было крайне своевременным, ибо Его Светлость своего не упустит и костями ляжет, но свои земли не отдаст никому. Это было плюсом. А минусом было то, что теперь все доходы, получаемые из Тулины, будут проходить через руки сеньора Лосского. А даже с той мизерной частью денег, которая, вне всякого сомнения, оседет в казне рода де Фонсека, герцог развяжет себе руки и обретет неограниченную власть. И если у него только

возникнет желание, то он вполне сможет профинансировать все военные кампании до второго пришествия Спасителя. То бишь, если говорить простым языком, с такими деньгами у герцога может возникнуть жгучее желание посягнуть на трон.

– Но и это еще не все... Паук добился своего. Десять «гарпий» отправляются к границе вместе с солдатами. Король решил любыми способами и во что бы то ни стало защитить свои земли.

«Пока свои», – молча добавил Фернан.

Сейчас он слышал худшую из новостей за день. Да нет, куда там! Худшую из новостей за год! Если «серые» священники начнут использовать боевую магию Спасителя, предназначенную лишь для борьбы с вырожденками Искусителя, во время войны, то чем ответит Андрада? Что будет с Церковью и с миром? Неужели Жозе Наярра не понимает, какую бурю могут разбудить его люди?!

– Что думает об этом де Лерро?

– Ты видел его лицо? Он в ярости! Похоже, кардинальский посох с каждым часом удаляется от нашего красавчика все дальше и дальше. А уж про настроение Старого Грифа можешь не спрашивать. Сам видел, как зол он был во время погребальной мессы. Впрочем, все это дело высокой политики. У нас полно своих забот.

– Для меня будут поручения?

Граф не ответил. Посмотрел на вино, сгреб огромной лапищей несчастный фужер, сделал маленький глоток. Задумался. Фернан терпеливо ждал. Наконец де Брагаре соизволил продолжить разговор:

– Паршивый год. Кислит. Не находишь?

– Нет, сеньор. Отличное вино.

– Врешь небось, – вновь глоток. Опять раздумья и взгляд ленивого кота. – Средне. Сойдет для того, чтобы травить гостей.

Никто из них шутке не усмехнулся.

– Господин Жорже, спасибо. На сегодня вы можете быть свободны.

Секретарь ничем не показал своего удивления, собрал бумаги со стола, поклонился, вышел из кабинета и плотно прикрыл за собой дверь. А вот Фернан удивления не сдержал, и его брови поползли вверх. Господин Жорже был главным и единственным поверенным де Брагаре в таких вопросах, о которых не подозревал даже король. Верный секретарь на протяжении вот уже двух десятков лет. Граф бесконечно доверял ему и даже во время секретных бесед, где каждое слово являлось государственной тайной, не отсылал прочь.

– Дело касается Леоноры. – Граф пристально следил за реакцией Фернана.

Сеньор де Суоза оправдал ожидания своего начальника – он ничего не сказал, лишь откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Есть над чем подумать, правда? – зло рыкнул граф и подошел к окну. – Вот этой бы рукой раздавил гниду, если бы поймал!

В подтверждение своих слов сеньор де Брагаре медленно, с видимым удовольствием сжал кулак, как видно представляя, что мечта всей жизни наконец-то осуществилась и Леонора в его власти. Затем граф надолго замолчал и, гневно раздувая ноздри, принялся смотреть в окно.

Леонора... Произнося это слово, Фернан чувствовал, как по языку растекается горечь бессилия. Никто не знал, кто скрывается за этим именем. Это была всего лишь кличка, которая приносила головную боль всей контрразведке. Имя, из-за которого у графа де Брагаре портилось настроение, пропадал аппетит и начиналось несварение желудка. Все, что «василиски» могли узнать о Леоноре, – это то, что она состояла на службе в армии Таргеры и имела доступ в самые высшие военные круги.

Леонора – лучший и самый таинственный из информаторов, работающих на военную разведку Андрады. Сведения и военные секреты, что она передавала врагу, заставляли фельд-

маршала таргерской армии буквально исходить кипятком. Впрочем, как и короля. «Василиски» приложили массу усилий, чтобы поймать неуловимого шпиона, организовывали столь хитрые и многоходовые комбинации, что сами диву давались, но рыбка и по сей день благополучно избегала расставленных контрразведкой Таргеры сетей. Она знала, когда, где и как ее будут ловить, и попросту уходила на дно. Не помогло даже то, что круг знающих о предстоящей операции сузили до предела. Утечка все равно происходила, Леонора оставалась на свободе, и поток секретной информации к врагу не ослабевал. Именно Леонора сообщила андрадцам о тщательно скрываемой тайне открытия залежей изумрудов в Тулине. Дважды «василискам» удавалось перехватывать информацию, которую шпионка собиралась передавать андрадцам. Когда увидели, что едва не попало в руки недружественной страны, граф де Брагаре, как умный человек, слег от «тяжелой болезни» и неделю провел в своем отдаленном имении, переживая разразившуюся в Эскарине бурю.

А буря, надо сказать, вышла знатной. Чины, награды и репутации так и падали. В сведениях, уже готовых для пересылки, было все, начиная от расположения и перебросок того или иного военного полка и заканчивая цветом чепца любимой бабушки второго адъютанта адмирала флота. Надо ли говорить, что Леонора стала для «василисков» самым главным и самым неуловимым противником? Репутация контрразведки была, мягко говоря, подпорчена, и, чтобы ее восстановить, следовало поймать неуловимого вредителя. Но, увы, ничего не получалось. Даже обширная сеть информаторов и агентов, работающих в Андраде, бесильно разводила руками. Леонора оставалась для «василисков» недостижимой и очень желанной целью.

– У меня есть свое мнение о причинах смерти де Туриссано, Фернан. И боюсь, это не связано с Церковью.

– Я весь внимание, сеньор.

– Граф искал Леонору, и, кажется, он смог сделать то, что не удавалось всему моему ведомству. Это было его личное дело. После того случая, когда перехватили информацию шпионки, несколько близких друзей маршала лишились регалий. Так что граф жаждал крови.

– Он ее и нашел.

– Тоже верно. Но, скорее всего, он узнал, кто такая эта Леонора. Я видел маршала за день до смерти, Фернан. И он был крайне взволнован. Сказал, что напал на след и через несколько дней принесет мне доказательства.

– Жаль, что он их не принес. То есть вы считаете, что он умер из-за нашей головной боли, имя которой Леонора?

– Да. Если де Туриссано был так близок к разгадке, то вполне возможно, что Леонора его и убила. Мы не знаем, кто она. А граф... граф мог открыться кому-то из своих ближайших друзей, и этот ближайший друг оказался тем, кого и он и мы ищем.

– Вы хотите, чтобы я...

– Проверь. Только тихо. Без всякого шума. Если все так, как я думаю, то у нас есть неплохой шанс схватить эту девицу, или кто там она, за задницу. Покрутись, ты это умеешь. Близкий круг друзей маршала, его однополчане и помощники. Быть может, стоит поговорить со вдовой, она могла что-то знать о делах мужа.

– Уже приступаю, сеньор. – Фернан поставил бокал на стол и встал.

– Сядь. Это еще не все. Информатор со стороны Андрады стукнул, что в скором времени Леонора должна передать очередные данные. На этот раз мы должны ее взять, ибо, если андрадцы получают эти сведения, плакало все преимущество Таргеры.

– О чем идет речь? – непонимающе нахмурился Фернан.

Граф подошел к стене, снял картину, на которую недавно любовался епископ Эскарины, и отомкнул ключом сейф. Достав оттуда папку из красной кожи, передал ее Фернану:

– Вот. Совершенно секретная информация.

Фернан открыл и без всякого интереса уставился на кипу чертежей:

– Что это?

– Проект нового фрегата. В два раза мощнее тех, что сейчас есть в Лории. Больше скорость, больше пушек. Моряки говорят, что из-за оригинальной конструкции корпуса его не всякое ядро пробьет. Оружие победы. Как нам сообщили, эти чертежи уже у Леоноры.

– Но каким образом?

– Не знаю, Искуситель меня заберет! Не знаю! Она сущая ведьма! Представляешь, что случится, если это попадет в Андраду? Мы рассчитывали, что они смогут создать такие корпуса как минимум через полтора года! Теперь же... Думаю, ты понимаешь, что чертежи не должны попасть к врагу?

– Сколько у нас времени?

– Не больше трех недель. Быть может, информатор сможет сообщить о времени и месте передачи информации врагу. Но я бы на это не рассчитывал. За послом Андрады уже налажено наблюдение. Так что действуй. И вот еще что... Тебе, как капитану, придется завтра заглянуть в Роперру.

Фернан недовольно скривился, но ему ничего не оставалось, как согласно кивнуть.

Глава 4

*Si ferrum dextra tenes, daga in sinistra, manu non obliviscatur, noli
neglegi in utraque tenendum esse¹⁶.*

Ioannus Tecius. Artifex ferro pugnandi

Нежное и едва ощутимое касание. Секундная пауза и вновь ее пальцы ласково прошли по левой щеке Фернана. Прямо вдоль шрама.

– Я знаю, что ты не спишь, – прошептала она.

– Тебя всегда было сложно обмануть, – не разлепляя век, ответил Фернан. – Ты вернулась...

– А ты надеялся, что отметина меня испугает? – фыркнула она, и острый ноготок прошелся по щеке «василиска» уже не так нежно. – Со шрамом ты стал просто неотразим.

В ее голосе слышалась едва уловимая ирония. Фернан усмехнулся.

– Кстати, не трудись рассказывать, как ты его заработал. Не успела я покинуть «Лунного крокодила», как уже все знала. Правда, я думала, что рана будет более свежей.

– Порт всегда славился сплетниками. Что до свежести, так это работа «гарпии».

Ее пальцы на мгновение остановились, а затем вновь продолжили свой путь по щеке.

– Мне это не нравится. – В голосе жены проскользнула тревога.

– Мне тоже. Я ждал тебя только через неделю, – сказал Фернан, чтобы сменить тему.

– После Гипра меня ждал попутный ветер. Да и «Крокодил» ходит быстро.

– Я рад, что ты вернулась домой, Рийна, – сказал Фернан и поднял веки.

Бледные сапфиры зимы и темные изумруды лета. Глаза в глаза. Фернан смотрел прямо в зеленые, сейчас с вертикальными щелочками зрачков глаза Рийны. Минутное молчание, говорящее им куда больше всяких слов. Так же они молчали, когда увидели друг друга в первый раз восемь лет назад.

– Я тоже рада, что вернулась домой. Я скучала, – наконец ответила ламия и, расстегнув пуговицу на своей рубашке, потянулась к Фернану...

Рапира мелькнула рядом с лицом, и «василиску» стоило большого труда парировать выпад. Сеньор де Суоза контратаковал, стараясь уколоть противника в левое плечо, но провалился в вязкое плетение защиты. Отскочил, застыл в предельно узкой боковой стойке, заложив левую руку за спину и направив острие рапиры прямо в горло противника.

– Атакуйте! – пригласил тот, опуская оружие и отдавая инициативу в руки блондина.

Фернан начал осторожную атаку, пытаясь завязать клинок оппонента, но тут же ему пришлось отразить укол, нацеленный в живот, затем в плечо, в ногу, в грудь и вновь в живот. Отшаг вправо, Фернан попытался отбить клинок противника в сторону и перейти в нападение, но проделал это слишком медленно и вражеская рапира ударила сеньора де Суоза в правый бок.

– Вы убиты, сеньор!

– В четвертый раз за это утро, – хмыкнул Фернан и, морщась, потер саднящий бок.

– В пятый, сеньор. Вы забыли об уколе в предплечье.

– Вы совершенно правы, маэстро Пито. Сегодня просто не мой день.

– Вы очень невнимательны. – Учитель фехтования недовольно покачал головой.

– Думаю, на сегодня хватит. – Фернан отдуваясь, подошел к умывальнику и ополоснул вспотевшее лицо.

¹⁶ Если держишь в правой руке шпагу, не забудь взять в левую руку дагу. Никогда не пренебрегай вторым клинком.

– Как пожелаете, – поклонился учитель фехтования и прислонил тренировочную рапиру к стене. – Но если вы позволите спросить...

Он замолчал.

– Конечно же. Я внимательно вас слушаю.

– Сеньор, когда вы получили этот шрам, вы дрались так же? – В голосе пожилого иренийца проскользнула тревога. Вопреки всему Фернан рассмеялся:

– Что вы! Я дрался, как сотня львов! Сегодня просто не мой день, вот и все.

– Как скажете, сеньор... – В голосе учителя звучала неуверенность. – Вы намерены найти этого человека?

– Быть может, – уклончиво ответил Фернан.

– Мне было бы интересно с ним встретиться. Его учителем, вне всякого сомнения, был ирениец. Я хотел бы узнать имя маэстро.

«Конечно же ирениец! Только в ваших школах разрешены столь частые удары в лицо и в глаза¹⁷, – подумал Фернан и сказал:

– Если мне представится такая возможность, маэстро Пито, то вы сможете спросить у этого человека интересующее вас имя.

– Благодарю вас, – склонил седую голову учитель фехтования.

– Вина?

– Вы очень любезны.

Пока Фернан разливал вино, маэстро Пито молча стоял у корзины с тренировочными рапирами. Один из лучших учителей фехтования в Эскарине и равный Фернану по силе противник, он был уважаемым человеком в высшем свете. Пито обучал мастерству фехтования детей некоторых благородных дворян. Как говорили, результаты были ошеломляющими. Пятидесятилетний, несколько полноватый ирениец больше походил на пекаря, чем на фехтовальщика. Фернан познакомился с этим человеком около шести лет назад, и теперь раз в неделю маэстро приходил в дом сеньора де Суоза. В течение часа они упражнялись в маленьком тренировочном зале, что находился на втором этаже особняка маркиза. Пито не учил, ибо вряд ли он мог чему-нибудь научить Фернана. Они сражались. «Василиску» повезло – он сумел найти себе достойного противника, и во время кратких еженедельных встреч оба получали непередаваемое удовольствие от танца клинков.

Платил сеньор де Суоза полновесным золотом и гораздо больше, чем те, кто приглашал иренийца обучать своих отпрысков. К оплате Фернан подходил с крайне трезвым расчетом и считал, что лучше заплатить лишнее этудо, чем точно свинья оказаться проколотым из-за отсутствия хорошей практики. Впрочем, если бы «василиск» не платил учителю фехтования, тот бы и так с удовольствием приходил в невысокий серый особняк, расположенный на прибрежной улочке. Как и Фернан, маэстро был рад достойному противнику. Обычно количество их побед было равным, но сегодня Фернан был разгромлен в пух и прах и пропустил пять уколов.

Маркиз протянул вино иренийцу и стал расстегивать ремни, скрепляющие защитную кожаную кирасу.

– Вам надо внимательнее смотреть за тем, как вы наносите сдвоенный укол, сеньор. Слишком сильно раскрываетесь.

– Если в левой руке дага, то открытая брешь не является фатальной.

– И все же следует быть осторожнее, – упрямо склонил седовласую голову учитель.

¹⁷ Во многих странах Лории дуэльный кодекс запрещает уколы в лицо и глаза. Впоследствии это правило распространилось и на одиночные схватки, не относящиеся к дуэлям. Однако мастера фехтования Ирении считают, что глупо не пользоваться столь эффективными ударами, как уколы в лицо и глаза, если есть такая возможность.

– Совершенно с вами согласна, маэстро Пито, – раздался голос Рийны. – Доброе утро, господа.

Она стояла в дверях, облаченная в узкие рейтузы, обтягивающие ее стройные ноги, и в ослепительно белую рубашку с острым воротником. На руках Рийны были кожаные перчатки. Правая рука держала изящную рапиру из пешханской стали – подарок Фернана.

Учитель фехтования едва слышно пробормотал что-то себе под нос по иренийски. Фернан вполне сносно владел языком южных соседей Таргеры и без труда понял, что тот сказал. «Сеньора вернулась. Кажется, теперь я понимаю, почему сеньор был сегодня так невнимателен». Фернан усмехнулся. Маэстро, как всегда, был прав.

– Сеньора, польщен оказанной честью. – Ирениец изящно поклонился.

– И я очень рада вас видеть, – улыбнулась Рийна. – Прошу вас – Рийна. Сеньора я только для врагов и незнакомцев. Как вижу, вам сегодня удалось загонять моего мужа.

Ее слова звучали отнюдь не угрожающе. Скорее игриво. Пожалуй, маэстро Пито был из тех немногих, кому Рийна, как и все ламии, не любившие, на их взгляд, глупый человеческий официоз, прощала, когда к ней обращались «сеньора».

– Ну что вы, сен... Рийна. Куда мне, старику? Просто повезло.

– Не скромничайте, маэстро. Ваши занятия уже окончены?

– Сеньор устал, – едва улыбнувшись глазами, сказал Фернан. Он знал, что произойдет дальше.

– Но не учитель? – Смеющиеся зеленые глаза обратились на иренийца. – Вы ведь уделите даме несколько минут, маэстро?

– Я весь в вашем распоряжении, Рийна. – Пито поклонился, пряча довольную улыбку.

Если бы учитель фехтования решился признаться самому себе, то сказал бы, что приходит сюда не ради денег и даже не ради огненно-стальных вспышек поединков с сеньором де Суоза. В этот дом маэстро приходил ради этих недолгих и бесконечно прекрасных минут. Именно они грели его сердце и самолюбие. Радовали его мастерство и рапиру на протяжении следующих двух месяцев. И причина была вовсе не во внешности Рийны, ибо учитель фехтования понимал, что здесь у него не было никаких шансов. Раз полюбившую ламию уже не заставишь смотреть в другую сторону. Причина была в бое. Кратком. Остром. Опасном. Щекочущем нервы. В бое с равным, а порой и превосходящим его противником. Ибо ничто не разжигает мастерство так, как поединок с ламией.

Учитель фехтования поставил так и не выпитый бокал вина на подоконник и обнажил свою рапиру.

– Надеюсь, вы не будете очень уж сильно спешить?

– Конечно. Скажем, по пять этудо, чтобы у нас появился интерес? – Ее губы растянулись в озорную улыбку.

– Лучше по десять, сен... Рийна. Сегодня я хочу показать вам один очень интересный укол.

– О! Опр-р-ределенно вы оказываете мне честь, маэстро!

– Не сочтите за труд подождать минуту. Я надену перчатки.

– Извольте.

Она повернулась к мужу и подмигнула. Тому не оставалось ничего другого, как усмехнуться. Он подошел к стулу, повернул его так, чтобы видеть предстоящую схватку, сел и положил руки на спинку. Рийна стояла к нему вполоборота, внимательно следя за тем, как ирениец с кажущейся медлительностью надевал перчатки и закатывал рукава. В который раз Фернан залюбовался своей женой. Как и все женщины ламий, окружающим она казалась обманчиво хрупкой и совершенно безобидной. Не было в ней ни силы, ни мощи, которую любят приписывать некоторые люди этой расе. Зато она была гибкой, изящной и быстрой. Смертоносно быстрой. Смуглая, на полголовы выше Фернана, с черными, короткими волосами и длинной

челкой, падающей на глаза. Она привлекала к себе внимание. Ибо ламиям было позволено то, что не было позволено обычным женщинам. Например, ношение мужской одежды. Или слишком короткая прическа. Или владение рапирой. Пока достойные леди занимались вышиванием, не менее достойные ламии брали от жизни все. Например, становились капитанами двадцатипушечных фрегатов. В северных горах права у женщин и мужчин одинаковые. Не то что у людей. Женщины ламий наравне с мужчинами участвовали в клановых войнах горного племени. Правда, в отличие от своих мужей и отцов, они были куда осторожнее и старались сдерживать свою природную вспыльчивость, бесшабашность и резкость. Но если уж ураган проснулся, то берегись!

Она почувствовала, что маркиз наблюдает за ней. Обернулась. Вопросительно подняла тонкую, изящную бровь. Пересечение взглядов. Фернан едва заметно покачал головой, и Рийна вновь перенесла все свое внимание на учителя фехтования, но «василиск» до сих пор «видел» ее глаза. Именно два чарующих, загадочных изумруда с вечными озорно пляшущими искорками веселья заставили Фернана заметить Рийну. Восемь лет назад они пересеклись взглядами, и сеньор де Суоза утонул в изумрудном океане. Тогда-то он и понял, что сделает все, но эта женщина во чтобы то ни стало станет его.

Они не отрываясь смотрели друг другу в глаза. Долго. Ламия не выдержала первой.

«Почему вы так смотрите, сеньор?» – Ее голос был холоден.

«У вас неплохая рапира, сеньора». – Тогда Фернан не знал, что она не любит, когда к ней так обращаются.

«Рийна. Для вас капитан Рийна, сеньор. Что до моей рапиры, то она не продается», – уже не столь вежливо произнесла ламия и отвернулась.

«Моя шпага лучше».

«Вы все еще здесь? – Зеленые глаза изучили наглеца с ног до головы. – Хм... Вы так уверены в своей шпаге?»

«Испытайте ее, сеньора», – усмехнулся Фернан, специально зля ее.

Яростная вспышка глаз, впрочем тут же погасшая. Ламия легко спрыгнула с высоченного корабельного борта на пирс.

«Испытание, господин наглец? Что ж, извольте. На боевом оружии. Здесь и сейчас».

«Вы оказываете мне честь».

«Не бойтесь, что моя рапира попортит вам бороду или отрежет ухо вместе с этой глупой серьгой?»

«Сделайте это, капитан Рийна. Ради вас я буду безмерно счастлив расстаться с любимым ухом».

«Что будет мне наградой в случае победы?» Впервые на губах ламии появилось бледное подобие улыбки.

«Думаю, рапира из пешханской стали от хорошего оружейника более приличествует капитану такого замечательного корабля».

«По карману ли вам такое оружие, сеньор?» Теперь в ее голосе слышалась насмешка.

«Как видите». – Фернан извлек из ножен свою шпагу. – Выиграйте, и я выплачу пари».

«У вас волнистый клинок? Что же... это может быть интересным, сеньор. Только шпага против рапиры. Никаких даг и кинжалов».

«Как пожелаете, капитан Рийна».

«Отлично! Приступим?»

«Не так быстро. Что получу я, если выиграю?»

«Вы слишком самоуверенны! Сначала выиграйте!»

«И все же?» – продолжал настаивать Фернан.

«Хорошо! – в раздражении бросила она. – Что вы хотите?»

«Сегодня вечером у сеньора де Троо прием. Если я выиграю, вы будете меня сопровождать».

«Вы так любите светские приемы?» Ее глаза разом поскуцнели.

«Ненавижу», – совершенно искренне сказал Фернан.

Она посмотрела на него с проснувшимся интересом. Оценивающе и куда более внимательно, чем в первый раз.

«У вас есть имя, сеньор? На тот случай, если я передумаю забирать ваше ухо и решу взять сердце?»

«Фернан Руис де Суоза маркиз де Нарриа к вашим услугам, капитан Рийна», – поклонился он.

«Рийна шан Марьердес ун Таш'цда из клана Дочедез к вашим услугам, сеньор де Суоза». – Она откинула упавшую на глаза челку.

«Приступим? Люди ждут».

Вокруг них собралась толпа портовых зевак и моряков с «Лунного крокодила», невесть каким образом успевших пронюхать о поединке дворянина и ламии. Люди уже образовали круг диаметром около пятнадцати ярдов, впрочем не решаясь подходить к беседующим противникам ближе.

«Сколько вам лет, сеньор?»

«Двадцать два». – Он посмотрел на нее с вызовом.

«Совсем еще мальчишка, – пробормотала ламия. – А мне шестьдесят пять. По сравнению с вами я уже старуха. Быть может, вы отступитесь? Признаюсь честно, мне расхотелось забирать ваше сердце».

«Я не отступлюсь, – бросил он. – И вы не старуха. Шестьдесят пять лет... у ламии это... По меркам вашего народа, вы моложе меня, капитан Рийна. Что до сердца, то считайте, что вы его уже забрали. В позицию!»

Зеленые глаза ошеломленно сверкнули, и ее рапира взлетела в приветственном салюте.

Восемь лет назад в пасмурный зимний день сеньор де Суоза показал один из лучших своих боев. Она была быстра и стремительна. Он расчетлив и внимателен. Они оба выиграли и оба проиграли. Шпага и рапира нанесли уколы одновременно. На подбородке Фернана и на левом запястье ламии проступили едва видимые капельки крови. Ни он, ни она ни разу не спросили друг друга, кто из них поддался в той схватке. Капитан «Лунного крокодила» в тот же день получила в подарок новую рапиру и изумительной красоты черное платье, в котором она и отправилась вместе с Фернаном на прием к сеньору де Троо. Впрочем, ни он, ни она там не задержались.

По негласному уговору оба противника использовали боевое оружие, хотя маэстро Пито, как учитель фехтования, не очень-то одобрял столь явную небрежность. Ошибки могли случаться с каждым, в том числе и с опытным фехтовальщиком. Но в данном случае Пито шел на уступки и полностью доверял опыту ламии.

Бой, как это бывало и раньше, завершился чуть менее чем за минуту. Тренировочный зал взорвался от звона клинков. Рапира и шпага превратились в размытые вихри. Рийна атаковала яростно и быстро. Она все время перемещалась и искала брешь в обороне противника. Учитель фехтования избрал жесткий стиль защиты, практически не двигался с места и лишь отражал сыпавшиеся на него уколы. Единожды ирениец перешел в атаку, но едва не попался на встречный финт и лишь уклонение спасло его от укола в бок. Так что учителю фехтования вновь пришлось уйти в глухую оборону.

Бой закончился неожиданно. Маэстро Пито внезапно закрутил рапиру противницы, да так, что она против всякой воли Рийны подлетела вверх. Ламия гибко выгнулась, избежала укола, стала разворачиваться, но ирениец забросил правую руку со шпагой себе за спину

и нанес совершенно неожиданный укол «через спину». Шпага проскользнула между левым боком и левой рукой Пито и ее острие застыло, едва касаясь рубашки Рийны.

– А вот и укол, капитан. – Учитель фехтования дышал тяжело, но, кажется, был невыразимо счастлив.

– Браво! – Рийна тоже раскраснелась и запыхалась. – Это было неожиданно.

Она осторожно отошла на два шага, подальше от острия клинка.

– Ваша похвала для меня очень ценна, Рийна. – Ирениец опустил шпагу и поклонился.

– Маэстро Пито, не возражаете, если выигранные вами этудо я приплюсую к вашему месячному жалованью?

– Конечно, сеньор де Суоза. – Ирениец пристегнул клинок, подхватил камзол и взял в руки шляпу. – Сеньор... Рийна... Счастлив вам служить. Всего доброго.

– До свидания, маэстро Пито.

– Удачного дня, маэстро.

Они подождали, пока учитель фехтования покинет зал.

– Ты специально проиграла ему?

– Не говори глупостей! – Рийна тряхнула челкой и подошла к умывальнику. – Какой интерес поддаваться? Он действительно был быстр.

– Но не настолько, чтобы ты не успела уклониться.

– Зазевалась. Не тебе же одному сегодня проигрывать. Какие у тебя планы на сегодня?

– Вначале завтрак. Затем меня ждет неприятная прогулка в Роперру.

– Издержки службы, сеньор. Не возражаешь, если я составлю тебе компанию?

– Ну если тебе нравятся подобные места, то изволь, – хмыкнул Фернан. – Твоему кораблю требуется пополнение?

– Я потеряла четверых, когда пешханцы дали по нас залп с правого борта. Вдруг найду подходящие кандидатуры на замену...

– Что же, тебе обычно везет. Вот только лошади в конюшне не лучшие. Та замечательная ночка стоила мне двух нельпских лошадок.

– Ну, моя-то лошадь цела. Я пойду переоденусь к завтраку.

– Лючита уже все приготовила?

– Да. Не задерживайся, а то она снова будет ворчать.

После двух дней непрекращающегося ливня распогодилось. Солнце припекало, со стороны моря дул едва ощутимый ветерок. Чайки, парящие вдоль линии дремлющего прибоя, пронзительно кричали и устраивали драки друг с другом по самому незначительному поводу. На самом горизонте виднелось белое пятнышко паруса. Корабль стремился в порт.

Фернан и Рийна отпустили поводья, лошади медленно шли вдоль берега моря.

– Фер, мальчик, который привел нас лошадей. Откуда ты его взял? – спросила ламия, после того как закончила рассказ о последнем плавании «Лунного крокодила».

– За него попросил сеньор де Брагаре. В последнее время старик стал сентиментален.

– Не ругай любезного графа. К тому же если бы ты не хотел, то не согласился бы взять мальчишку в услужение.

– Ну не мог же я отказать полковнику. Мальчик – единственный выживший из деревни, что была в Тулине. Андрадцы совершили рейд и вырезали всех жителей. Мальчишке чудом удалось выжить. Конечно, это плохая замена Вето, но я отдал паренька Педро в помощники на конюшню. Быть может, из этого Ули выйдет какой-нибудь толк.

– Андрадцы? – Рийна уже думала о своем. – По меньшей мере странный для них поступок.

– Он был странным до твоего отплытия. Пока тебя не было, пожиратели змей четырежды пересекали границу и столько же раз нападали на наши поселения. Думаю, тебе не стоит объяснять, что никто в тех лесных деревушках не выжил.

– Значит, мальчику повезло вдвойне. Но все равно мне не очень верится в то, что ты рассказал. Андрадцы всегда были слишком осторожны и слишком элегантны, чтобы братья за кувалду, когда требуется шпага. Они интриганы, а не убийцы. Вторгаться на наши земли, убивать мирных жителей, к тому же так жестоко... Это на них совершенно не похоже. Неужели андрадцы не понимают, что приближают войну?

– Боюсь, что понимают. И стремятся к этому. Они хотят выгнать всех таргерцев с земель Тулины. Благодаря этим наглым рейдам сеньор Лосский стал вице-королем Тулины, а «гарпиям» развязали руки.

– Есть неопровержимые доказательства нападения наших утонченных соседей?

– Свидетельства мальчика – раз, несколько вырезанных деревьев – два. В телах множество арбалетных болтов, у которых расцветка оперения андрадских кавалерийских полков, – три, к тому же найден андрадский шлем.

– Вот как? – В голосе ламии все еще слышалась изрядная доля скептицизма.

– Эти живодеры торопились... Факты говорят сами за себя. Слишком много следов со стороны Андрады. Залежи изумрудов и их блеск затмили разум королей. Нет ничего удивительного в этих нападениях.

– Что говорит их посол?

– То же, что и всегда. Жерар де Альтеньи не понимает, о чем идет речь, и его славная страна не замешана в столь задевающих ее светлую честь нападениях. И Таргера должна найти совесть и вернуть Андраде ее исконные и подлым обманом захваченные земли. Что еще может сказать этот лис? Если так пойдет дальше, то через месяц, быть может два, мы возьмемся за мушкеты. Развернута кипучая деятельность, полки перебрасываются к северо-восточной границе. Кстати, кланы ламий тоже собирают силы. Им не терпится повоевать.

– Мужчины, – сухо бросила она. – Мои ребята тоже будут рады достать красные платки¹⁸.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала. – Он говорил ровным, безжизненным голосом, смотря не на нее, а на чайку, парящую над волнами.

Она едва слышно вздохнула:

– Знаю, что не хочешь.

– Но уезжаешь...

Он понимал, что это надо, но слишком боялся потерять ее. Все смертны, а мушкетная пуля может догнать даже быструю ламию. За годы жизни вместе Фернан уже смирился с тем, что Рийне приходится уходить в плавание. Он не пытался остановить ламию, признавая ее право делать то, что она считает нужным. Не пытался изменить сложившийся порядок вещей, но тревога за ее жизнь была всегда.

– Ты ведь сам понимаешь... если начнется война, все военные корабли будут на вес золота. Мое место на «Крокодиле».

– Это опасно.

– Жить вообще опасно, Фер. – Она вздохнула, затем тряхнула головой, словно отгоняя мрачные мысли. – Граф де Туриссано тому примером. Давай не о плохом. Лучше расскажи о том, что тут происходило в мое отсутствие.

Фернан начал рассказ с того момента, как убили маршала де Туриссано, и не упускал ни единой подробности. История вышла долгой и закончилась разговором в кабинете сеньора де Брагаре. В том числе Фернан рассказал и о Леоноре, ибо привык посвящать жену во все тайны своей службы. Не единожды Рийна помогала Фернану в его делах.

¹⁸ Красный платок – символ корсаров, находящихся на службе у короля. Платок носили на шее или повязывали на голову.

– Мерзкое дело, – поморщилась ламия. – Я бы на твоём месте забыла об этом убийстве и занялась Леонорой.

– И почему мне все об этом говорят? – вздохнул Фернан.

– Потому что это правда. А вон и Роперра! Кто быстрее?!

Фернан гикнул и, принимая игру, послал лошадь вдогонку. На время забыты и убийство маршала, и предстоящая война, и неуловимая Леонора. Были только Фернан, Рийна и ветер с запахом морской соли.

Роперра – огромный угрюмый замок, казалось вырастающий прямо из камней прибрежного утеса, располагался не далее чем в получасе езды от столицы. Последние триста лет это грандиозное сооружение с квадратными куполообразными башнями по краям являлось не чем иным, как тюрьмой. Именно туда Фернан и направлялся. Обычно ему удавалось избежать путешествия в это малопривлекательное место, но иногда, когда графу де Брагаре надоедало выносить окончательное решение по делам военных преступников и подписывать смертные приговоры, Фернану или другим капитанам «василисков» приходилось исполнять неприятную работу. Дело в том, что в Роперре находились камеры для военных преступников. Утверждение окончательных приговоров по солдатам, нарушившим закон, оставляли на «василисков». Полковник контрразведки уже не единожды возмущался тем, что «василиски» занимаются не своим делом и для юридической игры в «казнить-помиловать» есть люди менее занятые, например, та же жандармерия. Но все просьбы графа де Брагаре оставались без внимания. И «василискам» приходилось соблюдать столь неприятную многолетнюю традицию.

У Рийны кроме совместной прогулки с Фернаном в посещении тюрьмы был свой интерес. Уже трижды благодаря помощи мужа капитану «Лунного крокодила» удавалось найти для своего корабля новых членов команды. Конечно же из бывших морских разбойников. За помилование и избавление от «пеньковой тетки» некоторые пираты служили верой и правдой. Во всяком случае, теперь у «Крокодила» был лучший на флоте рулевой и канонир.

Находящиеся на стене стражи издали увидели двух всадников и успели подготовиться к встрече. Ворота были открыты, и Фернана с Рийной ожидал теплый прием. Впереди и чуть сбоку стоял лейтенант, сразу за ним, выстроившись в ряд, – десяток алебардистов. Если что случится, то парни с алебардами встанут на колени и располагающиеся за ними солдаты, вооруженные мушкетами, смогут беспрепятственно выстрелить. К слову сказать, фитили у мушкетов тлели.

С тех пор как пятерым дворянам из семьи де Льерес удалось воспользоваться беспечностью охраны, проникнуть в тюрьму и вытащить из камеры одного из своих родственников, уже смирившегося с тем, что ему придется распрощаться с головой, стража бдела. Ибо после того скандального случая начальника тюрьмы обезглавили, а всех стражников разогнали. Новый комендант не хотел лишиться головы и теплого местечка и подходил к охране заключенных со всей серьезностью.

Фернан и Рийна натянули уздечки, и животные пошли шагом. Лейтенант стражи прищурился, узнал маркиза. Алебардисты расслабились, стражники с мушкетами затушили фитили и сняли оружие с подпорок.

– Сеньор де Суоза... Сеньора...

– Рад видеть вас в добром здравии, лейтенант.

– Комендант уже меня предупредил, следуйте за мной, капитан.

Они прошли через мощные ворота, затем через небольшой тюремный двор и оказались в небольшом служебном помещении. Там их уже ждал маленький человечек в сером помятом мундире. Судебный исполнитель.

– Добрый день, сеньор де Суоза. В этом месяце всего пять человек, – сразу приступил к делу судебный исполнитель. – Желаете изучить бумаги или пройдёте по камерам?

– Как обычно, господин Хосе.

– Вы, как всегда, не изменяете своим правилам, сеньор. – Судебный исполнитель позволил себе легкую улыбку. – Я провожу вас.

– Среди заключенных есть моряки или пираты?

– Сожалею, сеньора. На этот раз нет, – сказал господин Хосе, изучив бумаги.

Ламия огорченно поджала губы.

– Подождешь меня здесь? – едва слышно произнес Фернан.

– Чего уж теперь? Раз приехала, то до конца. Ты же знаешь, что решетками и вонью меня не испугаешь.

Фернан усмехнулся и предложил жене руку.

Прежде чем попасть в сектор тюрьмы, где держали военных преступников, им пришлось пройти через восемь постов стражи, подняться по крутой лестнице на третий ярус и миновать шесть дверей. Кроме судебного исполнителя Фернана и Рийну сопровождали тюремщик и четверо стражников.

– Экономите на освещении? – хмыкнул де Суоза, когда они подошли к абсолютно темному коридору.

– Должно быть, забыли поменять факелы, – попытался оправдаться тюремщик и отправился назад.

– А кормить они их не забывают? – пробормотала Рийна. В полумраке ее глаза едва заметно горели зеленым, а зрачки стали вертикальными, вбирая в себя крохи скудного освещения.

– Дворяне среди заключенных есть? – между тем спросил Фернан у господина Хосе.

– Нет, сеньор. Спаситель миловал.

Вернулся тюремщик с факелами. Два отдал стражникам, один оставил себе. Поджег.

– Мы можем идти, господа.

В коридоре было сухо. Запах сена настойчиво лез в нос. Рийна чихнула. Справа от Фернана находились камеры, отгороженные от основного коридора стальными решетками. Насколько мог заметить сеньор де Суоза, они были пусты. В этом месяце преступников оказалось мало. По пути тюремщик то и дело задерживался и поджигал потухшие фонари.

Наконец они остановились и надсмотрщик, покопавшись в здоровущей связке ключей, раздобыл нужный и отпер решетку. Первыми в камеру вошли двое стражников, за ними последовал господин Хосе, потом Фернан и Рийна. Тюремщик и двое других стражей остались в коридоре.

Запах сена в камере был гораздо сильнее. Сеньор де Суоза подумал, что, в отличие от других тюрем, здесь худо-бедно заботятся о чистоте. И то хорошо. В камере находилось двое. От яркого света факелов они щурились и прикрывали глаза руками.

– Капрал Пятого пехотного полка Филипп Нербо. Полк расквартирован под Ольедой, – стал перечислять сухие факты господин Хосе, то и дело сверяясь при свете факела со своими записями.

– Кто из вас Филипп Нербо? – сухо бросил Фернан.

– Я, сеньор, – нервно ответил один из заключенных и облизал разом пересохшие губы.

– Преступление совершено... так, так. Вот. Обвиняется в изнасиловании. Обвинение полностью доказано городским магистратским судом города Ольеды. Приговор вынесен... Подпись и печать главного судьи Ольеды прилагается... Приговор – смерть через повешение. Приговор передан на окончательное утверждение в юрисдикцию жандармерии и вашему ведомству, сеньор.

– Подробности? – Голос сеньора де Суоза был все так же сух и официален.

– Изнасилование и убийство, – через несколько секунд копаясь в бумагах ответил господин Хосе. – Двенадцатилетняя девочка. Насколько известно, это не первый случай.

– Повесить, – бросил Фернан.

– Пощадите, сеньор! Демоны попутали! Пощадите! – заорал приговоренный и бросился к Фернану. – Сеньор!

Один из стражников ударил преступника пяткой алебарды в живот, перехватил алебарду и что есть силы добавил древком по шее. Приговоренный без звука рухнул на сено.

– Пускай полежит пока, сволочь, – пробурчал стражник. Рийна на лежавшего без сознания преступника смотрела бесстрастно.

– Э тот? – Фернан кивнул на вжавшегося в угол и полумертвого от страха второго заключенного.

– Рядовой роты мушкетеров капитана Антонио де Вадере. Рота расквартирована в Эскарине. Зовут... только кличка – Лохматый. Обвиняется в изнасиловании. Обвинение полностью доказано магистратским судом города Эскарины. Приговор вынесен... Подпись и печать третьего помощника второго городского судьи Эскарины прилагается... Приговор – смерть через повешение. Приговор передан на окончательное утверждение в юрисдикцию жандармерии и так далее... Изнасиловал дочь капитана де Вадере.

– Вот как? – Фернан ехидно улыбнулся, и от его улыбки Лохматого начало колотить. После того как утвердили приговор его сокамернику, солдат уже догадывался, что его ждет. – Изнасиловал не кого-нибудь, а именно дочь прославленного сеньора де Вадере?

– Точно так, сеньор. Его... – господин Хосе несколько смутившись, покосился на Рийну, – его сняли прямо с бедняжки. Есть пять свидетелей.

Рийна, как и Фернан знавшая, в чем тут дело, едва не прыснула. Сеньор де Суоза молчал, буравя узника взглядом. Тот усиленно исходил холодным потом и вот-вот собирался упасть в обморок.

– Сеньор? Вы утверждаете приговор?

– Минутку, господин Хосе. Эй, ты! Да-да, любезнейший, я тебе говорю. Как хорошо ты стреляешь?

– Стреляю? – не ожидавший такого вопроса заключенный вытаращился на Фернана.

– В документах написано, что ты мушкетер. Так ты умеешь стрелять?

– Умею.

– Повторяю свой вопрос. Как хорошо ты стреляешь, солдат?

– Попаду в этудо с двадцати шагов, сеньор.

– Неплохо. Совсем неплохо! – крикнул Фернан. – Господин Хосе, думаю, не стоит отправлять столь хорошего стрелка на встречу с веревкой. Один удар кнутом, чтобы знал, как лезть в постель к благородным дамам. Потом помиловать и освободить. И вот еще что... восстановите его на службе, только не в роту капитана де Вадере, а... оформите перевод в егерский полк полковника де Гедо. Он постоянно жалуется, что ему не хватает хороших стрелков.

– Хорошо, сеньор, я распоряжусь и прослежу, – без всякого удивления пробормотал судебный исполнитель, что-то записывая себе в бумагах.

Тут, похоже, до солдата дошло, что он чудом избежал смерти и у него сегодня новый день рождения.

– Сеньор! Спасибо! Благодетель! Спаситель! Отслужу, сеньор! Отслужу, клянусь Спасителем! – Размазывая по небритой роже слезы, помилованный на коленях пополз к Фернану, но тот уже выходил из камеры.

– Отслужу, благодетель! Отслужу! – орал счастливчик. Помилование в общем-то объяснялось отнюдь не тем, что парень умел хорошо стрелять. Просто Фернан знал некие подробности про дочурку капитана де Вадере. Та еще особа. К тому же крайне слаба на одно местечко, и «василиск» был склонен предположить, что, скорее всего, эта во всех отношениях несправедливая дама изнасиловала солдата, а не наоборот. Вояки давно уже шутили о доступности капитанской дочки. Видать, когда папаша обнаружил очередного ухажера, дочка взяла да обвинила

любовника в изнасиловании, дабы честь де Вадере не пострадала (хотя о чести, на взгляд Фернана, думать надо было несколько раньше). Конечно, Лохматый сам виноват, но его глупость и любовь к плотским утехам была наказана порцией страха и месячным заключением в тюрьме. Впредь десять раз подумает. К тому же девиз маркизов де Нарриа гласил: «Мы всегда платим долги», а к сеньору де Вадере у Фернана был давний маленький счет. Капитан как-то раз испортил «василиску» настроение, и теперь тот не преминул отплатить сеньору тем же.

Вопли счастливого мушкетера все еще были слышны, и Фернан поморщился:

– Господин Хосе, пусть один из стражников выпустит этого... Иначе помилованный рискует охрипнуть.

Тюремщик остановился у очередной решетки, но открывать ее не спешил.

– В чем дело? – нахмурился Фернан. Рийна посмотрела через решетку и удивленно хмыкнула. В отличие от мужа, ламия великолепно видела в темноте. Из камеры раздалось звяканье цепи.

– Прикован?

– Он опасен, сеньор, – неохотно ответил тюремщик. – Одному из стражников сломал руку и шесть ребер.

– Открывайте.

– Сеньор?.. – Тюремщик все еще сомневался.

– Он прикован. Или вы уже и закованного в цепи боитесь?!

– Этот язычник опасен, – недовольно засопел тюремщик, но спорить с «василиском» не стал и полез за ключами.

– Разумно ли это, сеньор? – осторожно осведомился переминавшийся с ноги на ногу господин Хосе. – Начальник тюрьмы запретил входить в эту камеру без усиленной охраны.

– Вы же сказали, что он прикован.

– Д-да, сеньор.

– Тогда ваши страхи более чем необоснованны, любезнейший! Впрочем, можете подождать здесь.

Замок щелкнул, тюремщик открыл решетку и поспешно отошел в сторону. Фернан, презрительно хмурясь, взял у него факел и вошел в камеру. Рийна дышала мужу в затылок и держала руку на рапире. Господин Хосе и самый храбрый из стражников замыкали шествие.

В первую секунду, когда свет от факела высветил из тьмы заключенного, на сеньора де Суоза навалился совершенно детский страх. На короткое мгновение Фернану показалось, что у стены сидит один из демонов Искусителя. Угрожающе огромный, черный, неподвижный силуэт. Затем страх прошел, и капитан «василисков» смог спокойно разглядеть скованного цепями человека. Узник действительно был огромен и, судя по ширине плеч, очень силен. Его кожа была черна как смоль, а глаза с неестественно белыми белками внимательно изучали вошедших. Фернан удивленно дернул бровью. Пришельца с Черного континента он ожидал увидеть меньше всего.

– Господин Хосе, – как сеньор де Суоза ни старался, в его сухом тоне то и дело проскальзывали ошеломленные нотки, – кто этот человек?

– Дело сложное. Этот язычник... он так и не назвал своего имени... был захвачен в провинции Ллога¹⁹. Насколько стало известно, преступник из Страны Дождливой Берега.

Фернан тихо присвистнул. Далеко же его занесло от родных земель! Дожливый Берег для «василиска» был не более чем легендой. Эта страна находилась в самом сердце Черного континента, за знойной пустыней Са, за горной цепью, чьи вершины подпирали собой небо,

¹⁹ Провинция Ллога – единственная провинция Таргеры, находящаяся на другом материке (Черном континенте) Управляет землями вице-король.

в непроходимых, полных опасностей джунглях. О живущих там людях ходили настоящие сказки. Чужаков в Страну Дождливой Берега не пускали.

– Преступник и еще трое таких же, как он, воинов сопровождали женщину. По нашим предположениям – колдунью. Ведьма начала колдовать, а воины бросились на стражников и священников. Двенадцать солдат и двое клириков погибли. Ведьму и троих других язычников расстреляли из арбалетов и мушкетов. Этого общими усилиями взяли в плен. Так как он замешан в убийстве военных, в том числе и офицера, попал под нашу юрисдикцию. Его привезли в Таргеру шесть дней назад. Церковь, а точнее, Орден крови Бриана требует его выдачи, обосновывая это тем, что он еретик, был в сговоре с ведьмой, поклоняющейся Искусителю. К тому же он отрицает Спасителя и, по-видимому, являлся тем, кто убил двух церковников. Просьба о выдаче подписана епископом Эскарины Мигелем Алессандро де Лерро и скреплена печатью Света.

– Как тебя зовут? – обратился Фернан к узнику. Тот остановил на «василиске» взгляд, но никак не показал, что понял, о чем его спрашивают.

– Он понимает по таргерски?

– Еще как, сеньор! – отозвался один из стражников, стоявших возле двери.

– Ты знаешь, что Орден крови Бриана хочет забрать тебя? Я говорю о людях в бордовых одеждах. Догадываешься, что они с тобой сделают?

– Огонь, – глухо сказал чернокожий.

– Не сразу. Вначале они будут говорить с тобой. Долго. Так долго, что огонь покажется тебе милостью. И пригласят «серых». Вижу, ты о них уже наслышан. Не хочешь рассказать мне, почему ведьма напала на людей?

Молчание.

– Как знаешь. Господин Хосе, подготовьте все надлежащие бумаги для клириков.

– Да, сеньор.

Не оглядываясь, он вышел из камеры. Рийна осторожно дотронулась до его локтя:

– Этот человек меня заинтересовал.

– Не понимаю.

– Ты так просто отдал его церковникам.

– Но он виновен в убийстве.

– Знаю, – вздохнула ламия. – Просто... ты же знаешь, я умею чувствовать... Это необычный человек.

– Даже необычные люди совершенно обычно сгорают на кострах.

– Как знаешь. Это просто мысли вслух.

Они побывали еще в одной камере. Один из заключенных обвинялся в том, что продавал провиант полка спекулянтам. За столь злостные махинации парня ждали медные рудники. Второй узник в пьяном угаре ударил офицера. Палашом. Насмерть. Этот скоро должен был отправиться в петлю. За все время слушания обвинений из головы Фернана не выходил чернокожий воин. Когда с делами было покончено и все направились к выходу, Фернан принял решение. Несмотря на недоуменные взгляды окружающих, он вернулся назад и попросил еще раз отпереть камеру, где находился преступник. Сеньор де Суоза покосился на жену. Та сузила глаза и кивнула, понимая, что сейчас понадобится ее помощь. Ламия обладала редким даже среди своего народа талантом отличать правду от лжи и чувствовать искренность собеседника. Именно благодаря этому качеству она и отбирала среди заключенных нужных ей для пополнения команды людей, заранее предугадывая, как поведет себя тот или иной человек после обретения свободы – сбежит или будет верно служить. Еще ни разу Рийна не ошиблась в своем выборе.

– Что вы хотите, сеньор? Вы ведь уже утвердили приговор.

– Минуту терпения, господин Хосе. – Фернан подошел к заключенному почти вплотную, и кто-то из стражников испуганно заворчал, справедливо опасаясь за здоровье невысокого «василиска». Но чернокожий пленник не шевелился и держал руки на виду. В его карих глазах нельзя было прочесть ни тени эмоции. – Ты хочешь жить?

Тот ответил, когда молчание стало невыносимым:

– Все хотят. Мне рано уходить к лоя²⁰. – Он говорил почти без акцента, но слишком уж растягивал слова. В глазах застыло ожидание.

– Что ты сделаешь, если я подарю тебе жизнь и свободу?

Спящее ожидание сменилось надеждой.

– Я буду служить вам. Жизни не пожалею, – выпалил пленник на одном дыхании.

Фернан обернулся к Рийне, но та неотрывно смотрела на чернокожего, и тот дал верный ответ:

– Клянусь лоя-не²¹!

Ламия удовлетворенно кивнула:

– Он говорит правду.

– И ты не причинишь никому вреда?

– Не причиню. Клянусь!

– Господин Хосе, потрудитесь освободить этого человека. – Послав все в бездну Искуссителя, Фернан решил рискнуть.

– Сеньор! – вскричал тот. – Этот человек опасен! И осужден!

– Что с того? Я отменяю приговор. Все бумаги по нему перешлете полковнику де Брагаре. Пока узник переходит под мою ответственность.

– Но что... – У судебного исполнителя просто не было слов. – Но что вы с ним будете делать? Ведь без цепей...

– Недавно я потерял слугу. Этот человек решил поступить ко мне на службу. Согласитесь, что я не могу держать лакея, у которого на руках цепи. Снимайте!

– Но на это потребуется время! Надо вызвать кузнеца и оповестить начальника тюрьмы!

– Чудесно! Мы никуда не торопимся и подождем, когда вы приведете заключенного на тюремный двор, – тоном, не допускающим возражений, бросил сеньор де Суоза. – Приступайте!

– А Церковь? Что мне сказать епископу де Лерро? Казалось, что еще чуть-чуть – и господин Хосе заплачет.

– Что сказать? Скажите правду. Скажите, что я забрал этого человека.

Он подал руку Рийне, и они в одиночестве направились по тюремному коридору к выходу. Ошеломленные стражники, тюремщик и судебный исполнитель остались в камере, судорожно решая, как быть – рискнуть и освободить так напугавшего их чернокожего или же послушаться приказа «василиска».

– Мне думается, что я совершил глупость, – недовольно пробормотал Фернан. Риск все же велик. – Надо же было тебе упомянуть о нем...

– Все будет хорошо, дорогой, – промурлыкала ламия. – Он говорил правду.

– Сейчас правда, завтра ложь.

– Насколько я могла понять, он поклялся духами предков... Эта клятва у народа, живущего у Дождливой Берега, нерушима. Теперь только ты можешь освободить его от клятвы.

– Ты знакома с их традициями?

– Понаслышке. Кок с «Крокодила» знает множество историй. В том числе и об этом народе.

²⁰ Лоя – духи.

²¹ Лоя-не – духи предков.

- Остается лишь довериться коку и твоим чувствам.
- Если то, что сказал нам судебный исполнитель, правда, то этот человек очень хороший воин. Думаю, он сможет заменить тебе Вето, дорогой.
- Покрошить на мелкие кусочки солдат из провинциального гарнизона – на это много ума не надо.
- Я не о том, – поморщилась ламия. – Просто ты не знаешь легенд Черного континента. А между тем люди, живущие там, рассказывают, что иногда из Страны Дождливой Берега выходят гамбо...
- Кто такие гамбо? – перебил ее Фернан.
- Страшные колдуны, Фер. Что-то вроде демонов в человеческом обличье. Ну так вот... как говорят, выходящих из джунглей колдуний храма Дождей всегда сопровождает четверка непобедимых воинов Дождя...
- На каждого непобедимого воина всегда найдется арбалетный болт или пуля из мушкета.
- Дыма без огня не бывает, дорогой. Так что, кажется, ты только что заполучил себе в слуги одного из воинов храма Дождей.
- Знать бы еще, что это такое, – вздохнул Фернан.
- Ты, как я вижу, уже жалеешь о своем поступке.
- Есть немного, – неохотно согласился Фернан. – Но соблазн перейти дорогу любезному епископу был выше моих сил. Мне придется приложить кучу усилий и заполнить целую гору бумаг, чтобы защитить моего новоявленного слугу.
- Как говорил Спаситель – делай добро, и оно к тебе вернется. Ваши детские игры меня смешат. Ты и епископ, словно мальчишки, досаждают друг другу по мелочам.
- Но он первый начал! – неожиданно пискляво произнес Фернан, и они оба расхохотались.

Разговор с начальником тюрьмы вышел сложным. Лишь присутствие женщины и должность Фернана заставляли коменданта говорить с гостями вежливо. Надо сказать, что освобождение столь опасного заключенного привело сеньора в состояние тихого бешенства. Впрочем, за ним явственно проскальзывал страх перед отцами-дознавателями. Связываться с епископом де Лерро ему не хотелось. Главный тюремщик уже проклял день, когда в его заведение приехал Фернан. Сеньору де Суоза пришлось потратить массу времени для того, чтобы выбить согласие коменданта на то, чтобы прикованного отпустили.

Фернан разговаривал с Рийной, когда на тюремный двор привели чернокожего пленника. Ламия удивленно охнула.

Впрочем, маркиз тоже был порядком изумлен. Узник шел без цепей, спина прямая, голова высоко поднята. Стража шествовала на безопасном отдалении, судорожно сжимая в руках алебарды. Грозный черный мастиф в окружении стаи вусмерть перепуганных дворняг.

Тогда, в полутемной камере, Фернану не удалось хорошенько разглядеть человека, теперь же, на солнечном свете... Он знал, что пленник высок, но не представлял насколько. Чернокожий оказался настоящим гигантом. Фернан едва доставал ему до середины груди. Узник был облачен лишь в набедренную повязку, и бугрящиеся под угольно-черной кожей жгуты мышц не давали повода усомниться в зверской силе этого человека. Такими ручищами можно гнуть стальные прутья. Теперь сеньор де Суоза понимал, почему стража чувствует себя так неудобно. Пожелай пленник убить того же Фернана... Черный демон без труда мог разорвать «василиска» на части.

Несмотря на огромные габариты и немалый вес, освобожденный двигался мягкой, стелющейся походкой. Почти беззвучно. Почти как Рийна.

– Как тебя зовут? – спросил Фернан, когда великан остановился, не дойдя до него четырех шагов.

– Абоми, талела²².

Фернан решил пока не узнавать, что означает «талела». Он внимательно изучал своего нового слугу. Голова Абоми была то ли лысой, то ли бритой. Широкий, приплюснутый нос, пухлые губы, белые зубы, черные глаза, по которым совершенно невозможно было понять, о чем думает гигант. Под веками чернокожего, от носа до скул, тянулись аккуратные, можно даже сказать изящные, волнистые шрамы белого цвета. Еще один шрам, более широкий и прямой, начинался от переносицы и заканчивался на темени.

«Скорее всего, искусственные», – подумал Фернан. Он как-то слышал, что некоторые племена Черного континента украшали себя подобным образом.

Череда шрамов спускалась с шеи на грудь, превращаясь в некое подобие гротескного, но в то же время и прекрасного ожерелья. То ли паук с человеческим черепом, то ли еще какая-то тварь... Работа неизвестного мастера поражала. Паук казался живым.

Абоми заметил заинтересованный взгляд Фернана и позволил себе ответить на невысказанный вопрос:

– Это Сукри – геде²³! Умбо²⁴ Дождя, талела.

Фернан рассеянно кивнул, конечно же ничего не поняв. Рийна же лишь задумчиво сузила глаза. Похоже, в данном вопросе ламия ориентировалась куда лучше своего мужа.

Внимание Фернана привлекла татуировка, находящаяся на левом плече Абоми. Тончайшая работа изумительной красоты. Рисунок был белым и явственно выделялся на черной коже жуткая голова павиана, оскалившего огромные клыки.

– Это веде²⁵ моего геде-побратима, талела, – все так же невозмутимо произнес чернокожий.

– Кто тебе их сделал?

– Верховная гамбо²⁶, когда я только родился, талела. А знаками меня почтил сам Сукри, когда я стал одним из унси-нада²⁷.

– Ты унси-нада? – вырвалось у Рийны. – Воин Дождя?

– Я был им, талели.

– А эта татуировка? – Ламия указала на правое предплечье Абоми, где с десяток мелких белых значков образовывали нечто вроде браслета.

– Она защищает меня от козней ю-ю²⁸.

– Злых духов?

– Да, талели. Вам нравится?

– Очень красивая.

– Если талели и талела захотят, то я с радостью сделаю им такие же.

– Быть может, позже, сейчас нам надо идти.

И так на них глазели все стражники. Фернан не желал больше здесь оставаться.

– Как скажете, талела. Вы подарили мне жизнь и свободу. Я ваш слуга.

– Что за ремешок на твоей шее?

Абоми потянулся к кожаному лоскутку, обернутому вокруг шеи, но тут же поспешно отдернул руку.

– Люди в бордовых одеждах надели его на меня, и теперь геде и лоа не могут разговаривать со мной. Геде-побратим не может проснуться.

²² Талела – хозяин, господин (талели – хозяйка, госпожа).

²³ Геде. Существуют разные трактовки этого слова: верховный бог, бог смерти или же дух кладбища.

²⁴ Умбо – храм.

²⁵ Веде – символический рисунок, изображающий атрибуты тех или иных духов.

²⁶ Гамбо – жрица.

²⁷ Унси – помощник жрицы или жреца, обладающий теми или иными магическими способностями. Нада – воин.

²⁸ Ю-ю – злой дух, демон, враждебное волшебство.

Фернан задумался. Церковники не просто так надели на Абоми этот ошейник. Слугам Искусителя перед сожжением надевали такие же. Как говорят, сила Спасителя не давала им колдовать.

– Наклонись, – принял решение Фернан. Абоми послушно наклонился, и сеньор де Суоза без труда снял с могучей шеи ремешок. Бросил на землю.

– Спасибо, талела, – с достоинством кивнул слуга.

– Называй меня сеньор.

– Да, сеньор, – сказал Абоми и ослепительно улыбнулся.

Глава 5

*Si cum simulacris pugnas, oblivisceris se ferram manu tenere*²⁹.
Ioannus Tecius. Artifex ferro pugnandi

– Быстрее, Фер! Беги!

Отдаленные крики. Боль. Ужас. Отчаянная ругань сражающихся людей. Звон оружия. Ржание лошадей. Беснующееся в ночи пламя пожара.

– Быстрее, Фер! Беги!

Обледеневшая снежная корка могла поспорить с битым стеклом. Снег обжигал и резал обнаженные ступни. Холод ледяными пальцами забирался под тонкую рубашку. Рукоять кинжала пылала в ладони сильнее страха и застывших на морозе слез.

– Быстрее, Фер! Беги!

Сейчас он видел себя со стороны – маленькая испуганная тень, что есть сил несущаяся через холодный яблоневый сад. Впереди холод, за спиной огонь и смерть – дар де Доресов и де Муора, объединившихся и потребовавших с де Суоза плату кровью. Противостояние родов должно было закончиться этой ночью.

В ушах все еще звенел крик старшей сестры, загородившей дорогу убийцам.

– Быстрее, Фер! Беги!

Снег искрился в бледном свете полной луны, и казалось, что какой-то сумасшедший богач рассыпал по зимнему саду алмазную пыль. Не далее чем в двадцати ярдах от старой, укрытой снежным покрывалом яблони появился призрак – черный всадник на черном коне. Он посмотрел на Фернана, поднял руку с палахом и...

Фернан открыл глаза и долго лежал, вслушиваясь в тишину. Дом был погружен в сон. Рядом мирно спала Рийна. Он осторожно, чтобы не разбудить чуткую ламию, встал, накинул халат и подошел к окну. В городе властвовала ночь, и в темной речной воде отражался свет уличных фонарей. На миг сеньор де Суоза вновь закрыл глаза. Он не ожидал, что проклятый сон опять вернется и постучится в дверь его страхов. А ведь «василиск» так надеялся, что после двухлетнего отсутствия кошмаров прошлое наконец-то оставит его в покое. Выходит, что нет. Выходит, что восемнадцать лет – это не срок. Он ничего не забыл.

Скривил губы. «Забыл»! Такое не забывается! Та ночь до сих пор стоит у него перед глазами, словно это произошло лишь вчера. Нападение без всякого соблюдения кодекса чести, резня, сестра, люди с оружием, бой в узком коридоре, где отец и брат сдерживали врагов, побег через окно, сад, в котором для него теперь всегда бушует вечная зима, человек на лошади. И крик, преследующий его ночами. Крик, о котором не знала даже Рийна.

«Быстрее, Фер! Беги!»

Он прислонился лбом к холодному стеклу и в который раз попросил время повернуть вспять. Но время молчало. Молчало, как и Спаситель, к которому он больше никогда не вызывал. Фернан не единожды думал, что бы он сделал, если бы вновь оказался там. Уж точно бы не побегал. Ослушался. Остался. Не дал бы сестре спасти его ценой собственной жизни. Фернан всегда так думал после того, как кошмар уходил, исчезал без следа, словно клочья тумана, разогнанные свирепым ветром. Но стоило сну вернуться – и сеньор де Суоза не мог ничего поделать. Он вновь становился перепуганным двенадцатилетним мальчишкой. И вновь убегал, лишь для того чтобы стать последним из рода де Суоза маркизов де Нарриа. Убегал что есть

²⁹ Если ведешь бой с призраками – забудь о шпаге.

сил, оставляя за спиной сражавшихся родичей и пламя пожара. А затем просыпался и слышал звенящий в ушах крик Терезы.

Фернан отвернулся от окна. Провел рукой по белокурым волосам и, стараясь не шуметь, вышел из спальни, плотно прикрыв за собой дверь. Сейчас ему не уснуть. Где-то под сердцем тяжелым камнем заиндевел голос вечно молодой сестры. Подумать только! Теперь он старше ее на тринадцать лет!

Одна из теней в комнате шевельнулась, двинулась навстречу замершему от неожиданности Фернану.

– Темной ночи, талела.

– Темной? – Вот и все, что смог спросить у высоченной фигуры «василиск».

– Так мой народ приветствует друг друга. Ночь священна.

– Темной ночи, Абоми.

– Вас мучают плохие сны, талела?

– Кто тебе сказал? – Фернан старался не показывать удивления.

– Ночь время где. Они сказали мне.

– Ты разговариваешь с духами? – Рийна уже успела донести до Фернана объяснение некоторых слов, которыми изъяснялся Абоми.

– Нет, хозяин, – впервые на памяти сеньора де Суоза Абоми не назвал его «талела». – Я не могу с ними разговаривать. Я не гамбо, не унган³⁰ и не боккор³¹. Это духи разговаривают со мной. Иногда. Они сказали мне, что вас мучают сны прошлого. Это не простые сны. Когда человек спит, он слаб. Ю-ю могут забираться к нему в голову и мучить.

– Почему ты не спишь? – сменил тему капитан «василисков».

– Я охраняю вас, талела. Это долг нада.

– Со мной ничего не случится, Абоми. Иди спать.

Недолгое молчание.

– Как пожелаете, талела. Лоа этого дома станет охранять ваш сон. Сегодня кошмаров не будет.

Абоми покинул комнату. Похоже, темнота его нисколько не смущала. Слава Спасителю, что Лючита уже спит, а не то новый слуга Фернана напугал бы ее еще раз. Сеньор де Суоза усмехнулся. Увидев здорового Абоми, вошедшего в дом следом за господами, старая служанка решила, что настал судный день и в резиденцию Фернана ворвался один из демонов Искусителя. Весь вечер Лючите пришлось свыкаться с мыслью, что отныне ей надо жить вместе с самым настоящим еретиком, не прошедшим ритуала посвящения Спасителю. Хорошо, что Рийна догадалась купить Абоми одежду – широкие пешханские штаны, рубаху и жилет, иначе Лючиту точно бы удар хватил при виде чернокожего в одной набедренной повязке.

Думая об Абоми, Фернан все еще хмурился. Прошло слишком мало времени, чтобы он начал доверять слуге. А вот Рийна, казалось, вовсе не беспокоилась: мол, клятву Абоми дал, и теперь на нем можно хоть верхом ездить. На вкус Фернана – уж лучше оседлать льва, чем этого воина. Во всяком случае, от льва хотя бы знаешь, чего ожидать.

В течение часа сеньор де Суоза заполнял бумаги в своем кабинете. Следовало построить мощную оборону, прежде чем взбешенный де Лерро и его святая бордовая рать бросится на штурм и попытается обвинить «василиска» во всех смертных грехах вплоть до убийства Спасителя на горе Искупления...

³⁰ Унган – жрец.

³¹ Боккор – очень могущественный темный колдун. Обычно на порядок сильнее унгана и гамбо. Всю свою жизнь посвящает Хозяину перекрестков, главному темному богу, которому поклоняются в Стране Дожливого Берега.

Второй раз он проснулся оттого, что в спальне кто-то был. Стараясь, чтобы дыхание оставалось ровным, сеньор де Суоза приоткрыл глаза и заметил силуэт застывшего человека. Он прекрасно выделялся в свете заглядывающей в окно луны.

Вор? Убийца? Опять кровные долги?

Фернан выхватил из-под подушки кинжал. Рийна, мгновенно проснувшись от резкого движения мужа, успела перехватить руку, прежде чем Фернан метнул оружие. Одеяло отлетело в сторону, открывая взору незнакомца ее обнаженное тело.

Ритуал, через который проходят все новорожденные.

– Что ты здесь делаешь, Абоми? – Ламия прекрасно видела в темноте и без труда узнала застывший у окна силуэт. Сейчас ее голос был резок и холоден.

– Я не причиню вреда, талели.

Фернан расслабился. Действительно, если бы слуга задумал плохое, у него было бы достаточно времени, чтобы убить их обоих. Рийна отпустила руку мужа и до подбородка натянула на себя одеяло.

– Пахнет кровью, хозяин.

– Что?..

– Кровь. На улице. Плохо. Геде-побратим чувствует ее. Вот-вот проснется.

Фернан начал серьезно подумывать о том, чтобы немедленно отправить этого человека обратно в тюрьму. Держать в доме сумасшедшего небезопасно. Рийна думала несколько иначе. Она выбралась из-под одеяла и, нисколько не стесняясь своей наготы, стала надевать штаны и рубашку.

– Что ты делаешь?! – Фернан уже не мог удивляться.

– Надо проверить.

– Что проверить? Неужели ты веришь...

– Подожди нас за дверью, Абоми!

Слуга молча покинул спальню.

– Фер, помнишь, я говорила, что этот человек странный?

– Он и есть странный, если считает, что разговаривает с духами! И если ты решила ему верить...

– Я верю ему как тебе! – В зеленых глазах полыхнула ярость. Спустя секунду она сбавила тон и заговорила с ним как с маленьким ребенком: – Фер, я достаточно времени провела на Черном континенте, чтобы усвоить, что о людях из Страны Дождливой Берега ходит много сказок. Но одно я знаю совершенно точно – они действительно обладают на первый взгляд совершенно невероятными способностями. Кроме магий Спасителя и Искусителя есть более древнее и темное волшебство. Как-то раз я видела, как ученица гамбо одним щелчком пальцев разнесла береговой маяк! Точнее, не она, а те, кого она призвала. Народ Абоми называет этих существ геде или духами, мы – демонами... Какая разница, как называть, если итог один и от смены имени не меняется их сущность и сила?! Ты видел его татуировки и шрамы. Он не колдун, точнее, не совсем колдун... этот человек – воин Дождя, давший тебе клятву. Он может слышать существ, о которых даже «гарпии» только догадываются. Отбрось свою врожденную недоверчивость! Если он говорит, что дело плохо, значит, так оно и есть. Давай просто проверим, хорошо?

– Ты права. – Фернан постарался думать разумно и успокоил кипящую ярость. – Давай проверим. Чувствую, сегодняшней ночью поспать нам уже не удастся.

Абоми ждал в темной комнате напротив спальни.

– Говори, – приказала Рийна, проводя рукой по своим непокорным после сна волосам.

– Кровь. На улице.

– Нам следует открыть дверь? – угрюмо поинтересовался Фернан.

– Не знаю, талела. Там может быть опасно.

Сеньор де Суоза резко развернулся, вошел в спальню и вернулся оттуда с обнаженной шпагой.

– Хорошо! Давайте покончим с этой комедией!

– Талела даст мне оружие?

Фернан проигнорировал вопрос. Они спустились по лестнице в холл первого этажа. Сеньор де Суоза подошел к двери, Рийна поспешно зажигала свечи. Абоми поднял голову к потолку и втянул носом воздух. Сейчас он опять напомнил Фернану большого черного пса.

– Духи не ошиблись, хозяин. Теперь и я ощущаю кровь. Много. Прямо за дверью.

Несмотря на все еще оставшийся скепсис, Фернан старался действовать осторожно и отпирать дверь не спешил. Прислушался. На улице властвовала тишина.

– Я открою?

На вопрос Рийны Фернан ответить не успел.

– Лучше это сделать мне, талели. Там может быть опасно.

Она обожгла слугу зеленым огнем. Абоми не отвел взгляда. Все та же невозмутимость каменной горгульи. Над камнем пламя не властно.

– Мой долг защищать вас.

– Твой долг защищать моего мужа!

– Если с вами что-то случится, значит, я плохо его защищал, талели. – Упрямством и логикой Абоми мог по соперничать с ослом.

– Открой дверь, Абоми. – Фернан разом прекратил этот глупый спор.

Он стал рядом со слугой, держа наготове шпагу. Предосторожность была отнюдь не лишней. Фернан помнил и о нападении на улице Шеро, и о своих недругах. Дворяне Таргеры до сих пор еще практиковали кровавую плату (пусть и не так, как в прошлые века), и порой ночные нападения на дома благородных все еще случались. Правда, не верилось, что враги решат связаться с «василисками».

Абоми убрал засов и резко распахнул дверь. Перед их глазами предстала ужасающая картина. На мостовой, в четырех шагах от двери, в луже крови лежал человек. Лица Фернан не разглядел, но, судя по богатой одежде, дворянин. Даже испустив дух, человек не разжал руку, в которой держал обнаженную рапиру.

– Кто-то взял плату кровью, – пробормотал Фернан. – Абоми, внеси тело в дом.

Сеньор де Суоза вышел следом за слугой. Огляделся. Как и следовало ожидать, улица была пуста, а городская стража находилась у Спасителя за пазухой. Впрочем, это уже традиция. Стража приходила, только когда уже все заканчивалось.

– Он еще жив! – Выкрик Абоми, склонившегося над телом человека, оторвал Фернана от созерцания улицы.

– В дом его! Живо! – рявкнул сеньор де Суоза. – Рийна, разбуди Лючиту! Пусть нагреет воды! И принесет чистые тряпки!

«Василиск» вошел в дом последним, подобрав перед этим рапиру раненого, захлопнул за собой дверь и задвинул засов. Тем временем Абоми аккуратно положил свою ношу на ковер. Только сейчас Фернан увидел лицо незнакомца.

– Проклятье! – Вот и все, что он смог сказать.

– О нет! – Рийна уже успела вернуться и теперь бросилась к раненому. – Шейр! Только не это!

Фернан был рядом. Он с поспешностью стал расстегивать камзол тяжелораненого ламии. Руки «василиска» мгновенно стали красными и липкими. Лицо Шейра было землисто-бледным, глаза закрыты, он едва дышал.

– О нет! – Ламия словно замороженная смотрела на истекающего кровью родственника. Фернан впервые в жизни видел ее такой растерянной и испуганной.

– Не стойте столбом, капитан! – Его резкий окрик привел Рийну в чувство. – Быстро за лекарем!

Она бросилась к двери, впрочем не забыв прихватить с собой рапиру Шейра. Фернан расстегнул камзол и стал аккуратно разрезать некогда белую, а теперь покрасневшую рубашку ламии.

– Абоми, – глухо бросил он, – догони сеньору и сопроводи ее.

Слуга черным призраком растворился в ночи. Фернан уже жалел, что за лекарем отправил Рийну. Следовало пойти самому, ламия лучше разбиралась в ранах. Появилась Лючита с чистыми тряпками.

– Что творится! Что творится! Защити нас, Спаситель! Хороших людей убивают прямо на улицах!

– Вода?!

– Уже несусь, сеньор.

Наконец рубашка была разрезана. Фернан увидел раны, выругался. Дело было даже хуже, чем он считал.

– Г'ето. Г'ето того, – едва слышно прошептал Шейр.

Фернан на мгновение замер, бросил быстрый взгляд на лицо друга. Но тот так и не открыл глаз, только едва слышно застонал. На Фернана накатила волна злости на проклятых убийц.

– Держись, дружище! – прорычал сеньор де Суоза и разорвал одну из тряпок.

Они молчали. Тишину кабинета нарушало лишь оглушительное тиканье больших ледяных часов. Часам было все равно.

Рийна, облаченная в черное закрытое платье, задумчиво крутила в руках большое красное яблоко. Ее зеленые глаза потускнели и казались уставшими.

– Если бы я только была быстрее...

– Не кори себя. – Фернан поморщился. – Уж ты-то тут ни при чем. С такими ранами его мог вытащить только Спаситель.

Она упрямо закусил губу, но затем неохотно кивнула.

– Я никогда не чувствовала себя такой бессильной, Фер.

Он положил свою руку поверх ее.

– Когда ты уезжаешь?

– Я не еду. Адмирал флота объявил всеобщую боевую готовность. Капитанам запрещено надолго покидать свои корабли. – Она горько усмехнулась. – Шейр был из клана Дочедез, и мой долг кузины доставить его тело в родные горы. А тут этот проклятый приказ...

Фернан недовольно нахмурился. Плохо, что Рийна остается в Эскарине. Ламия все еще не могла прийти в себя после смерти родича, но что будет через два дня? Рийна жаждет крови и, вне всякого сомнения, постарается отыскать убийцу Шейра. А это опасно. Тот, кто убил одного ламию, сможет убить и другую.

– На него напали не здесь, – сказал Фернан.

– Шейр пришел к нашему дому уже раненым. Ему не хватило четырех шагов, чтобы постучаться в дверь. Каких-то жалких четыре шага...

– Удивительно, что он вообще смог до нас добраться. Восемь ранений... и этот странный ожог на спине... Опять магия Искусителя?

– Не знаю.

– А если пригласить... – осторожно начал «василиск».

– Нет! Никакие «гарпии» не подойдут к телу! – гневно перебила она его.

– Как знаешь, – примирительно произнес сеньор де Суоза. – Твой кузен прекрасно владел рапирой. Восемь ранений...

– Если здесь замешана ламия, я найду ее... или его.

– Не обязательно ламия, Ри. Не стоит списывать людей со счетов.

– Кто мог желать ему смерти? У него не было кровников, это я знаю точно.

– Он вел дело о смерти маршала. Боюсь, что Шейру удалось что-то раскопать. Поэтому его и убили. Я жалею, что во время нашей последней встречи не настоял на том, чтобы он рассказал мне о своих предположениях. Проклятье, Ри! Знать бы, где упаду...

Она промолчала. Положила яблоко на стол, горько усмехнулась и, проявляя свои истинные чувства, резко оттолкнула плод от себя. Он прокатился через весь стол и ударился об пол. Фернан не сделал попытки поймать яблоко. В некоторых случаях он предпочитал не вставать на пути настроения своей жены.

– Перед смертью он что-то сказал на вашем языке.

– Почему ты раньше молчал?!

– Да не до этого было. – Фернан виновато пожал плечами.

– Что он сказал? – Она встала, обошла стол и подняла яблоко с пола.

– Откуда же я знаю? – Сеньор де Суоза так и не удосужился выучить сложный язык ламий.

– Ну хотя бы примерно...

– Он произнес всего лишь одно, ну, может быть, два слова... – Фернан замолчал, припоминая. – Хето... хотя нет, там скорее мягкое «гэ»... гето?

– Г'ето? – вскинулась она.

– Точно! Именно это слово! Второе... второе, хоть убей, не могу вспомнить.

– «Г'ето» – означает «рисунок».

Фернан задумчиво побарабанил пальцами по столу. Шейр, вне всякого сомнения, хотел рассказать о странном рисунке мантикоры на стене кабинета графа де Туриссано. Опять эта проклятая мантикора! Было с чего рвать волосы на голове. Расследование не продвинулось ни на шаг. В высших кругах уже нетерпеливо топали ножками. Сеньор де Брагаре был зол на весь белый свет, и под его руку лучше не попадаться.

Шейр умер вчера, но расследование, уже со всей пристрастностью проведенное «василисками», ни к чему не привело. Нашли лишь место, где произошел бой, и многочисленные следы крови. Ни тел убитых, ни брошенного оружия, ни свидетелей. Тихо, как в могиле. Разве что несколько сгоревших, словно от пожара, деревьев. И страшный ожог на спине ламии. До поры до времени «василиски» смогут скрывать этот факт от церковников. Но как долго? Фернана беспокоило, что слуги Искусителя второй раз за неполный месяц будоражили столицу. И это под носом у «гарпий» и «бордовых»! Использовали силу Искусителя дважды, – значит, не погнушаются обратиться к Дару и в третий раз. Действовали парни нагло и совершенно безнаказанно. Кто это делал? Кто убил графа? Леонора? Предположим, что полковник де Брагаре прав и маршал погиб потому, что слишком близко подошел к разгадке личности лучшего осветителя Андрады. Следовательно, за всем этим стоят военные Андрады? Не зря же напавшие на Фернана люди так походили на солдат! Что же, это предположение ничуть не хуже остальных. Вот только зачем разведка Андрады связалась с магией Искусителя? Тьма их знает! Столько вопросов – и ни одного ответа.

– Абоми.

– Талела?

– Пойдем со мной.

Абоми достаточно сильно отличался от говорливого прохиндея Вето. Чернокожий слуга больше молчал и скорее напоминал тень, вечно следующую за сеньором де Суоза, чем живого человека. Поначалу это Фернана раздражало, он терпеть не мог, когда кто-то стоял у него за спиной, но спустя какое-то время незримое присутствие Абоми начало вселять в «василиска» уверенность в собственной безопасности. Абоми надежно прикрывал спину.

Они вошли в кабинет.

– Садись.

- Талела? – Абоми выглядел непонимающим. – Я не могу сидеть в вашем присутствии.
- Садись. Ты ведь не хочешь, чтобы я свернул себе шею, наблюдая за тобой?

Слуга поколебался, но затем все же подвинул к столу кресло и сел. Кресло протестующе скрипнуло.

- Я хотел задать тебе несколько вопросов...

- Да, талела. – Глаза Абоми были бесстрастны.

– Я уже слышал версию судебного исполнителя и теперь очень хотел бы услышать твою историю о том, что произошло в провинции Ллога. Женщина, которую ты сопровождал... она и вправду умеет колдовать?

- Она была одной из десяти великих гамбо храма Дождя.

Это все, что удосужился сказать Абоми. Как видно, слуга считал, что большего и не требуется. Фернан же подумал о том, что даже самого великого и сильного колдуна могут убить обычные солдаты.

- Значит, колдунья... Почему она напала на солдат?

– Это ложь, талела! Гамбо и мы просто шли по улице. А люди в бордовых одеждах... Они позвали солдат и сказали, что госпожа служит вашему темному богу. Приказали схватить и убить. Мы дрались, защищаясь.

Фернан потер подбородок, задумчиво разглядывая гневно раздувающего ноздри Абоми.

- Так защищались, что убили двенадцать солдат и двоих клириков?

– Эти... – Он осекся. – Эти люди, талела, выпускали из огненных палок мертвых геде. Гамбо и один из моих братьев умерли, так ничего и не поняв. Кли-ри-ки, – старательно выговаривал Абоми незнакомое слово, – заранее подготовились. Нас окружили. А потом огненные геде, спящие в трубках солдат, вновь заговорили – и двое моих братьев погибли. Я решил дорого продать свою жизнь и порадовать Сукри.

Фернан хмыкнул. Выходит, его слуга собственноручно отправил на встречу со Спасителем целых четырнадцать человек.

– Ты порадовал своего бога, можешь быть уверен, – ровным тоном произнес Фернан. – Какое у тебя было оружие?

- Ума, талела.

- Ума? – Фернан никогда не слышал ни о чем подобном.

- Меч.

«Василиск» задумчиво кивнул.

- Почему твоя госпожа оказалась так далеко от храма Дождя?

- Гамбо прогневала Набота, талела.

- Кто такая Набота?

- Это мать Сукри. Она великая и ужасная змея.

Похоже, у народа Страны Дождливый Берега был целый пантеон несуществующих божков.

– Моя госпожа пожалела Рзули³² и дала ей часть силы. Гамбо опасалась гнева верховной богини, и ей не оставалось ничего, кроме как бежать прочь от мести Набота и ее мужа – Хозяина Перекрестков. На самый край земли.

- Ллога для твоего народа край земли?

– Пустыня Са – край земли. Гамбо решила, что нам следует уйти за край. А там мы нашли других людей. Вас. Никто из моего народа не знал, что мир такой большой.

- Ты тоже прогневал богиню?

- Нет, талела. Только гамбо.

³² Рзули – у жителей Страны Дождливый Берега богиня любви и красоты. Рзули и Набота – единокровные сестры и вечные враги.

– Тогда зачем ты пошел с ней?

Абоми посмотрел на своего хозяина с недоумением. Затем осторожно и вкрадчиво, словно разговаривая с маленьким и не очень-то умным ребенком, произнес:

– Я был унси-нада, талела. Я был воином храма Дождя. Этими знаками меня наградил сам Сукри. Моя жизнь принадлежала гамбо. Я был ее тенью и ее опорой. Там, где спала ее магия, просыпался мой меч. Мой долг – охранять жрицу Дождя и следовать за ней куда угодно, и не важно, как к ней относится Набота. Гамбо ушла, забыла о храме и отвернулась от богини, и я последовал за ней. – Он поймал взгляд Фернана. – Да, талела. Я не исполнил свой долг и не смог защитить ту, на которую мне указал Сукри. Я больше не унси-нада. Я просто воин и ваш слуга до конца моей жизни, сеньор.

Фернан дернул бровью. Абоми впервые назвал его сеньором.

– До конца жизни? Ты хочешь остаться в Таргере, пока не умрешь?

– Если только вы не прогоните меня, талела. Я буду защищать вас до последней капли крови.

– Такая верность меня удивляет, Абоми. – Он хотел увидеть в глазах слуги правду, но, как всегда, наткнулся лишь на бесстрастность камня.

– Вы спасли меня от огня. В огне сгорает лоа. После такой смерти человек уже никогда не родится заново. Вы спасли мой лоа, а я поклялся, талела. Вы должны помнить.

– Я помню. Но ни одна клятва не вечна.

– Кроме той, когда клянутся духами предков. Духи священны, талела. Тех, кто нарушит эту клятву, ждет расплата. Псы Хозяина Перекрестков перейдут радужный мост и заберут мою душу.

– И ты не хочешь вернуться домой? На родину?

– Я хочу вернуться, талела, но я больше не унси-нада. Я ушел с гамбо, и теперь Набота не смотрит в мою сторону. Я чужак. Для храма Дождя я умер. Мне нет дороги назад.

– Хорошо. – Фернан принял окончательное решение. – Идем, Абоми. Сегодня у нас будет очень тяжелый день.

Рийны дома уже не было. На столе рядом с красным яблоком лежала записка, где в двух поспешно написанных строчках было сказано, что ламию и других капитанов срочно вызвали в адмиралтейство и раньше вечера она не вернется. Сеньор де Суоза нахмурился, аккуратно сложил записку и убрал в карман. Главное, чтобы Ри после всех своих дел в адмиралтействе не натворила глупостей и не стала искать убийцу Шейра.

Быстро переодевшись, Фернан спустился в холл, где его уже ждал Абоми. Высоченный слуга, невозмутимо сложив руки на груди, застыл у двери. Стоявшая в противоположной части холла Лючита недовольно косилась на новое приобретение хозяина. За те дни, что Абоми находился под крышей дома сеньора де Суоза, старая служанка так и не смогла привыкнуть к присутствию чернокожего гиганта. В любую минуту Лючита ожидала гнева Спасителя или хотя бы вторжения отцов-дознателей в ее вотчину – на кухню.

– Сеньор...

– Да, Лючита?

– Сеньор, – зашептала старушка, не спуская с Абоми настороженного взгляда, – а когда этот... когда он уйдет?

– Боюсь, что очень не скоро. Это мой новый слуга.

Лючита осенила себя крестом и сплюнула через левое плечо.

– Он не страшнее Вето, Лючита.

– Черен, как демон Искусителя, спаси меня Святая Мария! Я его боюсь, сеньор. А вдруг он украдет столовое серебро?

– Я лично прослежу, чтобы ничего не пропало, – стараясь сохранить серьезное выражение лица, ответил ей Фернан.

– Ну тогда пусть остается, – все еще сомневающимся тоном произнесла служанка. – Но чтобы на кухне я его не видела! Еще молоко скиснет!

Маркиз важно кивнул, тем самым скрепляя их договор.

– Лючита, к обеду можешь меня не ждать.

Она вновь стала ругать Фернана за то, что тот очень плохо питается и совсем не следит за своим здоровьем. Сеньор де Суоза в который раз торжественно поклялся, что обязательно прислушается к ее наставлениям. Он уже был у двери, когда ворчание женщины внезапно прекратилось и она спросила:

– А что делать с вещами кузена госпожи Рийны?

– Выброси, – после некоторого раздумья сказал «василиск». – Одежда вся в крови, думаю, сеньоре не следует отправлять ее вместе с телом.

– А с вещами?

– Вещами? – нахмурился Фернан. – Насколько я знаю, сеньора Рийна уже собрала все вещи сеньора Шейра.

– Наверное, она не заметила в камзоле внутреннего кармана. Там были бумаги...

– Где они?!

– Где и одежда. Мне их принести?

– Да, Лючита. Будь так любезна.

Пока служанка отсутствовала, Фернан нервно расхаживал по холлу. Больше всего маркиз походил на терьера, напавшего на лисий след. Вернулась Лючита и протянула хозяину лежащие на подносе бумаги. Охотничье предвкушение сменилось разочарованием. Документы были черны от пропитавшей их крови.

Фернан взял их в руки и стал внимательно рассматривать.

– Всего лишь двадцать небольших в несколько раз сложенных листов. Ничего рассмотреть было нельзя. Фернан с сожалением отбрасывал от себя листы. Первый. Второй. Третий. Четвертый. Пятый. А вот это уже интересно! На шестом листе уцелело несколько строчек:

«... У каждого двадцатого прослеживается активная „нить“. Ее свободное существование может привести к тому, что мир сойдет с ума. Чтобы зло никогда не попало в руки простых людей и чтобы чудо оставалось в руках Избранных...»

Понять, что было дальше, не представлялось возможным, кровь уничтожила все следы. Впрочем, даже из тех строчек, что были различимы, Фернан не вынес для себя ничего ценного. Он понимал, что в его руках оказался ключ, но, к сожалению, маркиз пока не смог найти замок, дабы отворить дверь разгадки. Вне всякого сомнения, на горизонте опять появилась тень Святой матери Церкви. Фернан с уверенностью мог сказать, что в последних происшествиях так или иначе замешаны клирики.

Убийство маршала де Туриссано – и тут же высшие церковные иерархи ныряют в это дело с головой, прикрываясь историей, что хотят спасти доброе имя графа, хранящего в своей библиотеке еретические книги. На самом деле Церковь ищет какие-то жизненно важные для себя бумаги, неведь каким образом оказавшиеся у сеньора де Туриссано. Уж не эти ли документы они искали? Затем странное ночное нападение. И магия Искусителя. И вновь клирики. А теперь смерть Шейра и бумаги, в которых явный церковный слог. Слишком уж много совпадений.

Конечно, Святая мать Церкви кинжалам, шпагам и наемникам предпочитает яды и интриги, но времена меняются. Пятьдесят лет назад мушкеты были в диковинку, а аркебузы не могли соперничать с арбалетами. Теперь же все изменилось и с каждым годом арбалетов становится все меньше и меньше.

Убийства. Загадки. Церковь. И проклятая Леонора. Как она связана со всем этим, Фернан просто не представлял.

Сеньор де Суоза еще раз медленно прочитал уцелевшие строчки и оторвал взгляд от записей только тогда, когда каждое слово глубоко вьелось в его память. Затем подверг надпись внимательному изучению. Вне всякого сомнения, это копия. Фернан узнал размашистый почерк Шейра. Скорее всего, ламия успел скопировать бумаги. Весь вопрос состоял в том, были ли у Шейра оригиналы или только копии? И если были оригиналы, то где они сейчас? В руках убийц или надежно спрятаны?

Фернан задумался, затем быстро написал короткую записку.

– Лючита, передашь это сеньоре Рийне, когда она вернется.

Он протянул служанке послание вместе с окровавленными бумагами и, получив подтверждение, что все будет так, как приказал сеньор, вышел вместе с Абоми во двор. Здесь уже давно торчал Ули, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Мальчик держал за уздечки двух лошадей. Увидев Абоми, Ули вытаращил глаза, но, слава Спасителю, не побежал. Фернан взял из рук мальчика уздечку, поблагодарил. Похоже, Педро все же сможет натаскать мальчишку. Абоми уселся на лошадь без труда, но опытный взгляд Фернана заметил скованность слуги.

– Ты раньше ездил на лошади, Абоми?

– Нет, талела. Но думаю, это не сложнее, чем ездить на пабуто.

– И кто такие пабуто?

– Это такая большая ящерица, господин. Она иногда ест львов.

Услышав такое откровение, «василиск» раз и навсегда решил для себя, что ни за какие сокровища мира не отправится в Страну Дождливой Берега.

– А, сеньор де Суоза! – Увидев Фернана, лысый крепыш едва не подпрыгнул за прилавком. – Рад вас видеть. Это он?

– Да, мастер Хресто.

Торговец оружием с неподдельным восхищением изучил Абоми.

– Сеньор, вы, как всегда, точно описали все размеры. Ширина плеч, длина рук. Думаю, ваш заказ подойдет гиганту идеально. Он понимает по-нашему?

– Да, – коротко сказал Фернан.

– Великолепно! – умилился мастер Хресто, как будто ему только что сообщили, что его маленький сын не далее как пять минут назад научился ходить. – Ты понимаешь меня?

– Да.

– Ух! – вытаращился оружейник. – Где вы нашли такой потрясающий экземпляр, сеньор?

– В тюрьме.

– Как чуд... э-э-э... вы сказали, в тюрьме, или мне послышалось?

– Вам не послышалось, мастер Хресто. Мой слуга был зол и убил больше десятка солдат.

Торговец испытующе посмотрел на высоченного чернокожего. Абоми бросил на мастера Хресто взгляд, ясно говорящий, что еще один глупый вопрос – и к десятку солдат прибавится один оружейник.

Они без всяких слов прекрасно поняли друг друга.

– Воин, да? – пробормотал себе под нос мастер Хресто, в мгновение ока став серьезным. – Эй, парень, держи.

Он достаточно быстро бросил Абоми лежащий на прилавке палаш. Слуга ловко поймал оружие за рукоять. Сейчас, находясь в руках Абоми, клинок отнюдь не казался грозным оружием, а больше всего походил на маленькую и очень легкую игрушку.

– Воин, – удовлетворенно кивнул оружейник. – Ваш заказ готов, сеньор. Не сочтите за труд подождать несколько минут, я сейчас все принесу.

Фернан кивнул, и мастер Хресто удалился куда-то во внутренние помещения лавки.

– Зачем вы привели меня сюда, талела? – Абоми положил палаш на место.

– Я подумал, что моему слуге требуется хорошее оружие.

Абоми понимающе склонил голову и больше вопросов не задавал. Фернан еще днем раньше посылал Педро с запиской к мастеру Хресто, чтобы тот подобрал для Абоми что-нибудь стоящее. Теперь оставалось дожидаться и увидеть, что ему приготовили. Вкусу и опыту мастера Хресто Фернан всегда доверял и покупал клинки именно здесь. Ранее торговец сам был отличным оружейником и создавал воистину прекрасные экземпляры, но потом пришла старость – и всеми делами занялись его дети, а мастер стал торговать не только оружием собственного изготовления, но и других известных мастеров.

Наконец появился донельзя довольный собой торговец, а следом за ним трое подмастеров со свертками черной ткани. Они положили свою ношу на прилавок и ушли, а торговец радостно потер руки. Фернан терпеливо ждал. Мастер Хресто любил маленькие представления, и сеньор де Суоза не имел ничего против того, чтобы потешить самолюбие старого оружейника.

– Я тут подобрал несколько экземпляров, сеньор. Учитывая мерки, присланные вами, и некоторую экзотичность, – быстрый взгляд в сторону Абоми, – э-э-э... заказа, ну и срочность выполнения того, мне пришлось немного подсутиться.

– Все ваши старания будут оплачены.

– О, я в этом нисколько не сомневаюсь, сеньор! Вы всегда были щедры. Кстати, как вам нравится ваша новая дага? Как я слышал, она уже успела побывать в бою? – Секундная остановка карих глаз на щеке Фернана.

– Она безупречна, мастер.

– Как и пружинный механизм с секретом! – довольно усмехнулся продавец. – Моя личная разработка! И спешу вас уверить, такая дага есть только у вас!

– Наверное, всем остальным жалко платить столь большие деньги? – Фернан улыбнулся.

– Все остальные невежды, сеньор! Они не способны оценить хороший клинок! В отличие от вас конечно же! – Мастер Хресто отвесил поклон. – Но давайте вернемся к вашему заказу, а то я что-то заболтался... М-да... Пусть ваш слуга выберет то, что ему по душе.

Торговец жестом заправского фокусника откинул ткань, открывая взору покупателей первое оружие. Секира. Короткое черное древко, два хищных полулунных и, скорее всего, очень тяжелых лезвия. Абоми взял оружие двумя руками, взмахнул.

– Вручать ему обычную шпагу или чивону не имеет смысла, все равно он не знает высокого искусства фехтования. Не подходит? Думаю, что и второй вариант вас оставит равнодушным.

В скромных и потертых черных ножнах на столе лежал Баргел³³. Рукоять и гарда тоже были простыми, без всяких украшений и вычурности. Абоми аккуратно взял саблю в руки, вытащил клинок из ножен на четверть. Пешханская сталь всегда дорого ценилась в Лории.

– Откуда это у вас?

– Старые запасы, сеньор. Редкая вещица.

Между тем Абоми полностью вытащил широкую саблю из ножен. Взмахнул. Баргел со свистом рассек воздух. Слуга подкинул клинок вверх, (так что тот, превратившись в размытый круг, сделал в воздухе два полных оборота), поймал тяжелое оружие одной левой рукой, закрутил, закинул за спину, там перебросил в правую руку, рубанул снизу вверх, взялся обеими руками, закрутил со страшной силой, на миг став похожим на взбесившуюся от урагана мельницу, и замер, белозубо улыбаясь.

– Они созданы друг для друга, – наконец смог вымолвить потрясенный мастер Хресто.

– Что скажешь, Абоми?

³³ Баргел – разновидность тяжелой широкой двуручной сабли с сильной кривизной клинка, расширяющегося книзу. Обычно этим оружием пользовались «Псы Повелителя» – личная гвардия пешханского султана.

– Хорошее оружие, талела. В нем спит лоа.

– Не знаю, кто там спит, но отдам его вам бесплатно. Платить будете только за клинок, сеньор, – позволил себе шутку торговец.

– Сколько? – коротко бросил Фернан. Мастер Хресто назвал цену. Сеньор де Суоза не выразил удивления. Нечто вроде этого он и ожидал.

– При мне нет нужной суммы. Вот задаток. Желаете, чтобы я написал расписку?

– Что вы?! – замахал руками торговец. – Я верю вам как себе! Заплатите, когда сочтете нужным.

Абоми тем временем ослабил ремень на ножнах и забросил баргел себе за спину. Носить эту кривую саблю на поясе было не очень-то удобно, а вот за спиной – самое то.

– Я хотел бы сделать еще один заказ, мастер Хресто.

– Я весь в вашем распоряжении, сеньор де Суоза.

– Мне нужен кривой пешханский кинжал с рукояткой из слоновой кости. Приблизительно вот такой величины. Никаких особых украшений. На рукояти изображена маленькая буква «Т».

– Сложный заказ, – поджал губы оружейник. – Я должен узнать еще что-то?

Фернан уже несколько раз обращался к мастеру Хресто с подобными просьбами. Вот и сейчас оружейник понял, что дело нечисто.

– Мне нужен кинжал, мастер. Или хотя бы информация о том, у кого он находится. Естественно, мне не требуется клинок, который привезут из Пешханства. Тот, что я ищу, где-то в Таргере. Большого вам знать не следует. Разве только то, что заплачу я за него ту же сумму, что и за баргел.

– Я вас понял, сеньор.

– Вот и чудесно. Как только у вас появится хоть какая-то информация, срочно свяжитесь со мной, – сказал на прощание Фернан и, не дожидаясь ответа, вышел из оружейной лавки.

Глава 6

*Si harquebus te minatur, noli in itinere glandis stare; iustus recessus non ad cladem, sed ad victoriam ducit*³⁴.

Ioannus Tecius. Artifex ferro pugnandi

– Эй, любезнейший! – Фернан окликнул человека, стоявшего у входа в жандармерию. Судя по бляхе, висящей на груди парня, тот был помощником младшего следователя. – Как я могу найти господина Хорте?

Жандарм нахмурился и покосился на Фернана. На этот раз сеньор де Суоза не надел знака «василисков», да и его одежда – простые черные штаны, белая рубаша и кожаный жилет – больше подходила какому-нибудь мелкому провинциальному дворянчику, а не капитану контрразведки. Единственное, что украшало скромный костюм, так это хорошая шпага и серебряная цепь на груди Фернана. Впрочем, сеньору де Суоза досталось минимум внимания. Куда интереснее было глазеть на Абоми. Чернокожие не были редкостью в Эскарине, благо жители провинции Ллога, являющиеся таргерскими подданными, приезжали в столицу. Но на Абоми все же постоянно обращали внимание. Во-первых, благодаря его росту и силе, во-вторых, из-за достаточно экзотичной внешности. Не каждый день можно встретить человека со столь обильным количеством шрамов на лице. А уж если ко всему вышеперечисленному прибавить блестевшую на солнце лысую голову, пронзительный взгляд черных глаз, огромную саблю за спиной и два тяжелых золотых кольца в ушах (подарок Рийны), то на Абоми пялились все кто только мог. Тот переносил столь пристальное и нездоровое внимание к своей персоне воистину с королевским достоинством.

³⁴ Если в тебя целятся из аркебузы, не стой на пути пули. Грамотное отступление во время боя ведет не к поражению, а к победе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.